

Варвара Сеницына. Муза и генерал

ВПЕРВЫЕ В РОССИИ –
ЖЕНСКИЙ РОМАН ОБ АРМИИ

Биография

Может ли прапорщик написать роман? Да, если этот прапорщик служит в столице подводного флота и фамилия у него Сеницына, а зовут его Варвара...

Десять лет назад студентка сценарного факультета ВГИКа вышла замуж за курсанта военно-морского училища и поехала с любимым на край света. Край света располагался в районе 70-й параллели, в одном из гарнизонов Северного флота. За прошедший период Варвара родила сына, развелась с мужем и призвалась на военную службу. Прапорщик Сеницына является специалистом первого класса, умеет хранить военную тайну, в перерывах между несением службы, стрельбами, нарядами и строевой подготовкой пишет романы.

Аннотация

Все началось в гарнизоне с обыкновенного спора на ящик шампанского: офицер-подводник поспорил с соседкой-телефонисткой, что сможет расшифровать любую криптограмму. Выиграв спор, он увидел свою жену в объятьях командира и побежал к командующему. Жаловаться на соперника или просить женсовет вернуть жену законному мужу? – гадают весь гарнизон. Однако после расшифровки "криптограммы дьявола" на лодке объявлена двухчасовая готовность, а в полку погибает три человека...

ГЛАВНОЕ МУЖСКОЕ ДОСТОИНСТВО

Куда податься одинокому журналисту, если в городе так называемых СМИ раз, два и обчелся, тем более что в первом я уже пописывала? Отправляюсь по второму адресу, в "Заполярный край". Хорошо писателю, может строчить в стол. Журналист же – существо прожорливое, ему всегда не хватает фактов и публичности. Но особенно скудны гонорары. Вот и приходится бегать савраской в поисках информационной пищи. Не дай бог, опередят.

Еще из глубины аллеи, усыпанной желтыми листьями, моему взору открылась живописная картина. Главный редактор газеты Костомаров в длинном темно-синем кашемировом пальто нарезал круги возле парадного входа в редакцию. Красивая молодая девица с кустодиевскими формами и неказистый парень приколачивали над массивной дверью красное полотнище "Да здравствуют герои российской авиации!" под властные выкрики главного редактора: "Выше!", "Ниже!"

Несмотря на цивильный прикид, только слепой не распознает в Костомарове вояку, хоть и бывшего. Так и подмывает подойти и отдать честь – немедленно. Что я и сделала. Подошла и задала вопрос, по-военному четко: – Товарищ главный редактор, разрешите обратиться?

Костомаров оценил мой подход. Оставил дизайнерские хлопоты, кивнул: что ж, валяй, обращайся. Обычно к нему на козе не подъедешь. А вот ведь – подъехала. И все потому, что по уставу. Надо запомнить.

– Хочу работать в вашей газете. – Я протянула ему папку со своими статьями.

Костомаров вытаскивал лист за листом, на каких-то задерживал взгляд и хмыкал, как мне показалось, одобрительно. А че – я же старалась, сортировала. Склаживала самые безобидные: интервью с артистическим

бомондом, случайно залетевшим из столиц в нашу провинцию, светские сплетни, советы для дома, для семьи. Конечно, работая в газете, невозможно хоть раз не отоспаться на конкурирующем издании. Тем более на таком, как "Заполярный край" – его частенько заклинивало от любви к губернатору. Было бы честнее переименовать "Заполярный" в "Край непуганого Леонида Петровича". Цитата из меня.

Однако зачитался Костомаров. Вот что такое бойкое перо!

Значит, Варвара Синицина? Фамилию в девичестве не меняла, птичка-синичка? Зотова, она же Лобанова, она же Вера Фигнер. Ничего не забыл? – угрожающе спросил Костомаров.

Ну что тут скажешь. Молодец, допер. Раскусил в два прихлопа, три притопа автора иезуитских статей.

Что делает женщину женщиной? Даже отвергнутую на профессиональном поприще? Спина, прямая и непокорная. Головку поднять, еще лучше – запрокинуть к небу, чтобы слезы не лились. Черт возьми, слез как раз и нет. Совсем разучилась плакать. Попробовала шмыгнуть носом и выдавить хоть одну слезинку. Чтобы она трогательно выкатилась из глаза и протоптала дорожку на моей щеке. Глухой номер. Жаль. Очень жаль. Не вооружена и совершенно не опасна.

А ведь были времена! Давно, когда я еще служила в армии, меня в наряде по камбузу поймал командир части. Не знаю, что больше разозлило его – книга о Сократе в моей руке или неуставное "здрости".

На общем собрании командир выволок на середину зала стул и стал вульгарным образом на него присаживаться, раз эдак десять.

– Прихожу на камбуз, а там прапорщик Синицына сидит.

После его приседаний прояснилось: прапорщик должен вскакивать по стойке "смирно".

Все время я покорно стояла. Стояла, когда полковник демонстрировал искусство перевоплощения в меня. Стояла, когда он орал, что наложил на меня... выговор. И чтоб никто не смел снимать этот выговор без его на то позволения. Вот после этих слов я и села. Командир чуть не упал от моей наглости.

– Встать!!! Доложить по уставу!

Встать-то я встала, а что докладывать – ума не приложу. Стою, молчу, в голове ни одной уставной мысли. И общее собрание части молчит, судорожно вспоминают устав. Тут командир, как отличник в компании двоечников, выдает правильный ответ: "Докладывать надо: "Есть!"

Обидно до безобразия. Я знала это заветное слово, вмещающее в себя весь словарный запас служивого! Можно забыть все слова в объеме толкового словаря Ожегова, можно даже говорить "калидор" и "тубаретка", и это ничуть не мешает твоему продвижению по службе, более того – поспособствует. Но при единственном условии: при любых обстоятельствах должно наличествовать слово "есть". Не потеряй я его в решающую минуту в кулуарах памяти, была бы сейчас старшим прапорщиком, а не лицом без определенного места работы и жительства.

А тогда, на общем собрании части, я села и заплакала. Я знаю кучу слов, которые девушке из приличной семьи знать негоже, а вот самое необходимое никак не укладывается в моей голове. Сначала плакала для себя – тихо. Но явно не хватало развития сюжета в мою пользу. Пришлось усилить звук, и я разрыдалась. Командир выказывал тугоухость, игнорируя эмоциональный всплеск подчиненного.

И все-таки, несмотря на дисциплинарные запреты и уставы, народ у нас добрый – мне сочувствовали. Особо жалостливые даже успокаивали. Шепотом. На языке сцены я трактовала их шипение не иначе, как "бис". И бисировала. Успех превзошел все ожидания: командир потребовал "вывести эту истеричку из красного уголка".

Чьи-то заботливые руки подхватили меня, заливавшуюся горячими слезами, и поволокли к выходу. Вот он, миг катарсиса, очищения, или так называемая кульминация. Как и положено драматургу, закрутившему до отказа пружину фабулы, я развернулась лицом к своему гонителю и, испепеляя его глазами,

донесла до присутствующих квинтэссенцию своего революционного непослушания: "Вы хам, а еще мужчина!"

Гражданская война после этого не случилась, но подавляющее большинство личного состава части тайком жало мне руку как выразителю общественного мнения. Командир воспринял услышанное избирательно – из сказанного отнес на свой адрес только последнее. Чем же еще можно объяснить отсутствие выговора в моем личном деле и уважительное "Варвара Михайловна" взамен дежурного "товарищ прапорщик"? Вот вам и трактат о благотворном воздействии женских слез. Коих на данный момент нет и не предвидится.

По-моему, перебой с водоснабжением случился из-за некоего удовольствия, доставленного – таки мне отказом главного редактора. Костомаров просек автора пасквилей о степени его финансового благополучия по стилю. А нам, авторам, это всегда лестно. Что ни говори – публичное признание! Даже если публика – недавний объект яростной трепки.

Да слышу я вас, поборники нравственности и морали! На моем месте вы бы никогда не пошли на поклон к Костомарову, работать в "Крае" для вас противно. А мне противно, когда у меня нет денег, противно жить непонятно где, противно, когда сын Василий не со мной. И потом, подойдем к журналистике с точки зрения профессии. Вот строгаю я табурет. Да плевать мне, кто будет на нем сидеть!

Мою гневную филиппику прервал гул мотора. Костомаров с поспешной небрежностью сунул мне папку и устремился к "Волге", газующей к центральному воротам редакции. Из выпавшей папки, подхваченные ветром, разлетались мои статьи. Я бросилась за одной и чуть не попала под колеса. Но что это "чуть", знала только я. Страшно закричала какая-то женщина, заскрипели тормоза. Я брякнулась на асфальт. Чертовски жаль колготки, но не жертвовать же ради них роскошной экспозицией!

Однако пребывать в лежачем положении пришлось недолго. Чьи-то сильные руки легко оторвали меня от шершавого асфальта, и я почувствовала его запах. Запах мужчины. С закрытыми глазами я плыла в темноте, а вокруг толпились голоса. Костомаров требовал отдать тело журналистки ему, перезревший баритон предлагал засунуть меня в машину, но Он сказал: "Я сам". От его голоса, насмешливого и властного, от его запаха все закипело во мне, накрыло бесстыжей волной желаний.

Мир онемел. Погрузился в вакуум. В тумане звуков я слышала только биение своего сердца. Сердце предательски колотилось в груди. Чтобы хоть как-то помочь изнывающей плоти, я переменяла положение – безвольно болтающейся рукой обняла своего спасителя за шею. Шея была что надо: крепкая, колючая, она жарко пульсировала под пальцами. Стало страшно, я боялась открыть глаза. Помните, у Пушкина: "Ты лишь вошел, я вмиг узнала..." И я испугалась: узнав по запаху, голосу, на ощупь – не узнать глазами.

Репортаж с места событий. Глаз дьявольский, желтый, нахально подмигивает. Черт возьми, это моя игра!

Вот так благодаря удачному дебюту я оказалась за праздничным столом. И не на задворках, а в эпицентре событий. Напротив, за грядой закусок и частоколом бутылок, восседают Костомаров с генералом. По правую руку от главного редактора – та самая девица с кустодиевскими формами; наперегонки с румяным майором, в котором чувствуется стать молодого зубра, они предлагают ей закуски:

– Ирочка, съешь. Ирочка, выпьем на брудершафт.

Ирочка морщит хорошенький носик и подталкивает свою рюмку майору, от чего Костомаров куксится и демонстративно разворачивается в сторону генерала. Генерал самый что ни на есть настоящий: посеребренные виски и чеканный профиль. На лбу у него написано, что он кастрирован. Еще на призывной комиссии. Что всю жизнь, начиная с голодной юности и заканчивая сытой старостью, генерал знает только одну женщину – свою супругу, которую называет грубовато "мать". Народ угадывает за этим небрежным обращением большое, светлое чувство. Тетки при виде таких мужиков, облаченных в штаны с голубыми лампасами, падают навзничь, спят и видят себя генеральшами. А ведь не всем дано.

Генеральши – женщины определенной породы. Удивительным образом они не тянут одеяло на себя, а тянут потенциального генерала по жизни и доводят до вершин карьеры. Что и говорить, похвально.

Сожалею, но мне дано довести мужа только до истерики, развода и полного банкротства.

И вот когда муж, окончив академию, натягивает штаны с лампасами, здесь и обнаруживается разница социальных уровней. Он – образованный, востребованный, живой символ власти, она же измотана вечными скитаниями по гарнизонам, заботой о нем и детях, а если учесть и полную профессиональную дисквалификацию... Увы! Как говорится, о чем речь. Добавьте еще профурсеток всех мастей и калибров, мечтающих делить с генералом тяжкое бремя славы. Есть от чего вздрогнуть.

Вот такая белиберда в голове. И все из-за него, сидящего рядом. Теперь-то я знаю, что он, тот, кто нес меня на руках и смеялся рыжим глазом, полковник авиации Алексей Власов. Герой России. По этому случаю и банкет, и все речи. Слава богу, полковник не из тех, кто плюсует: он небрежно слушает тосты, в коих предстает лучшим летчиком палубной авиации, первым среди строевых пилотов посадившим Су-27 на авианосец, и так далее и тому подобное. Ему-то что – он на меня толком и не смотрит, зачем только нес! А вот я чувствую, что клюю, прямо-таки заглатываю эту наживку, и с большим удовольствием. В табели о рангах летчики на особом положении. "Обнимая небо крепкими руками, летчик набирает высоту..."

Уже тепленький Костомаров с нарушенной фокусировкой лица тянет к нему свою рюмку.

– С такими героями нам все небо по плечу!

Чтобы хоть как-то прийти в себя, я наклоняюсь, заглядываю под стол и ойкаю. Судьба моих колготок весьма печальна: на коленке зияет большая дырка.

– Впечатляет. – Заинтригованный моим трагическим "ой", под стол заглядывает полковник.

– Надеюсь, вы о ногах, – шепчу я и смотрю ему прямо в глаза. И он тоже смотрит. И я вижу в его глазах дорогу, по которой пропылил полк женщин, а может, и дивизия.

– Колготки не мой профиль, – усмехается герой и прямо под столом протягивает мне руку. – Алексей.

Варвара Синицына, журналист, – как можно строже шепчу я и запрещаю себе строить ему глазки.

На данном этапе подобные телодвижения излишни: все это он уже видел в исполнении тех, кто пылил по дороге. "А он, мятежный, ищет бури..." Клиент заказывает бурю. Вот такая трактовка ситуации.

В самый интересный момент уставной ботинок генерала наступил на глянцевою туфлю главного редактора и тяжело, со смаком придавил ее всей подошвой. Одно движение ноги вызвало перемены: герой нахмурился и вылез из-под стола, я – за ним.

Наверху тоже перемены. Костомаров уже не славословит, а вяло бормочет. После темноты сей кульбит выглядит крайне нелепо: обычно вальяжный редактор путается в словах. Ну и куда мы без генерала, без его команд? Властный кивок, и Костомаров послушно занимает свое место. Генерал берет бутылку водки, что позабористее, и отточенными движениями под самый край наполняет наши рюмки.

– Алексей, за тебя пьем.

– Я не пью, – заявляет герой.

Генерал смотрит в мою сторону. Под тяжелым взглядом командира дивизии моя рука предательски тянется за рюмкой. Хотя почему "предательски"? Ну что с того, что они друг другу все ноги оттоптали, может, так надо. И кто он мне, этот рыжеглазый герой? Ну, нес меня на руках, ну, лицо у него порядочного человека, ну, мой рваный гардероб его впечатлил... Но при таком раскладе до клятвы верности не одна верста... Потом, не каждый день генерал мне выпить предлагает.

– Она тоже не пьет...

По-моему, это про меня. Однако! А я себе уже бутербродик с икорочкой под закуску наметила. Нет, даже уединение под столом не оправдывает вероломного покушения на мой рацион. Опять же не до дискуссии: пью я или не пью. "Нет выхода, уйди" – цитата из Музы Пегасовны, моей подружки-старушки. Молча встаю, эффектно опрокидываю в себя рюмку водки и покидаю злачное место.

За спиной никто не вздрогнул. Обидно.

Я сидела на подоконнике редакционного туалета и курила. Стемнело. За спиной горел огнями наш городишко, люди вернулись домой с работы, пили чай с баранками, валялись на своих диванах. У всех что-то есть: коли не чай, то баранки, коль не баранки, так диван. И только у меня нет ничего, как у деклассированного люмпена, по сравнению с которым пролетариат обеспечен хотя бы оковами. А ведь еще вчера я жила не тужила. И если были некоторые неудобства, то обеспечивал их шеф-редактор. Не гурман, а обжора: берет все, что под руку попадается. Меня тоже как-то раз попытался взять и получил. По морде. Вы можете подумать, что я "не такая девушка", кисейное создание, да и только. Как раз наоборот. Девушка я "такая", но спать с шефом все равно, что есть из жирной общепитовской тарелки. Вслед за естественно вытекающим из данной оплеухи сокращением я и мой сын Василий лишились крыши ведомственной общаги. Хорошо, сына я родила от порочного зачатия, так что у моего мальчика полный комплект, доставшийся ему от родителей, хоть и разведенных. Сейчас Василий коротает вечер у папаши, а я – на подоконнике.

– Только и слышно: ах, Власов, герой! Весь такой порядочный! А попробовал бы он быть порядочным на моем месте! Но этого... не видать! Пока я здесь командир дивизии! – раздался из-за стены генеральский бас. Ничего себе звукоизоляция – можно подумать, что мы в одной уборной.

– Потихе, товарищ генерал!

Это уже Костомаров шипит, еле расслышала, не забывает, шельмец, об особенностях национального строительства.

– "Потихе"! Вот так, втихую, и меня хотят снять. Не выйдет. Организуешь прессу: не забыл еще, чем мне обязан...

Пока генерал углублялся в список добрых дел, которые он внес на счет главного редактора, я вытащила из сумочки диктофон, сбросила туфли и шагнула на карниз. По сравнению с общаговскими масштабами два шага над пропастью к соседнему окну – детская забава.

Где-то далеко шумел банкет. Я вышла из туалета и едва успела придать своему лицу хмельной вид: в холле, развалиясь на диване, сидели Костомаров и генерал. Мое появление всколыхнуло главного редактора.

– О, какая девочка! – пьяно воскликнул он и, не успев подняться, рухнул на диван.

Удивительная метаморфоза! Еще секунду назад генерал выглядел пьяней пьяного Костомарова, а сейчас я ежусь под его пронзительным взглядом. Старательно шатаюсь, с блуждающей улыбкой направляюсь к выходу.

– Кто она? Журналистка? – спросил генерал.

– Журналюшка, нюх как у овчарки, – ответил Костомаров.

Герой догнал меня на лестнице. Идет вровень, ступенька за ступенькой. Мы молчим, в тишине парадной только наши шаги. Как странно, длинная-длинная, нескончаемая лестница. Уже внизу, у самой двери, он доводит до моего сведения:

– Я провожу вас.

Мы выходим во влажную прохладу первых осенних ночей. На редакционном дворе урчащий мотором "уазик" фарами освещает нам путь. Молча садимся в машину, она срывается с места. Шофер – старший сержант – косит на меня глазом в зеркало заднего вида и напропалую лихачит перед дамой. Молю Бога на фоне развившегося у шофера косоглазия, чтобы мы не врезались в дерево или фонарный столб. Строевая невозмутимость и полковника, и сержанта

просто умиляют. В предвкушении самого интересного я замираю на заднем сиденье.

Полная иллюзия, что машина мчит по едва освещенным улицам с точным знанием пункта моего назначения. Оказывается, данный вопрос заботит не только меня. Не оборачиваясь, герой задает вопрос:

- Где вы живете?

Я смотрю на его стриженный затылок и наслаждаюсь паузой. Со старшего сержанта слетает дембельская спесь и, отвалив челюсть, он откровенно пялится на меня. Дурак, смотри на товарища полковника: паузу держит по системе Станиславского. А еще лучше, - дабы не кануть в Лету вкупе с моей заготовкой, - на дорогу!

- Нигде, - просто и ненавязчиво говорю я, - в редакции сократили, из общежития выселили.

Вот это эффект! Герой оборачивается и смотрит на меня не без восторга. Хлопая ресницами, я старательно изображаю невинное создание.

Он, удивленный, разглядывает меня, застенчивую, когда я уже собираюсь, указав дом подруги, фасад которого прямо по курсу, покинуть его общество, и кивает шоферу:

- В гарнизон.

Чуть было стихшая, машина развернулась, рванула в обратном направлении. Один ноль в его пользу.

Ну никакой жены здесь никогда не было. Я беззастенчиво брожу по его однокомнатной квартире и пялюсь во все углы. Он не препятствует, напротив, явно забавляется нахальным любопытством, снисходительно отступает, оказываясь на моем пути. Зрелище довольно однообразное - ни тебе помады, ни домашних тапочек женского размера. Все стены сплошь и рядом увешаны фотографиями самолетов и самолетиков. Столы, в том числе кухонный, завалены планшетами и полетными картами. Где же здесь пьют кофе?

Не дав ответа на поставленный вопрос, он достает из шкафа постельное белье и сует мне в руки.

- Постелите.

- А где вы ляжете?

Мне на самом деле интересно, тем более что во время осмотра, кроме дивана, лежащих мест не обнаружено. Неужели герой среди ночи свалит к другу или подружке(!)? Неужели ему есть, кого будить? Или еще вариант - герой всея Руси будет спать на полу, у моих ног!

- С вами, - говорит он.

Я ухожу. Бросаю все эти наволочки, простыни и ухожу. Он преграждает мне путь.

- Если мне нравится женщина, ничто не помешает мне... - запальчиво говорит он и, усмехнувшись, добавляет: - ...выпить с ней кофе.

Он сдает все позиции, в том числе и дверь. Но меня так просто не разжалобить. Я требую вызвать машину и в ожидании ее, с сигаретой в руке, сдвинув весь летный хлам, сажусь на край стола. Он слушает, прислонясь к стене, как я рассуждаю о безнравственности прелюбодеяния с практически посторонним человеком.

- Потом нам будет стыдно и гадко, у таких отношений нет будущего, - как можно доходчивее объясняю я и для наглядности привожу иллюстрацию. - Представь, что мы зачнем мертворожденного ребенка и уже в минуту зачатия будем знать об этом.

Он молчит, согласен. Я комкаю сигарету в пепельнице, я ухожу. И тут у самой двери наперекор себе и его легкому согласию выставляю ногу в туфле.

- Застегни.

Он приближается и, опустившись на колено, берет мою ногу в свои ладони. С интимной нежностью, неспешно, словно набедренную повязку, стягивает туфлю и прижимается щекой к моей ступне. Внутри меня кипит как в чайнике. Я впиваюсь ногтями в дверь, пол плывет подо мной. Его руки подхватывают меня. Вздых первобытной страсти запрокидывает голову, клопочет в горле. Как громко, до звона во всем теле гудит тишина! Неиссякаемый гул вторит

каждому движению, нарастает с желанием, врывается в меня и гудит, гудит...

- Машина, - шепчет он и абсолютно варварским способом срывает с меня одежды.

Конечно, я не спать сюда приехала. Но надо же и совесть иметь: проклятый телефон звонит как бешеный. Я открываю глаза. День начинается с утра, между прочим, очень раннего утра. Из ванной, под аккомпанемент воды, доносится его голос:

- Возьми трубку.

Ничего себе доверие! А если я услышу большую военную тайну и разглашу ее, что будет тогда с обороноспособностью нашей страны?

- Алле, - со всей мерой ответственности говорю я.

- Варя, жду вас сегодня в редакции, - отвечает трубка голосом Костомарова и заходитесь сигналом отбоя.

Я определенно зауважала главного: профессионально обработал информацию в кратчайший срок и в тяжкий период похмелья! Я определенно смущена. Наша тайна определенно уже не тайна, во всяком случае, для Костомарова и генерала. Все остальное - неопределенно.

Алексей вышел из ванной такой свежий, такой утренний, мокрые пряди и капли воды на плечах. Запрокинув руки за голову, я лежу на постели и откровенно рассматриваю его. Ладно сложен. Почти нагой, лишь полотенце на бедрах, какое совершенство форм! Ни грамма целлюлита! Он протянул мне руку, горячими пальцами сжал мою ладонь.

- Кто звонил?

- Да так... ошиблись номером. Лелик, я переоценила себя, мне почему-то не гадко и не стыдно.

Мужественно перенеся трансформацию своего имени, он присел рядом и погладил меня словно маленькую по голове.

- Человек всегда знает, чего ему действительно стоит стыдиться, Вака.

Кое-что прояснилось: Вака и Лелик, Лелик и Вака.

Прислонясь к дверному косяку, я смотрю, как он справляется с кухонной утварью, как насыпает кофе в турку, как споласкивает чашки. Не очень-то ловко. Неужели смущен? Девушка из хорошей семьи засучила бы сейчас рукава и встала к плите. Но это не мой путь. Прошло время, когда я, молодая, глупая, покупала мужчин. Смешно думать, что купить можно только за деньги, - особо прожорливых, кратчайшее расстояние к сердцу которых лежит через желудок, можно купить и за тарелку борща. Традиционно на рынке мужчин женщины раскошеливаются по полной программе: от игры на арфе, приторной верности до беременности. Но ведь любая монета может быть разменной.

Боже, какая я циничная! Между прочим, в одной американской энциклопедии написано: "Циник - человек, который по недомыслию видит жизнь такой, какая она есть, а не такой, какой она должна быть". Так что цинизм не всегда во вред, бывает и во благо. Хотя бы сейчас. Прямо-таки завтрак в кругу семьи. Я привычно тянусь за сигаретами. Как жаль, что Лелик не курит: если что и сближает людей, так это пороки, а вовсе не добродетель. Зато он из числа сочувствующих: берет зажигалку и щелкает ею.

- Если б ты была моей женой, то не курила бы.

Я готова бросить сигарету, я готова навсегда бросить курить, но пламя настойчиво горит в его руке. Впервые в жизни затягиваюсь без всякого удовольствия. Чтобы хоть как-то взбодриться, достаю диктофон, ставлю кассету на перемотку.

- Лелик, я вчера услышала разговор твоего генерала с главным редактором, хочешь послушать, о чем говорят?

- Нет. Мне не нравятся люди, которые подслушивают и подглядывают.

- Но я же случайно.

- Даже так, Вака.

Удивительно, но я сконфужена, неловко прячу диктофон в сумку.

- Извини, спешу, полеты. - Он застегнул "молнию" на летной куртке.

- Лелик, можно с тобой?
- Он глянул на циферблат.
- Две минуты на сборы.

Все было в движении, когда наш "уазик" подъехал к аэродрому. Личный состав полка – сплошь в синих комбинезонах – снимал чехлы с самолетов, с тщательностью домашней хозяйки готовил взлетную полосу. Машина остановилась. Лелик уже на выходе обернулся ко мне и протянул ключ.

- Возьми.

Вот так, просто и ненавязчиво доверил самое дорогое – право на жилплощадь, и я неожиданно даже для себя самой закомплексовала.

- Да что ты, не надо... созвонимся...

- Надо, Вака, надо, – перебил он меня и, подмигнув, выпрыгнул из машины. К нему уже спешил огромный, как молодой зубр, майор. Я узнаю в нем любителя выпить на брудершафт.

- Товарищ полковник, полк к проведению плановых полетов готов!

- Покажешь журналистке аэродром.

И ушел, даже не взглянув на меня. А попрощаться?

Наблюдать с вышки контрольно-диспетчерского пункта за полетами совсем не то, что, стоя на земле, задираешь голову к небу. Прямо за стеклом, сотрясая пространство, в опасной близости взмыл в небо истребитель. Мощная машина легко повернулась крылом к земле, сделала двойной боевой разворот, затем медленный разворот на вираже у самой земли и вдруг – свечой ввысь. Потрясающе! Оказывается, я совершенно не владею собой, оказывается, я кричу, более того – мой возглас слышит сопровождающий меня майор. Снисходительно усмехнувшись, он кричит мне в ухо:

- Власов! Летчик-снайпер! Для нас он царь и бог, одним словом – профессионал, лучший...

- Что, лучше комдива?

Сравнение Власова с генералом смешит майора; каким-то чужим, но удивительно знакомым голосом он говорит:

- А Шуйского меж нами нет?

И уже от себя уточняет:

- Я же сказал – лучший.

Всю дорогу от аэродрома до редакции я ехала потрясенная. Совершенно очевидно, что я, как наркоман на иглу, подсела на Лелика. И не потому, что он набрасывался на меня этой ночью как голодный волк, не потому, что шептал какие-то смешные слова, да и жест доброй воли с ключом я не отношу в реестр поступков. Потряс его профессионализм. В отличие от других женщин, падких на мускулистое тело, стихи при луне, дорогие подарки, именно профессионализм более всего возбуждает меня в мужчинах. Иногда пугаюсь: а если встречу вора-медвежатника или карточного шулера высокого полета? Плакала тогда моя гражданская позиция, а с ней и свобода.

ГЛАВНОЕ ДОСТОИНСТВО ДЕВУШКИ

Какое счастье, что меня не испортил квартирный вопрос! Он просто был снят с повестки в самом начале моего нравственного падения. Где-то после полудня, в разгар первого рабочего дня в редакции "Заполярный край", непосредственно на мое рабочее место пришел Костомаров. Если честно, я сдрейфила. Минуту назад, раздираемая любопытством, я воспользовалась пустым кабинетом и наконец-то включила диктофон.

- Организуешь прессу. Подключишь личный состав. Не забыл еще, как матросы в рекордно короткий срок дачу тебе отгрохали? Материалов не хватало, так казарму разобрали... – напирал генеральский бас.

- Ну, было, было, – где-то на заднем плане звучал голос Костомарова.

- Не было, а есть! И будет, Вовик...

Что будет у Вовика еще, я так и не расслышала, какой-то шорох привлек мое внимание. Обернувшись, я обнаружила уборщицу, занятую мытьем окна. Каким образом она оказалась за моей спиной в глубине кабинета? Давно ли

она здесь, хороший ли у нее слух и что конкретно она слышала. Преспокойно домыв окно, женщина неуклюже выскользнула за дверь, а я все сидела с липкими ладонями.

Что делали герои-подпольщики в случае провала? Гулко приближались шаги по коридору... Медленно отворяющаяся дверь довершила контузию: я пылала, руки сжимали диктофон.

На пороге возник Костомаров.

- Варвара, - произнес он и потянулся рукой к внутреннему карману пиджака.

Пистолет? А я, что - я? Не то что отстреливаться, у меня и ногтей-то приличных нет...

- Это вам. - Перед моим носом болтался ключ от квартиры. - Поживите пока, а там посмотрим. Не скитаться же вам с ребенком по улицам.

Из вороха эмоций вынырнуло робкое "спасибо". Черт возьми, я чуть не покусала руку дающую! Не знаю, наш ли это менталитет, или общая черта всех народов - искать в каждом поступке подоплеку. Что подвигло Костомарова на подвиг? Ведь еще утром, когда он объявил благую весть: "Зачислить в штат" - я заикнулась о бездомном положении моей семьи. На мое заикание он картинно развел руки, мол, сами знаете, милочка, с жильем у нас напряженка. Милочка-то знает. А вот товарищ редактор только догадывается. Особняк на Портовой улице, нехилая квартирка на Советском проспекте, дачка в Гурзуфе - и это лишь из области моих скромных познаний о его недвижимости.

- Наша газета специализируется на военной тематике. Познакомьтесь с дивизией, вникните в проблемы армии... узнайте ее героев. - Вот и все, что было сказано утром.

Акцент в данном напутствии редактора был поставлен на заключительной его части - "о героях". Здесь Владимир Николаевич позволил себе фривольные нотки, вопрос же о квартире был отнесен в разряд нерешаемых и более не поднимался. И вот тебе на! Не было ни гроша, и вдруг алтын - у меня же их целых два.

Может, я несправедлива к бедному Костомарову? Ну и что, что он толстый. Может, у него нарушен обмен веществ, а может, он страдает булимией. Ну и что, что он вор. Может, он Робин Гуд, сначала ворует - потом раздает, и я стала свидетелем и самым непосредственным участником исторического события - передачи капитала нуждающимся слоям населения?

Теперь нуждающиеся слои преспокойно дрыхнут в отдельной двухкомнатной квартире и мучают себя сакраментальным вопросом об отношении наемного работника к работодателю. Под боком сопит Василий и всеми конечностями спихивает меня с койки. За такое счастье я готова расцеловать Костомарова и впредь писать только на кулинарные темы.

С восторженно бьющимся сердцем я встала с постели и босиком, еще в угаре предрассветного сна, прошлепала до стола. Вот она, злополучная кассета. Плевать мне на все эти подковерные интриги, Лелик тоже не одобрил. Пододвинув стул к окну, я распахнула форточку. Звонок в дверь привел меня в чувство. На часах шесть утра, почти нагишом я торчу на подоконнике, чтобы добровольно расстаться с уникальным информационным поводом. Нет, что ни говори, а наш брат - дуры, особенно спросонья.

- Собирайтесь, - отчеканил приехавший за мной шофер. - Костомаров ждет, какие-то неясности с материалом.

Пришлось еще сонного Василия запихивать в джинсы, свитер, ботинки и волочь на себе все четыре этажа вниз. Определенно я его перекармливаю.

Стоя на пороге непривычно пустой группы, Василий прямо-таки по-мужски оглядел меня.

- Мама, я не женюсь на Маше.

- Почему?

- Она ходит вот так. - Он неуклюже поставил ноги: носки вместе, пятки врозь.

- Василий, в девушке главное душа, а не ноги, ноги - это тьфу, - сказала я и как можно незаметней скорректировала свою поступь.

До машины, стоящей у ворот детского сада, пришлось бежать под дождем. Такая погода легко переживается весной, а вот осенью – противно, тем более когда без зонта.

– Давайте заедем за зонтом, – попросила я водителя.

В знак согласия он кивнул.

Я быстро взбежала по лестнице на свой этаж, у самой двери вытащила из кармана ключ и тут услышала за дверью какой-то шум. Едва успев вознестись на верхний этаж, различила звук открывающейся двери и отшатнулась в глубь площадки. Кто-то вышел на лестничную клетку, щелкнул замок, я вжалась в стену. Шаги все ниже и ниже, хлопнула входная дверь.

Я припала к окну, козырек над подъездом закрывал обзор. Потом я увидела, как, пересекая двор, прямо к вишневой "девятке" направился мужчина в кожаной куртке. С высоты четвертого этажа лица не разглядеть, но он явно не из числа знакомых. "Девятка" выехала со двора.

Почему-то на цыпочках я подошла к двери и осторожно, стараясь не шуметь, повернула ключ. На первый взгляд все было на месте, даже незаправленная постель, но вот стол, его содержимое... Конечно, в столах у меня всегда бардак, но не такой живописный. Одно из двух: или я такая грязнуля, или в моих бумагах кто-то рылся. Ну нет! Как раз вчера при переезде у меня случился приступ хозяйственности, и я разложила все по своим местам. Картину ограбления венчали аккуратно притулившиеся двести долларов, моя заначка на черный день. Неужели побрезговали? Значит, искали не деньги. А если все-таки деньги? Значит, двести баксов для них не деньги.

Под окном надрывалась машина, я выскочила на лестницу. Конечно, забыла взять зонтик. Пришлось вернуться и – для хорошей дороги – глянуть в зеркало. От такой суеты вроде бы худею. Это плюс. С зонтиком, с чувством собственного достоинства и обреченности спокойно спустилась к машине. Как ни крути, а выкручиваться придется: номер сдали в печать час назад и, видимо, без моего материала.

– Не суетись под клиентом, – глаголит Муза Пегасовна.

И верно, ни к чему была эта моя спешка. Тем более что в ту минуту, когда я распахнула дверь, под главным редактором суежилась редакционная профурсетка Ирочка Сенькина. Жутко неловко, все взмокли, я – особенно. Стою под дверью кабинета, клянусь себя за беспардонное вторжение. А Ирке хоть бы хны, распахнула дверь: "Твоя очередь!" – и ну дефилировать по коридору.

Оказывается, Костомаров сначала чего-то не понял в моей статье, потом понял, в общем, не было во мне надобности. Пожурил, конечно, не без этого:

– Что-то вы долго, милочка, просыпаетесь. Язык мне ваш нравится, пишете живо, точно, свежо. Вот вы-то и будете своим нетленным языком петь гимн нашей армии в лице командира дивизии, генерал-майора авиации Чуранова Тимофея Георгиевича.

– Почему я?

– На прежней работе вы тоже задавали вопросы? Потому что на носу предвыборная кампания, а Тимофей Георгиевич баллотируется в губернаторы. Полная крейзи! Я ее еще уговариваю! Ты хоть знаешь, какие бабки слупишь? Не надоело на колготках экономить? Если не надоело, так и скажи, за дверью очередь лизоблюдов. Значит, так, завтра едешь к генералу, познакомишься... Да ты его знаешь, еще проще... В среду материал у меня на столе, на полосу. Начни с юности, подушевной напиши, как ты умеешь, но без лишних соплей и слюней, можно небольшой компромат, чтобы видели – он парень с нашей улицы: в третьем классе таскал деньги у отца на сигареты.... Накопаешь?

– Легко.

– Ладно, иди просмотри подшивку, у нас было несколько статей о нем, поройся...

Выходя из кабинета, я вдруг вспомнила.

– Владимир Николаевич, можно я в квартире замок поменяю?

– Чего так? – насторожился Костомаров.

- Ключ куда-то засунула, целое утро не могла найти...
- Выдвинув ящик стола, Костомаров достал связку ключей, один протянул мне.
- Повесь на шею. Будешь терять, выселю.

Оказывается, генерал не просто казнокрад, а казнокрад с понятием. Понимает, что рано или поздно придет конец его безнаказанности, потому и хочет обеспечить себе неприкосновенность на высоком уровне. Только при чем тут я? Почему именно я должна обеспечить генералу продвижение к губернаторскому креслу и прочим райским кушам? Ведь, как признал сам Костомаров, лизоблюдов достаточно.

Взять хотя бы Сенькину. Наши столы стоят напротив, так что докричаться можно, не повышая голоса. Сейчас Ирочка сосредоточена на глазах, тщательно накладывает тушь на ресницы. Хороша: и глаза, и ноги. Крупные серьги с перламутровыми вставками удивительно гармонируют с ее персиковой кожей. Впору обозлиться на природу-мать и впасть в уныние от неравномерного распределения красоты, одна радость – пишет убого. А вот в авиации понимает, потому и просвещает меня, непросвещенную, битый час. Конечно, получить информацию разумнее было бы из какого-нибудь справочника, не прибегая к Ирочкиным поверхностным сведениям, но уж больно хочется знать, каким это волшебным методом Сенькина доводит себя до совершенства.

- Что значит буква "К" в названии истребителя?

- "К" – это корабельная авиация. Су-27 не может сесть на палубу, а Су-27К – может, – без всякого удовольствия объясняет Ира и, тяжело вздохнув, через губу, продолжает: – На авианосце есть аэрофинишер, у Су-27К есть так. И он этим таким за аэрофинишер – и на палубе. Главное – зацепиться. Ирочка сцепляет свои длинные, изящные пальчики и с вождением глядит на полученную конфигурацию. Не девушка, а сплошная эротика – даже этот невинный жест в ее исполнении имеет глубокий сексуальный смысл.

- Главное – зацепиться, – проясняется у меня в голове от Ирочкиных слов на фоне очередного визита уборщицы.

Последняя совершенно неоправданно горит на работе: вчера с энтузиазмом терла окна, сегодня – и без того чистейшую мебель. На мой взгляд, таких уборщиц не бывает. Такими бывают сотрудники ФСБ, ЦРУ и стукачи по призыванию.

Раскопав мобильник на развале содержимого сумки, я намеренно приближаюсь к уборщице и, набрав номер, произношу громко и внятно:

- Привет, я оставила у тебя диктофон с кассетой. Приеду сейчас. Он мне необходим для работы.

Как писал поэт: не повернув головы качан... Точь-в-точь наша уборщица, как терла, так и трет. Ирочка тем временем извлекает из косметички духи и орошает свое изысканное тело. Тонкий аромат горечи и осеннего ветра наполняет кабинет.

- Что за духи? – спрашиваю я.

- К интервью с Тимофеем Георгиевичем готовишься?

- И с ним тоже, – киваю я.

- Бесполезно, – лениво бормочет Ирочка и беспардонно убирает бутылек в косметичку. – Генералу вообще женщины до фени, он тебя и голой не заметит.

Неужели генерал пренебрег Ирочкой? Судя по ее признанию, кастрация на призывной комиссии имела место.

Оказывается, я страшно соскучилась без Лелика. Надавила кнопку звонка и поняла – так ясно, так отчетливо, до кома в горле и тягучей тоски в области живота: жребий брошен... жизнь продлится... только если буду уверена ...что увижу...

И он открыл дверь. И взял меня за руку. Я просто сделала шаг, я просто переступила порог. Мы стоим в дверях близко-близко, его дыхание на моих волосах, его запах. Он рядом.

- Лелик, – говорю я.

- Вака, - смеется он и, прижав к себе, целует мою макушку. Я обретаю возможность дышать, я снова живу.

- Ну, где твой диктофон? Я опаздываю на военный совет.

Вместо ответа достаю диктофон из сумочки.

- Вот. Просто хотела тебя увидеть.

Отступив на шаг, я наслаждаюсь паузой в предвкушении реакции. И не узнаю его, доброго и нежного, того, что еще минуту назад стоял близко-близко.

- Вон отсюда! Меня ждут тридцать старших офицеров только потому, что Вака просто хочет меня видеть.

Он не повышает голоса, не рвет на себе волосы, не бросает в меня тарелки, он - приказывает, такой приказ поднимает в атаку с одного взгляда. Только теперь до меня по-настоящему, впервые с момента узнавания, доходит, что он - Герой России и командует не ясельной группой, а полком. Впервые в жизни я встретила достойного противника, способного скупыми средствами поставить меня на место. Я упиваюсь нашей схваткой, я упиваюсь его лицом - его восторгом от моего сопротивления. Не знаю, смел ли еще кто-нибудь так разговаривать с ним.

- Лелик, весь твой личный состав уверял меня, что ты душка, не ворчишь...

- Да, я ни с кем не позволяю себе так разговаривать! Потому что никто не заслоняет мне горизонт жизни. Только ты, для тебя это все так, развлечение...

Я занимаю свое дежурное место на столе, достаю сигарету, закидываю ногу на ногу, говорю назидательно и манерно:

- Лелик, ну почему ты наше высокое светлое чувство называешь "развлечением"? Давай определимся, это - любовь.

Он скрипит от ярости зубами, он приближается ко мне так близко, что тяжело дышать. Господи, как похожи любовь и ненависть! Властно и трепетно он сжимает мои плечи и разворачивает к себе, его рука на моей щеке, его рука на моем лбу, его пальцы очерчивают мой рот, моя голова следует его ладони, мои губы обмирают под его пальцами. Вопреки воле? Не знаю, способна ли я ответить хоть на один вопрос... Лелик - способен. Не ослабляя объятий, вполне адекватно он реагирует на телефонный звонок.

- Власов слушает. Здравия желаю, товарищ генерал!

Его способность говорить оскорбляет меня. Ничего себе всеядность: и я и генерал одновременно.

- Брось генерала, - шепчу я прямо ему в ухо.

Он трется щекой о мои волосы и прижимает меня к плечу. В одной руке - я, в другой - трубка. Я отстраняюсь и медленно, пуговица за пуговицей, расстегиваю его рубашку.

- Товарищ генерал, нам необходимо топливо. Завтра на пять утра запланирована предполетная подготовка, на семь - полеты. - Его рука в попытке пресечь демарш страсти на второй пуговице твердо, до боли держит мою ладонь.

Я вырываюсь, я опускаюсь все ниже, ниже. Я добираюсь до брючного ремня, я вытягиваю ремень; сантиметр за сантиметром наматываю его кожаную, узкую плетель на кулак. Он замирает в ожидании, дыхание сковывает его грудь, и я прижимаюсь к ней лицом, и мои губы скользят вниз, к солнечному сплетению, к животу. Я слышу его глубокий вздох, он тяжело и натужно рвется из самых глубин тела.

Генерал повержен: в унисон с дрожью, сотрясающей наши тела, летит прочь трубка. Его сильные руки стягивают с меня свитер, обнажают мою плоть, его губы пьют мое желание. И было ему счастье: я хочу - и было мне счастье: он хочет.

Где-то далеко рычит голос деклассированного генерала:

- Але! Але! Где Власов! Немедленно соедините!

Мы собираем разбросанную по всей квартире одежду, торопливо натягиваем ее. Телефонная трубка, успокоившаяся на полу, молчит.

- Генерал не дышит. Довел старшего по званию? Не стыдно вот так немилосердно обращаться с начальством? Влетит тебе, Лелик.

Мои слова вытаскивают его из-под дивана, так вот куда улетели колготки! Он накидывает их мне на шею и затягивает узлом.

- Не твое дело, Вака.

- Как так не мое? С сегодняшнего дня и до конца предвыборной гонки генерал мне родней родного. Между прочим, сам редактор определил меня его штатным биографом. Завтра у нас первое свидание. - Лелея романтическую интонацию, я наивно вздыхаю. - И знаешь, что меня мучает, отчего я вся дрожу и потею: неужели он тоже имеет обыкновение набрасываться на невинных девушек? Скажи, Лелик!

Проигнорировав скабрёзный намек, он оставляет мою шею, а вместе с ней и желание затянуть на ней колготки.

- Если ты напишешь эту статью, я не подам тебе руки.

С колготками на шее я пристраиваюсь прямо на полу, напротив Лелика, зашнуровывающего высокие летные ботинки, и рассуждаю просто, без аффекта:

- Лелик, все, что ты говоришь, - ужасно: нам что, придется заниматься любовью, даже не пожав руки? Радость моя, это просто разврат какой-то! По тебе плачет полиция нравов. Что же касается генерала и статьи о нем, это тебя не касается. Я сама решаю, о ком мне писать и что.

Сто мужчин из ста в ответ на мое непослушание выставили бы меня за дверь и больше не открыли, но, судя по всему, Лелик относится к редкостному нынче классу настоящих мужиков. Принадлежность к этому реликту определяет прежде всего отношение к женщине, которой дозволено многое, но не все. Не путать с подкаблучниками! Так отцы взирают на забавы дочерей, даже поощряя эти забавы, но степень дозволенности контролируют строго.

Обычно мужчины этого круга имеют высокий социальный статус, и многие горизонты власти им открыты, но они никогда не вступят в схватку с женщиной, и даже не в силу благородства натуры, а исходя из постулата, что женщина слабей и, в общем, что с нее взять. Не к лицу мужчине всерьез тягаться с ребенком. По-моему, это их кредо.

Нет никакого противоречия в том, что слабые женщины зачастую управляют этими столпами мироздания. И в степени управления есть равновеликое заблуждение обеих сторон. Сесть на шею такому непросто. Но возможно. Главное, не забывать: мужчина - часть природы, причем дикая. Дрессуре поддается не на основе общих методик, а при индивидуальном подходе. Индивидуумов из реликтовой группы, у которых глаз замылен властью: "Я сказал - все прогнозировалось" - надо бить с пофигистской небрежностью к регалиям, внезапно и влет.

Лелик поднял ко мне лицо, и я увидела, что он смеется, подавшись вперед, легко потянул меня за колготки. Сожалеет об утраченной возможности?

- Вака, понимаешь, есть люди, которых просто надо гнать из авиации, пока они все не разворовали, не развратили подчиненных, не загубили все, что создано.

- Так не молчи, напиши рапорт командующему, кассету приложим...

- Вака, я офицер и кляжуami не занимаюсь. И вообще, я не собираюсь объяснять женщине то, чего она никогда не сможет понять.

Я чувствовала себя лошадью на привязи, и колготки здесь ни при чем. Пока Лелик собирал планшет, я улучила время и сунула кассету в угол, под диван. Судя по колготкам, пол там не моют годами.

Мы вместе вышли из подъезда. Впервые при свете дня мне представилась возможность разглядеть летный гарнизон. Если сравнивать его с гарнизоном подводников, в котором я прожила значительную часть своей жизни, то различие лишь в приоритетах: здесь статус памятника имеет стоящий на постаменте списанный самолет. В нашем гарнизоне памятником была списанная субмарина. В остальном же - полная идентификация объектов: однойцевые коробки пятиэтажек - типичный образец гарнизонного домостроения на всем Кольском полуострове. Нет даже минимального архитектурного изыска, и это при том, что до города, небольшого, но обладающего некими архитектурными традициями, всего несколько километров.

Естественно, при полном отсутствии в данной местности чего-либо впечатляющего мы с Леликом произвели фурор. Повсюду распахивались окна,

дамы стекались на улицу, бойко занимали места на скамейках. Тронутая до глубины души, я готова была отвесить публике поклон. Совершенно непроизвольно подруги по разуму создали критическую ситуацию, идеально подходящую для тестирования мужика на прочность. Скажем так: способен ли кавалер пренебречь ради дамы сердца общественным мнением и с большой степенью вероятности отшить соперниц?

Оглядев собравшихся, я вытащила из сумочки носовой платок – классическое средство мести – и приблизилась к Лелику; затем, привстав на цыпочки, тщательно потерла ажурным платочком его щеку.

Лелик, демонстрировавший прежде безукоризненное поведение, граничащее с полной слепотой, обнял меня.

"Ого!" – подумала я.

Но в этот миг мои уши уловили его шепот:

– Перебор, Вака, перебор.

Я играю в карты, я поняла, о чем он. Обидно, что он понял, о чем я.

Сунула платок в карман и повернулась к партеру спиной, на языке сцены это означало "занавес". Мы двинулись к автобусной остановке.

– Лелик, – пожаловалась я, – мне страшно, кто-то влез сегодня в мою квартиру, все перевернул, приезжай, будешь меня охранять.

– Вакочка, – сказал он, – я знаю, ты девочка способная, особенно когда врешь. Я не могу бросить гарнизон. Не придумывай, приезжай сама, у тебя же есть ключ.

Болван стоеросовый! Вбил себе в голову, что я вру на каждом шагу. Да, я вру, но не так часто и не сейчас!

– Да не могу я приехать, меня Василий не пускает, – раздраженно возразила я.

– Кто это?

– Мой сын.

– У тебя есть сын?

Он смотрел на меня как на инопланетянку. Хотя что тут удивительного, я – половозрелая тетка и вполне могу иметь сына. Сейчас с его глаз спадет пелена: моя девственность нарушена не им. Позор моей семье! Что скажет мама?

– А ты решил, что я рожаю одних дочек?

Я дерзко уставилась на него. Конечно, мне доводилось слышать о подобных неандертальцах, коих пугают чужие дети, для них женщина с ребенком явление абсолютно аморальное. Такое впечатление, что они к процессу деторождения не имеют никакого отношения, но чтобы герой неба Лелик...

– Дочки? – купился он, как первоклассник.

Это же эпатаж, всего лишь игра слов. Обидно: ложь в моих устах модифицируется в правду, правда – в ложь.

– Ага, детсадовская группа.

Мне надоел этот разговор, я разворачиваюсь и иду наперерез к приближающемуся автобусу.

А еще звезду героя повесил! Странно, о чем думают мужики, когда бросают семя? О том, что не взойдет, а если взойдет, то они ни при чем, при чем всегда только женщина. Это ведь они, гады, придумали обтекаемую формулу "земля родила". Родить-то она родила, а кто сеял? Садовники хреновы! Мои дети ему помешали! Ну, в смысле Василий.

Сильная, крепкая рука Лелика настигает мое плечо и притягивает к себе.

– Вака, я застрелюсь из-за тебя, – смеется он.

– Неужели ты окажешь мне такую честь? Неровным почерком в записке: "В моей смерти прошу винить Ваку Синицыну. И подпись: Лелик Власов", – нараспев, словно стихи произношу я и смиренно добавляю: – Между прочим, сын Василий имеет свое мнение. Он очень строг. Боюсь, ты ему не понравишься.

– Я тоже боюсь, но буду стараться, Вака.

От его слов, таких простых и понятных, защищало в глазах.

Торопливо кивнув Лелику, я зашла в автобус и намеренно села у противоположного от остановки окна. Все время, пока автобус стоял и пассажиры заполняли салон, я разглядывала сопки и тетку в малиновой

шляпе. Автобус тронулся, я обернулась и не увидела его лица. Точкой маячила его удаляющаяся фигура.

По дороге в редакцию я заехала к местному Кулибину, глухонемому Валерке. Несколько лет назад, когда я вела репортаж из школы для глухонемых детей, подо мной треснул каблук. Реанимировать его взялся старшеклассник Валерка. Делал он это очень естественно, без всякого напряжения. С тех пор, как, впрочем, его одноклассники и администрация школы, я зову его "Кулибин".

Валерка действительно способен сотворить многое, а может – и все. По крайней мере для человека, желающего обезопасить свое имущество с помощью техники, Валерка – клад.

Не прошло и часа, как моя сумочка пополнилась противоугонным средством. Внешне, когда она болталась на плече, средство сие ощущалось только моим скособоченным под его тяжестью телом. Зато, когда сумку открывали, она ревела аки бизон. На месте покушающихся на мое имущество я бы запаслась штанами. Кстати, как ревет бизон, я не слышала. Но предполагаю, что орет он, как моя сумка.

Еще на повороте с автобусной остановки я увидела вишневый "мерс". Так и есть: под дверью редакции слоняется Сеня, мой первый муж. Лучше бы он бегал за мной в бытность его моим мужем. Что делает с человеком полная независимость от него! Неужели он не понимает – поздно. Или понимает, потому и бегаёт: возбуждает – и никаких обязательств, приятно во всех отношениях.

Все-таки любопытная штука – отношение полов. Вот я, например, любила Сеню, родила ему Василия. Именно в такой последовательности. А он бегал от меня с кем попало и где попало. В результате все человеческие комплексы: стопроцентная глупость, нулевая сексапильность и толстая задница – стали моими. Думаю, в то время Сеня появлялся дома только затем, чтобы, шарахнувшись от приторной верности, посеять очередной комплекс на перегное моей души. Красиво, однако, звучит!

Когда душа изнемогала под гнетом обильного урожая, вслед за летом внезапно наступила осень. Я внимательно присмотрелась к мужу и обнаружила у него толстые губы. Кто-то скажет, что толстые губы – не повод для развода. Но когда проходит любовь, толстые губы – весомый фактор.

Самое любопытное, что этот губошлеп был против развода. Вдобавок принялся петь дифирамбы, лейтмотивом коих являлись мои зеленые глаза. Конечно, глаза у меня зеленые. С рождения. Вот такая рокировка: он ко мне – я от него. Любовь – нелюбовь.

– Варенька! – бросился ко мне Сеня.

Судя по напояженности, он ждал меня с большим нетерпением. Вот ведь задача: когда человек тебе близок, находишь очарование даже в его драных носках, в Сене же меня раздражало все – от парфюма до плаща. Разоделся как баба. Нет, мужчина должен, прямо-таки обязан радикально отличаться от женщины. А этот взвизг: "Варенька!" Пришлось осадить.

– Остынь, сейчас выйду.

Я распахнула дверь и поднялась в свой кабинет. Никого, штат роет материалы на местах событий. На Ирочкином столе благоухает букет лилий, поклонники не дремлют. Может, это главный расщедрился за доставленное ранним утром удовольствие – или удовлетворение?

Тщательно оглядевшись, дабы не пропустить вездесущую уборщицу, я сняла сумочку с плеча и аккуратно водрузила ее на свой стол, прямо в центр, на самое видное место. Дело за малым. Чтобы привлечь уборщицу в кабинет, необходимо обеспечить ей фронт работ: намусорить, напачкать, разбить. Остановилась на последнем – извлекла из шкафа бутылку чернил. Быть бы на полу фиолетовому несмываемому пятну, но тут мой взгляд сфокусировался на Ирочкином букете. Пришлось пожертвовать. Я взяла вазу, заключившую в хрусталь нежные лилии, в свои кровожадные руки и грохнула об пол.

На зеленом паласе в обрамлении темного мокрого пятна покоились желтые лепестки, осколки хрусталя ярко отражали солнечные лучи. С точки зрения

живописца, все выглядело очень даже ничего, но наша уборщица, влетевшая в кабинет со звоном разбивающегося стекла, была явно далека от искусствоведческой оценки напольного рисунка. А вот от двери, судя по скорости перемещения, близко. Возможно, даже находилась под дверью.

Я приуготовила себя к укорам и ворчанию, недоуменно развела руки как пингвин, но уборщица, не удостоив меня даже взглядом, споро приступила к ликвидации учиненного мною кавардака.

- Наверное, сквозняк... уберите, пожалуйста, меня внизу муж ждет, - пролепетала я и вышла из кабинета, оставив дверь нараспашку.

Намеренно громко стуча каблуками, я миновала коридор и лестницу, вышла на крыльцо. Затем навалилась на тугую дверь, которая всеми своими пружинами норовила вернуться в исходное положение. Сеня за время моего отсутствия собрал эмоции в кулак и не спешил вылезать из машины. Пришлось пошевелить пальчиком.

Нехотя, чуть скосоротившись, он побрел ко мне. Исключительно из желания придать бойкость его легкой походке, я крикнула:

- Что стряслось, радость моя?

Выпустив эмоции из кулака, Сеня ринулся ко мне. Проклятая дверь, стремившаяся к преимуществу в нашем единоборстве, толкала меня в его объятия.

- Из сада позвонили, сказали срочно принести Васино свидетельство о рождении.

- Гад! - Я бросилась на Сеню, совершенно забыв о своем противнике.

Не по своей воле, исключительно в силу сопротивления двери, вышедшей из-под контроля, всем своим телом я придавила Сеню к стене.

- Так это ты рылся в моих вещах! В моей квартире!

- Варька, ты что, рехнулась... нигде я не рылся... когда позвонили, я приехал к тебе... а тебя уже нет, - лопотал бледный Сеня, пытаясь вырваться.

Вот и пойми: сам мечтает о жарких объятиях, и сам же вырывается. Будет потом вспоминать в эротических снах, да поздно.

- И ты решил: замок стандартный, дверь стандартная и сам ты стандартный! Твое преследование - вот мне где! - Я резанула ладонью по горлу, но как-то неубедительно. Что ни говори, а полегчало: бывший муж - это не так страшно, как настоящий взломщик.

Почувствовав послабление, Сеня предпочел близости со мной свободу на нижней ступеньке.

- Господин грабитель, свидетельство хоть нашел? - выкинула я флаг перемирия.

Ошалевший Сеня только замотал головой.

- И не ищи - не найдешь. Я сама отнесу его.

- Угу, - теперь уже закивал Сеня и попятился к машине. - Василия можно?

- Да можно, можно, докучливый ты мой.

Прыгнув в машину, Сеня отчалил от моего берега. Вот дурак, напугал. Хотя могла бы и догадаться: кто, как не Сеня, пренебрег бы моей заначкой? Неразумно красть свои же алименты. А Сеня - человек разумный, тем более в денежном вопросе.

Словно в подтверждение сомнений, развеявшихся с признанием Сени, моя сумочка, так и не издав ни единого звука, стояла там, где я ее оставила. Цела и невредима. Зазря погибшие лилии немым укором торчали из мусорной корзины.

Вечером, собирая дорожную сумку, - ведь утром лететь в гарнизон, - обнаружила под столом монету. На одной стороне профиль какого-то деятеля, судя по сохранившейся надписи, профиль сей при жизни звался Константином, императором всероссийским. Рядом с именем "Константин" две заглавные буквы "Б.М." Что за "Б.М." - ясности нет, то ли "быть может", то ли "боже мой", а может, и просто "были мужики". Судя по чеканке - были. Ничего себе монетка! Рубль серебром, 1825 года выпуска. И как этот антиквариат оказался под столом? Что любопытно, не в пыльный, темный угол закатился, а культурно прилег на видное место. Я серебром не сору, Сеня в этом также

не замечен. Учитывая монету, контрабандой проникшую в мой дом, утренний визитер, безжалостно разбомбивший содержимое стола, – не Сеня. Тогда – кто?

Зябким утром, когда город лениво скидывает ночную негу, а от заиндевевшего асфальта поднимается морозный пар, я иду по пустынным улицам и переулкам к дому Юнеевых. Подниматься в квартиру лень, да и не имеет смысла: в это время точно по расписанию, как курьерский поезд, Роман совершает моцион по периметру квартала.

Между прочим, бесхозного холостяка Романа Юнеева захомутали узами брака не без моего участия. Неловко хвастать, но метод помрачения разума жениха, кормление его заговоренными пирожными, после чего жених созрел до бракосочетания, изобретен и внедрен в жизнь лично мною. Эх, такой уникум и дрогнет у подъезда! Честно сказать, я и сама не знаю, как это получилось. Ромка пять лет волочился за Надеждой, дарил подарки и просто замечательно ухаживал, но игнорировал все разговоры о свадьбе, напрочь. И это при том, что Надька – красавица, умница, одной игрой на фортепиано доводит до оргазма – даром, что ли, консерваторию закончила!

Женихов навалом, но бывшая консерваторка любила этого балбеса. Не знаю, любил ли Роман Надежду, а вот пламенную страсть имел. Надеждину конкурентку звали нумизматика. Это ей он посвящал все свои помыслы, это на нее он тратил основной капитал, моей подруге доставались лишь жалкие объедки, не вложенные по причине малости в очередное пополнение коллекции.

Однажды Роман чуть было не стал мужем Надежды. И пошли б они под венец, если бы в неведомых нам далях не замаячил жениху "семейник". Когда Роман среди ночи, после междугородного звонка, начал судорожно собираться в дорогу, приговаривая как безумный: "Семейник, семейник", – Надежда подумала, что жених решил приобрести, пусть и в неурочный час, что-то полезное для семьи. Пользы же в этом, оказалось, никакой, зато разочарований – хоть отбавляй. Ради серебряного рубля полуторавековой давности, на реверсе которой отчеканен Николай Первый в окружении семейства (поэтому и "семейник"), Роман продал свой "Лендкрузер" и отбыл в неизвестном направлении. Представляете ужас невесты, чей жених пропал за день до свадьбы!

Между прочим, мне было не лучше. Бритоголового Романа Надежда нашла у меня дома, на моем диване, что возлагает на автора этих строк определенную ответственность.

Несколько лет назад послали меня строчить репортаж с чемпионата города по боксу. Бокс – не мой любимый вид спорта, поэтому все состязания, в ходе которых боксеры истязали друг друга, я провела в кафе напротив. К чему мне, рассудила я, девушке слабой и беззащитной, мучить себя такими ужасами, достаточно знать итог, а уж досочинить кошмар я могу и без видеоряда.

Я стояла у стойки бара, решая сакраментальный вопрос: "Есть пирожное или не есть?" – когда в кафе зашел плечистый денди в белом костюме, бритоголовый, но лысина была ему к лицу. Несмотря на его белый костюм, в зале возникли ранние сумерки: со стороны улицы окно закрыл "Лендкрузер". Я связала воедино их появление; оказывается, денди приехал на крутом джипе. Он подошел и вроде бы, хотя прямого касания не было, отодвинул меня от стойки.

– Что ты будешь? – спросил денди.

Я обернулась – в числе ранних посетителей только он и я. Значит, разговаривают со мной.

– Пирожное и мороженое.

Я не стала кочевряжиться, если товарищ хочет меня накормить, я готова есть. Почему бы и нет?

Мне он принес все, что я заказывала, себя же баловал горячим бутербродом с курятиной и молочным коктейлем.

- Боксом не интересуетесь? - осведомилась я, разглядывая через окно транспарант "Физкульт-привет героям ринга!", развевающийся на фасаде спорткомплекса.

- Нет, - сказал он, сосредоточенно жуя бутерброд.

Напрашивалась аксиома: куриное филе, запеченное в сыре, занимает его куда больше моей персоны.

- Вообще спортом не интересуетесь или боксом - в частности? - допытывалась я. Если я ем за его счет, имею право спросить? Или он думает, что со мной можно не церемониться: поела - и до свидания?

- Вообще, - угрюмо обронил он.

- А как же хулиганы, бандиты разные? - не могла угомониться я. - Нападут, костюмчик испачкают.

Оставив недоеденный кусок, он опустил взгляд на костюмчик.

- Думаете, испачкают?

- Уверена, - заявила я и, одним махом закинув в себя ледяной шарик мороженого, покинула кафе.

Ради жирной точки, поставленной мною в произошедшем диалоге, соглашаюсь с ангиной.

Наверное, была некая правда жизни в том, что я ушла, не попрощавшись с этим продуктовым меценатом. Иначе пришлось бы приветствовать друг друга радостными воплями, а так мы обоюдно удивлены до крайности, но моя крайность крайнеее, или у него стальные нервы. Ведь он, этот денди в белом костюме, не кто иной, как тренер местной команды Роман Юнеев. Заехал человек в перерыве между рингами перекусить, а тут я с вопросами из жизни хулиганов. После официального знакомства я интервьюировала его в опустевшем зале, теперь уже на спортивную тему.

Через несколько дней, когда я вечером возвращалась из редакции, он встретился мне на пути. Не знаю, как там в других городах, думала я, глядя на его крепкую, накачанную фигуру, бычью шею и все понимающие глаза, а у нас спортсмен выглядит томо сапиенсом.

- Варя, не успел прочесть вашу статью, - сказал Роман.

- Можете завтра зайти ко мне домой.

Достав записную книжку, Роман записал мой адрес. Тут меня осенило: в сложившейся ситуации можно использовать не только Романа, но и самую крутую тачку города.

- Роман, а вы не могли бы завтра приехать ко мне на "Лендкрузере"? - с революционным пылом, как если бы агитировала за комсомол, спросила я. - Ко мне подружка придет, хочу, чтобы она умерла. От зависти.

У него была классная реакция, просто суперреакция супербоксера, он просек все без нудных толкований.

- У меня есть еще клубный пиджак от Ива Сен-Лорана, на днях из Парижа прислали. Надеть, Варвара? - подхватил он.

В знак согласия я кивала. А кто сказал, что в жизни должна быть большая порция скуки?

Вечером следующего дня, когда Роман, в клубном пиджаке, с огромной коробкой конфет, прибыл на шикарном "Лендкрузере", Надежда выжила, но ранение получила смертельное, несовместимое с жизнью. Вернее, жить она могла, но только с Романом.

- Я без него чахну, - говорила Надежда.

Точно, чахнет. Я тому свидетель.

Бракосочетанию, конечно, пришлось сыграть отбой. Несолоно нахлебавшиеся гости, которым не то что в рот не попало, более того - и по усам не текло (представляете, сколько подарков утилитарно не востребовано!), советовали Надежде обычным же образом поступить с ценителем раритетов, и она вначале так хорошо держала марку, что Роман наяривал за ней круче, чем за редкой монетой. Женщина практичная вымостила бы из его комплекса вины дорогу в загс; Надежда же, что свойственно раненным в сердце, простила с легкостью, без всяких оговорок. Стоит ли говорить, что вслед за "прости" их отношения вошли в прежнее русло, ведущее куда угодно, но только не к браку.

Потом в каком-то умном журнале мы вычитали, что Роман – интимофоб: все составляющие диагноза описаны выше. Еще там было написано, что интимофобы никогда не женятся и женщинам, желающим выйти замуж, надо бежать от них, и как можно быстрее. А куда бежать, если за минувшую пятилетку все женихи распуганы и спринтерские данные ввиду неперспективного стародевического возраста безвозвратно утрачены?

– Ну к чему было женихов перебирать, чтобы остановиться на интимофобе? – потрясая журналом аки приговором теснила я Надежду.

Между прочим, я сама ненавижу людей, которые суют нос в мою жизнь, особенно не терплю тех, кто лезет с советами. Но с Надеждой особый случай – на кое-какие вольности имею право, хотя бы в силу обилия пролитых на меня слез. Другая бы раскисла от этой сырости и резких перемен климата.

– Ромка гад! Он такой гад! Он недостойн меня! Ты видела, какие у него уши?

Не скромная училка музыки, а истинная фурия. Дымящая на паровозный манер сигарета довершает ее кровожадный образ. В такие минуты я сама боюсь Надежды.

– Конечно, гад. Я тебе это еще пять лет назад говорила. Если честно, даже Музе Пегасовне смешно, как ты могла полюбить такого тушканчика, – соответствую я. И ведь страшно не соответствовать, может и поколотить.

Это всегда происходит вдруг! Такое впечатление, что данная фраза не моя, а цитата из кого-то: и то сказать, не в Древней Греции живем, где поле неизреченных истин колосилось буйным цветом, сейчас же только рот откроешь – уже плагиат. Но вернемся к вдруг. На какой-то затяжке, без всякой на то предпосылки и логики, Надежда резко меняет курс.

– Боже, какая я гадина! Я гадина-прегадина! Ромочка, я недостойна тебя! Черт бы побрал ее навигационную резвость!

– Да, Ромка – прекрасной души человек! Я тебе это еще пять лет назад говорила. И даже Муза Пегасовна уверена, что большие уши – признак повышенной сексуальности... и музыкальности. – Я стараюсь говорить проникновенно и убедительно.

– Знаешь, какой он ... музы-кальный... – Надя рыдает от единения с возлюбленным и подругой.

Вот что значит, на мой взгляд, "невмешательство в личные дела", даже когда очень хочется вмешаться. Тем более подруга и вроде бы ждет совета, но не очаровывайтесь: не ждет. Если говорить кулинарным языком, можно сравнить любовь с выпечкой пирога. В двух этих, по сути, родственных явлениях, когда произведение рук и сердца томится от накала то ли страстей, то ли духовки, любые ингредиенты, а тем паче – сквозняк, только во вред.

Вернемся к умному журналу. Прочитав статью, Надька решила форсировать диагноз непосредственно в инкубационный период.

– Я поговорю с ним просто, по-человечески: так и так, Ромка, я старею, но и ты не молод, пора бы и под венец. Иногда даже маньяки реагируют на добрую беседу.

– Так то ж маньяки! Надя, не очеловечивай мужчин, тем более нумизматов, для них чем старше, тем дороже. Лет через пятьдесят, а еще вернее – через сто ты вполне сможешь претендовать на место в его коллекции.

Вот такой диалог произошел у нас. Фраза феминистского толка об "очеловечивании мужчин" – опять же из Музы Пегасовны.

Представляете, что стало с этой иллюзионисткой, когда до нее дошло, что мужчина ее сердца – прежде всего мужчина, и как следствие: человеческому языку не обучен, если в кромешную полночь меня разбудил Моцарт. Не подумайте, что сам покойник, нет, обошлось одной арией из "Свадьбы Фигаро". Ее-то и свистела Надежда под моим окном. Натура менее возвышенная орала бы благим матом: "Варька!" – но Надькина душа и в минуты страданий изъясняется языком гармонии. Не на последнем месте и забота о моем музыкальном просвещении. Вот-вот, прямо из постельки, в одной футболке и трусах, благо стоял август, я вылезла из окна, шагнула на узкий бордюр и так до пожарной лестницы, по ней уже и спустилась с

третьего этажа на землю. Со сна – и такие подвиги! Спасибо Гураму, коменданту общаги.

– После отбоя общежитие на замке, – изрек железный грузин пятилетку назад, чем и определил альпинистскую специфику общаговского народа.

Что бы сделали вы, если б, рискуя шеей, по шаткой пожарной лестнице, в условиях плохой видимости, преодолев несколько этажей, к вам спустилась почти обнаженная, хрупкая как подросток молодая женщина? Вот-вот! А Надька и хвостом не вильнула.

– Он не хочет, – серым голосом промолвила она.

Я взяла подругу за руку и усадила ее на парапет.

– Покурить бы, – на автопилоте вздохнула она.

Вторя ее словам, пачка сигарет описала траекторию из моего окна до Надежиной головы. Я погрозила Василию кулаком. В другое время моя подруга уползла бы с места событий с сотрясением мозга, но не сегодня... Она просто щелкнула зажигалкой, и пламя, стремящееся к сигарете, осветило ее значительное лицо. Бархатная ночь на исходе лета. Два огонька под звездным небом. Надежда и я. И такая тоска и жалость и к ней, и к себе, и к уходящему лету, и даже к Земле – одинокой точке в океане галактик.

– Что ж, будем кормить клиента заговоренными продуктами, – резюмировала я.

– А если он не захочет?

– Тогда через зонд.

Утро прошло в бегах. Отправив Василия в сад, я помчалась за пирожными. Все оставшееся до визита время упрашивала творца посодействовать рабе божьей Надежде. Оказалось, Бог действительно слышит глас вопиющего, даже если вопиющий – агностик, атеист и бывшая пионерка. Не уверенная в продуктивности заговора, а более страшась непредсказуемости результата, я пробовала для начала объясниться с Романом мирным путем.

– Ты волен не жениться на Надежде, но знай, на этой земле ее держит только любовь к тебе!

У Ромки от такого смелого заявления аж глаза заблестели. Еще бы! Не каждый день из-за тебя намыливают веревку, бросаются под поезд, глотают яд... Словно иллюстрируя происходящее, раздался страшный грохот. Меня прошиб пот: ужель Господь решил следовать каждому моему слову? Ромка выскочил в коридор, с разбега вышиб дверь в ванную. На пороге, обхватив двумя руками медный таз, стояла Надежда. Блаженная улыбка освещала уста. Неужели тронулась? Под влиянием минуты...

– Я просто хотела услышать, о чем вы говорите, и уронила тазик, – невинно промолвила она.

Черт побери! Высокую трагедию оборотили в фарс! Я схватила громадного Ромку за грудки и затрясла.

– Если ты, мерзавец, приблизишься к ней в радиусе трех километров, я тебя покалечу... тазом! Клянись, больше мы тебя не увидим!

Страшно напуганный яростной атакой, он вяло пытался отцепить меня от рубахи.

– Да не приду, не приду...

Мышь уела гору. Вконец расхрабрившись, я всучила ему в руки коробку с пирожными.

– И чтоб все съел! Они заговоренные!

Неделю от Романа не было ни слуху ни духу, неделю я боялась поднять на Надежду глаза, и, возможно, загнулась бы наша дружба под тяжестью вины, если б не Роман. Заявился к Надьке с огромным букетом.

– Накормили меня заговоренными пирожными...

Надежда восприняла его слова как предложение выйти замуж – и вышла. Мастер спорта по боксу не смел сопротивляться. Теперь вот бегают, надеюсь, не от жены.

Ждать приходится недолго, я едва успеваю пару раз измерить тротуар, вымощенный плиткой, как из-за угла на хорошей скорости, облаченный в

спортивный костюм, возникает взмокший Юнеев. Даже мое появление не останавливает его, бежит как заведенный, теперь, правда, только на месте.

- Привет, - между прочим бросает Роман. - Надо кого-то убрать?

Обычно я отвечаю: нет - и тем самым спасаю человечество от его кулака, но сегодня я накрываю свой гуманизм медным тазом.

- Надо, но только не знаю кого.

Достаю из кармана монету с профилем императора Константина, протягиваю Роману. Он останавливается, теперь понятно, что монета, найденная под столом, относится к разряду редких.

- Где взяла? - спрашивает Роман, вытягивая из кармана лупу.

Оказывается, заядлые нумизматы даже утренние пробежки совершают с лупой.

- Под столом, - отвечаю я. - Чья она?

- Это рубль Константина, таких монет только семь.

- Во всем мире семь? - изумляюсь я.

Даже мне, не страдающей манией коллекционирования, ясно как божий день, что, не роя, не копая, я нашла клад.

- В двадцать пятом году после смерти Александра Первого на престол должен был взойти Константин, его брат. Успели отчеканить пять монет, когда царем стал Николай Первый. Потом всплыли еще две монеты, без надписи на гурте. - Роман приблизил ко мне монету боковой стороной. - У тебя одна из них. Я знаю человека, у которого есть или, во всяком случае, был рубль Константина.

- И кто он? Имя! - требую я и по отработанной схеме хватаю Ромку за грудки.

- Да ну тебя, - притворно сердится он, пытаюсь отцепить меня. - Я все скажу, только не скармливай мне всякую гадость.

Я жду. Как Наполеон, скрестив руки на груди.

- Скажу, когда сам буду знать точно, а пока терпи...

Чего-то в подобном роде я и ожидала. Разве этого бандита такими методами надо пытать?

- И на сколько она тянет? - захожу я с другого края.

Роман усмехается.

- Серьезно тянет, тысяч на тридцать.

- Долларов?

- Ну не рублей же.

Я покрываюсь испариной. Ничего себе подарочек! Кто он, одаривший меня по-царски? Пришел, порылся, одарил.

- Гони обратно, - подставляю я ладонь.

Вместо того чтобы послушно вернуть мне мою находку, Роман начинает ржать на всю улицу. Из подъезда в лосинах и майке выбегает Надежда, своего Ромочку она обнимает за плечи, меня же, источник нынешних наслаждений, шпыняет без зазрения совести.

- Варька, ты ж его простудишь. Марш домой!

Последние слова относятся к Роману. Подталкиваемый женой, он бежит в подъезд, через плечо кричит мне:

- Варька, за денежку не дрожи, я ее к эксперту снесу, может, это фуфел. Черт побери, какой еще фуфел? И как он смеет так вольно распоряжаться моим капиталом? Из подъезда выскакивает Надежда в шлепанцах, падающих с ног, неуклюже семенит ко мне.

- Ну, Вава, ты что, обиделась? Пойдем чай пить. А каши хочешь? Кашка сладкая, манная. Пошли, Вава.

Я бы с удовольствием и на чай и на кашку, да некогда - вертолет не дремлет.

- Не могу, Надюха. Вернусь, тогда и кашку вашу слопаю. А ты, матушка, фуфел береги, - предельно нежно говорю я.

- Какой еще фуфел? - недоумевает Надежда.

Я сама недоумеваю, разве что вида не подаю.

- Какой-какой, ты у мужа спроси, он тебе все расскажет и... покажет.

Уж не знаю, что там видится Надежде за моими словами, но только она отстраняется и строго так выговаривает:

- У него, Варвара, не фуфел! Поняла?

- Поняла, - отвечаю я, - но все равно береги.

ПОТЕШНОЕ ВОЙСКО

- Ничего, зимой не холодно, - сказал капитан второго ранга.

Капдва мужиковат, словно вытащили его из погреба рубленой крестьянской избы, даже золотые погоны морского офицера не добавляют лоска, проштампован - "от сохи". Странно, он же мой ровесник, но определенно не современной модификации мужик, припозднился с годом выпуска. А вот ходит вразвалочку, как и подобает моряку, сошедшему на берег.

Рядом с ним - девчонка лет семи. Маша. Она сама назвала себя, еще когда мы стояли на вертолетной площадке и ждали как ясна солнышка генеральской машины. Подошла и незастенчиво протянула руку.

- Маша.

- Варя, - ответила я.

Только тут я разглядела две русые косички за спиной. А ведь сперва даже не сомневалась - пацан, которого папаша, двинутый на службе, нарядил в форму старшего матроса. Оказывается, все гораздо сложнее.

- Варя, - заручившись моим именем, продолжала девочка Маша, - где здесь туалет, женский?

Вызвавшись ее проводить, я едва поспевала за ней; девочка Маша печатала строевой шаг, русые косички били по темно-синему гюйсу. Иногда она бросала на меня взгляд через плечо.

Капдва крикнул вдогонку:

- Маша, даю на все две минуты, - и постучал по циферблату.

- Папа, это же понос, а не построение, - заявила отцу девочка.

Он виновато развел руками. Маша взяла меня за руку, мы пошли согласно моему шагу. Встреча двух равных женщин. Между прочим, не иронизирую. Уже давно я подозревала, что женщинами рождаются. И тут такой наглядный пример: от горшка два вершка, а мир строит, как говорится, в одну шеренгу. Это мальчики как-то долго, чуть ли не до совершеннолетия, некоторые и до гробовой доски, определяются с полом, поют в хоре и соло женскими голосами, долго ходят под матерью, под ее опекой. И если мужчину еще надо воспитать, то женщины умудряются родиться готовыми.

Когда мы зашли в клозет, Маша вытащила из-за пазухи сложенный газетный лист. Точно, от сохи, подумала я. Но Маша протянула газету мне.

- Варя, что там написано?

Ее маленький пальчик воткнулся в печатную строку.

- "Депрессии, - прочитала я. - По статистике, неженатые мужчины живут в среднем на десять лет меньше своих женатых братьев. Более подвержены язвенным и сердечным болезням, депрессии..." Где ты нашла эту ерунду?

- По-твоему, десять лет жизни - ерунда?

Аккуратно сложенный лист отправился на дно ее кармана.

Оказывается, Машка всю свою семилетнюю жизнь прожила на эсминце, которым командовал отец. Теперь девочке пора в школу, поэтому семья Шкарубо и отправилась в сухопутное плавание, к новому месту службы. Был на эсминце у нее и дядька - мичман Алексеич, он дал на прощание Маше газетную вырезку, мол, отец без моря совсем загнется, надо его женить. Нашел адекватную замену штормам и ураганам.

Мать у Машки, естественно, была, но девочка ее никогда не видела, только на фотографии. Странная фотография, больше напоминает открытку, красotka на ней удивительно похожа на Настасью Кински. Я чуть не брякнула об этом, но Машка быстро убрала фото. Мне стало неловко от ее правды, наивной и искренней. Такую правду знают только дети, правду и только правду, чистую как слезу, чистую, как они сами. Взрослые - испорченные воспитанием дети, они знают правду, но с поправкой на жизнь. Маша хочет женить отца, чтобы папа жил долго.

- Ты же еще маленькая девочка, - попробовала возразить я.

- Ничего. Любая селедка была мальком, - вполне аргументированно ответила Маша.

Когда мы вернулись, вся генеральская рать вместе с моим подопечным генералом уже заполнила салон вертолета. По-моему, генерал был не в духе, скупно кивнул на мое "здрости" и отвернулся к иллюминатору.

Милый мой, тебе сейчас, в предвыборную кампанию, надо быть ближе к народу; усядешься в губернаторское кресло, тогда и норы показывай. А пока, сцепив зубы, заткнув нос, люби нас, своих потенциальных господ, свою дойную корову, к соскам которой ты столь удачно, судя по кассете, присосался. Только так и обретишь высокий статус слуги.

Вертолет бил лопастями, когда на площадку влетел золотистый "Опель-кадет". Выскочивший из машины майор, тот самый, с габаритами молодого зубра, коему Лелик доверил сопровождать меня на вышку контрольно-диспетчерского пункта, распахнул дверь.

- Товарищ генерал, возьмите с собой девушку, ей тоже в пятый Североморск, она служит в полку связи.

- Какая к черту девушка! Пусть едет на рейсовом автобусе! - проворчал генерал.

А девушка была замечательная. Ну прямо Джулия Робертс - длинноногая, с шикарной шевелюрой каштановых волос и с детско-порочным лицом. Ей бы миллионеров на Канарах за квасом посылать, а она все шнуропары крутит, если говорить казенным языком. Прапорщик Киселева Наталия является начальником БП-130, то есть коммутатора. Несколько лет назад мы с ней были однополчанками, пока я не подалась на вольные хлеба, в журналистику.

С милой улыбкой Наташка шагнула по трапу, сразу несколько рук подхватили ее, и никто не посмел вякнуть, даже генерал. Она обрадовалась мне, я обрадовалась ей, нам было о чем поболтать, а это большое дело. Комполка, командовавший еще в мою бытность, ушел на пенсию, теперь ждут нового.

- По-моему, дождались, - кивнула я в сторону Шкарубо.

Наташка пристально, чуть сощутив глаза, посмотрела на него, прочла взглядом ботинки, китель, лицо, обветренное, грубой лепки, и добавила скептически:

- Боже, куда только смотрит управление? Никакого эстетического удовольствия.

Бог с ней, с эстетикой, мужик и не обязан блистать красотой. Напротив, красота зачастую мешает, особенно мужчине, плюсующему от своей внешности, она как стопор в его жизни, способствуют движению как раз комплексы. Взять хотя бы Наполеона, Байрона, Сократа... Стали б они тем, кем стали, если бы были безмятежно довольны собой, если бы не горели желанием доказать всем и себе, что наделены главным достоинством мужчины - мозгами? Судя по первым репликам, у Шкарубо они военного образца.

Тогда-то капдва и сказал:

- Ничего, зимой не холодно.

Это Маша наклонилась к отцу и громко, так что все хмыкнули, зашептала:

- Папа, смотри, какая шикарная девка! Тебе нравятся ее волосы?

Вот такое утилитарное отношение к красоте у капитана второго ранга.

Наташа даже не захотела взглянуть на этого нахала, а ведь могла не то что взглядом огреть, но и рукой двинуть. Рука у нее, несмотря на ангельскую внешность, тяжелая, взмах одной левой довел Наташку до Севера. Еще в школе влюбилась в одноклассника, не стоит и говорить, что парень потерял голову от любви такой принцессы. Вместе они поступали в институт связи, но с разными результатами: Наташа поступила, парень же - мимо кассы, пришлось идти в армию. Служил где-то недалеко, в соседней области. Приехала Наташка к нему на присягу, возлюбленный в истерике бьется.

- Да знаю я, этот бородатый специально меня завалил, чтобы тебя, чтобы ты, чтобы вы...

Чем уж так ему насолил этот математик из приемной комиссии? Наташка возьми да и брось институт, и к командиру части. Только бесчувственный чурбан мог остаться безучастным к этой шекспировской страсти, командир - не смог, взял Наташку на коммутатор.

Но красота - она и в армии красота, даже когда на тебе сиротское форменное платье с погонами сержанта, желающих вкусить молодого тела - хоть отбавляй. Парень совсем Наташку извел, что ни день, то скандал, в

каждом столбе соперника видел. Дурак дураком, выбрал бы себе невесту косую, хромую, горбатую, чтобы еще говорила через пень колоду – и нет ревности. А как до дела дошло, когда можно было себя во весь рост показать – сник наш герой. На ночное дежурство на объект к Наташке ввалился комендант гарнизона, от одного запаха можно было захмелеть. Наташка в гарнитуре с микрофоном абонентам отвечает, а комендант багровой рукой мясника ее молодое колено оглаживает. Она и врезала ему. Жирная комендантская туша свалилась на пол, подмяв под себя аппаратуру. Кровищи было море. Криков тоже, весь узел связи сбежался. Только жених так и не распахнул дверь соседнего объекта.

Комендант ходил после этого как Щорс, с перевязанной головой, но вряд ли чувствовал себя героем, хоть и пострадал на гражданке. Командование в своем желании услать Наташку от греха подальше преуспело: командировали дальше некуда – на Север. Или она сама сбежала от позора. С тех пор Наташа относится к мужчинам никак.

– Мое сердце потухло, – говорит она, но ухаживания принимает, надеется на встречу с Прометеем, способным разжечь огонь любви. Пока же клюет ухажером печень. Я устала удивляться: даже одной, самой невинной реплики из ее уст достаточно, чтобы выжечь вокруг себя безжизненную пустыню и навсегда остаться старой девой. Наташке же все прощается. Причем не она просит прощения, а у нее. Вывод: у каждого своя мера дозволенного.

Внизу расстилаются пожелтевшие сопки, тень от нашего вертолета скользит по ним. Справа еще маячит авиационный гарнизон, и где-то там – Лелик; прямо по курсу, уже в зоне видимости, синяя гладь моря, корабли и подводные лодки у пирса, чуть поодаль – казармы, дома. Это Заозерск. В принципе я могу описать всю карту местности, даже не глядя вниз: за пять лет службы в дивизии подводных кораблей, в состав которой входил и наш полк связи, изучила все подробности здешнего пейзажа наизусть. По головокружительно извилистой дороге, петляющей меж сопки и валунов, заросших мхом, час, а то и больше пути, а так уже через пятнадцать минут вертолет пойдет на посадку.

Утомившись созерцанием виданного-перевиданного, генерал во весь свой генеральский бас спросил:

– Братцы, хотите анекдот?

Наверное, вспомнил, что мы пока в одной связке.

Братцы хотели, о чем известили генерала дружными кивками.

– Встретились осел и прапорщик, – начал генерал. – Осел спрашивает у прапорщика: "Ты кто?" Прапорщик огляделся – никого и говорит: "Офицер". Осел ему в ответ: "Тогда я – лошадь".

Вот такой анекдот – дискриминационный, кастовый, отделяющий зерна от плевел, а офицеров от прапорщиков. Еще бы повторил пошлость, расхожую в войсках: "Прапорщик – это диагноз". Я посмотрела на Наталию: никаких внешних проявлений этого страшного диагноза пока нет, надеюсь, у меня тоже.

Мне, например, как бывшему прапорщику, обидно. Обидно, и смех распирает, к горлу подкатил и душит – умеет генерал анекдоты травить, не откажешь, акценты расставляет, как завещал Станиславский. Пришлось ногтями вонзиться в собственную ладонь. Теперь хоть плачь! Не заметила, щипала ли себя Наташка, но и ей не смеется, со всем усердием рассматривает свое изображение в зеркале. Что можно разглядеть при такой болтанке?

Старшие же офицеры от хохота загибаются, чуть ли в ладоши не хлопают. Только угрюмый капдва неучтиво игнорирует разразившуюся вакханалию. Тяжелый случай: Бог обделил беднягу и юмором, нет, столько недоволожений в одну личность – это брак даже для создателя. Машка тут же дергает отца за рукав кителя, кричит:

– Папа, а кто это – прапорщик?

– Прапорщик – это мичман, – объясняет Шкарубо.

– Наш мичман Алексеич? – допытывается Машка.

– Да, Муха, наш мичман Алексеич, – вторит ей Шкарубо.

Словно что-то поняв из этого набора тривиальностей, Маша забирается коленками на сиденье и носом прилипает к иллюминатору.

- А вы почему не смеетесь?

Между прочим, обращаются к нам. Генерал каким-то волшебным образом, доступным только властителям мира сего, умудряется смотреть в глаза мне и Наташке одновременно. Совершенно необоснованно я ежусь, черт бы побрал этот атавизм! Наташа хлопает зеркальцем, слишком медленно отправляет его в сумочку и, лишь когда "молния" объезжает сумочку по кругу, сладко облизав свои пухлые губы, протяжно говорит:

- Вы же не мой командир.

От ее слов тесный салон вертолета наполнился тишиной, от которой ноет внизу живота. Я услышала неровное дыхание генерала. И если б не капдва Шкарубо, летел бы наш вертолет и летел до пункта назначения на этой высокой ноте отчужденности. Он просто взял и заржал, без всякого почтения к генеральскому чину и его тонким эмоциям. Девочка Маша, отлипнув от иллюминатора, дернула генерала за рукав мундира.

- А при чем тут осел?

На месте генерала я бы задохнулась. Хотя на своем месте я это и делаю - задыхаюсь от смеха в дуэте с раскатистым, грудным смехом Наталии. Звучит недурно. Особенно когда нам вторит Шкарубо.

- Земля! - как резаные закричали старшие офицеры из генеральской свиты. Еще никогда с таким нетерпением они не ждали посадки вертолета.

Вслед за летом внезапно наступила осень. Было, было солнышко, природа всем арсеналом примет нежно нашептывала в наши доверчивые уши, что пока еще лето, и вдруг - бац - с неба сыплет противный, мокрый снег. А что вы хотите: заполярный круг, шестьдесят девятая параллель! Не просто же так нам полярки платят. Это в Москве или где-нибудь в Рязани - жареное солнце, а у нас - замороженный дождь падает с неба. И когда это случается, - а нашей погоде календарь не указ, и снегопад возможен не только в июне, но и в августе, - мы утешаем себя:

- Не май месяц.

Снег пошел в полдень, во время построения личного состава полка связи по случаю представления нового командира.

Говорила же я Наташке, что читаю человеческие души с судьбами в придачу без комментариев владельцев: капитан второго ранга Иван Шкарубо с сегодняшнего числа назначен на должность командира полка связи.

Для девочки Маши, которая хочет женить папу, наш полк - редкая удача: большую часть штатного расписания занимают женщины-военнослужащие. Со стороны - сегодня я не в строю, а на крыльце казармы, рядом с генералом, томящимся в ожидании встречи с народом, - смотреть на это потешное войско забавно. Не думаю, что Шкарубо в восторге от вида толпы гомонящих баб, разодетых от Кардена до военторга.

Нового командира на общем построении личного состава полка представил собравшимся толстяк-коротышка в шитом золотом адмиральском мундире, с кортиком на бедре. Весь гарнизон зовет его Бибигоном. И эта маленькая шпажка на бедре! Только не вздумайте проговориться, Бибигон умеет быть мстительным, взмах кортиком, и вы - шашлык. Но обычно до состояния полуфабриката он доводит бескровным методом, не вынимая кортика из ножен: Бибигон, а по паспорту Адам Адамович Мотылевский - контр-адмирал, командир дивизии подводных кораблей, со всеми вытекающими последствиями. Между прочим, генерал с Бибигоном даже кивками не перекинулись, встретились как неродные, а ведь, насколько мне известно, судьбы их написаны словно под копирку. В один год после окончания училищ прибыли на Север, вровень, шаг, в шаг преодолевали ступеньки служебных лестниц: Чуранов - капитан, Мотылевский - капитан-лейтенант, Чуранов - майор, Мотылевский - капитан третьего ранга, и так до одной большой звезды на погонах. Разница только в среде обитания: генерал - в небе, адмирал - в воде. Вчера, копаясь в архиве редакции, я видела не меньше дюжины снимков, на которых вы рядом, плечом к плечу. Что же такое, мальчики, между вами произошло, что вы друг друга в упор не видите?

Адмиральский мундир не единственное приобретение Бибигона, столь нелогичное по отношению к его внешности; из этой же обоймы алогичностей – его жена. Как и положено, жену Адама зовут Евой. В жизни всегда есть место совпадениям! Это сейчас Бибигон завоевывает жизненное пространство животом, а двадцать лет назад лейтенанта Мотылевского, прибывшего после училища по распределению на дизельху, в профиль можно было и не заметить, такой был тощий. И вечно голодный, как все лейтенанты.

Пока лодка стояла у стенки, Адам трехразово питался на камбузе. Здесь его разглядела здоровая, белозубая официантка, просто сдобная булка – вот такой в девках была Ева. Вроде бы простая, как три копейки, каждое сказанное ею слово вгоняет в краску, а адмирала в лейтенанте разглядела, прямо как на хорошего скакуна поставила и выиграла забег. Ставки делала котлетами, они у нее действительно объединение, не зря же Адам вырос в Бибигона. Потом, когда Ева забеременела, Адам перешел на вегетарианскую пищу, избегал завтраков, обедов, ужинов, вместе взятых, а уж когда двойню родила – и вовсе сдрейфил, сбежал в Питер на классы.

Но, оказывается, существуют вещи и пострашнее отцовства, полиотдел, например. Взяли лейтенантишку за хилое тело, приперли к стене Евиным письмом с фотографией крошек... И ведь никто не насиловал, просто обозначили альтернативу: женишься – будешь служить, не женишься – тоже будешь, но совсем по-другому: в глубокой дыре – и очень повезет, если к пенсии капитана получишь. И ваше поведение недостойно поведения советского лейтенанта. Задели за живое! Что касалось чести советского офицера, здесь Адам был кремень, он мог обмануть взвод беременных официанток, мог без всяких обязательств, авансируя лишь плоскими комплиментами, сожрать таз котлет, но срамить офицерский мундир не позволял никому, даже себе. Так котлеты прочно обосновались в его каждодневном меню.

Когда я вижу их, ее – огромного роста и его – огромного размера, важно бредущих по вечернему гарнизону, то никак не могу понять: почему из всех прибывших тогда лейтенантов Ева остановила свои синие бессмысленные глазищи именно на нем? Наверняка есть хотел не только Адам. Наверняка нашлись бы желающие полакомиться Евой и на голодный желудок, согласные жениться без всех этих унижительных подробностей. Бибигон силен не только комплекцией, но и интеллектом.

Контр-адмирал Мотылевский обожает толкать с трибуны пламенные речи; тогда ликующий гарнизон стонет, возбужденный его ораторским талантом, острым, как лезвие кортика, понятным, как котлета, загадочным, как их мезальянс. Странно, замечаю я, такой отменный нюх на женихов демонстрируют обыкновенно девушки заурядные, неспособные в одиночку переплыть реку жизни. А вот живут они хорошо. Раздел он ее как куклу, только очень большую, играть с такой страшно. Адам и не играет, он – ее игрушка.

Вслед за Бибигоновой пламенной речью, после его одобрительного хлопка по крепкому плечу нового командира, из внезапно почерневшего неба хлынул поток мокрого снега. Шкарубо едва успел сделать шаг вперед, поближе к строю, и громко так обратился к подчиненным:

– Здравствуйтесь, товарищи связисты!

Все замерли, и, набрав полные легкие воздуха, строй готов был разразиться на едином выдохе: "Здравия желаем, товарищ командир!" В эту самую последнюю секунду перед выдохом, пересекая плац по косой, туда, где стояло ее отделение, двинулась Наташа. Она шла будто летела, ветер нес ее каштановые волосы. Вслед за Наташкой по плацу мелкой трусцой семенила лохматая собака Малыш. Все забыли о выдохе.

– Хелло! – слегка повернув голову, кивнула Наташа своему командиру; ее изящная шея, как у породистой лошади, была особенно грациозна при этом изгибе. Обычная вежливость, не более, но полк, вдохнувший приветствие, разразился безумным хохотом. Даже Бибигон с выражением детского счастья на лоснящемся лице довольно паялился на Наташку, потирая свои толстенькие ладошки.

И только Шкарубо, растерянный, в окружении хохочущей толпы, испытывал ненависть. Ненавидел всех, ненавидел этот гарнизон, такой далекий от моря, а эту рыжую так, как никого прежде. Его леденящая ненависть была понятна даже дождю, излившемуся на черные форменные тужурки снегом. Все помчались к казарме.

– Какой странный, – сказала Наташка, глядя с крыльца казармы сквозь пелену снега на застывшую фигуру на пустынном плацу.

Дом офицеров ломился от многолюдья. Конечно, не каждый день знакомое лицо, вскормленное из гарнизонной плошки, баллотируется в губернаторы. Генерал не был оригинален: после скупого рассказа о своих биографических вехах – в каком году родился, в каком окончил летное училище в Ейске, как дорос до командира летной дивизии – приступил к предвыборным обещаниям. Странно, но обещал как-то скупое, без того размаха фантазии, что характерен для подобных мероприятий.

Программа генерала заключалась в малом: дорогу из гарнизона до города взамен нынешних колдобин проложить нормальную; бороться за сохранение северной пенсии для северян, переехавших в средние широты; выдвинет предложение о начислении рабочего стажа безработным женам военнослужащих. Ну и тепло – в каждый дом, без перерывов. В общем, обещал то, что возможно, но во что люди по причине банальности сказанного верят без энтузиазма.

Жаль, никто не подсказал Тимофею Георгиевичу, что у нас любят не правду, а сладкую ложь. А еще любят сказку, которая никогда не становится былью. Врите – и мы поверим, врите с размахом, не церемоньтесь, мужикам наобещайте – по "Мерседесу", женщинам – вечную молодость и всем вместе – что денег до зарплаты хватит.

А так – ни одного всплеска. Волосатый парень с лицом и манерами, несвойственными гарнизону, сидел, развалился в первом ряду, вытянув великанские ноги в тяжелых ботинках чуть ли не до трибуны. Он прикрыл глаза от тоски, сейчас блокнот из руки вывалится на пол. Сразу видно, не наш человек, больно уж свободный. Что его сюда занесло?

Я уже думала, что засну на этой предвыборной панихиде. Теперь понятно, почему именно на меня Костомаров возложил генеральский оброк: попробуй выуди из этой тягомотины фактуру хотя бы для посредственной статьи.

Оператор с регионального телеканала, еще в начале встречи резво прыгавший по залу с камерой, сидел на ступеньках с потухшим объективом. Я знаю его – это Стас, большой шалун и любитель выпить. Вот и сейчас посылает мне однозначные жесты: не пора ли? Давно пора, вкрадчиво киваю я, едва сдерживая зевоту за столом, покрытым красной тряпочкой. Колер ушедшего времени, не новей и речи – все как стоворились: если знают Тимофея Георгиевича, то только с положительной стороны, другой у него нет. Ужас – плоский генерал. Вопросы тоже риторические: да – да, нет – нет.

– Ваш любимый писатель? – пропищала пигалица среднего школьного возраста.

– Марк Твен, – взъерошив ладонью седую шевелюру, сказал генерал.

Почему не Андерсен? Мог бы еще букварь вспомнить.

– Моя дочь беременна от вас...

Я прямо подпрыгнула. Пока место для сна выбираю, здесь такие страсти разгораются. Сидящий по правую руку от меня полковник передал генералу записку, пришедшую автостопом из зала. С тем же успехом могли бы кинуть в генерала бомбу; потянуло жареным, и зал принял боевую стойку. Ничего себе! Оказывается, пятидесятилетний Тимофей Георгиевич еще способен и на такое! Генерал сам как будто очнулся, достал из кармана очки и прочел буквально по буквам:

– Моя дочь беременна от вас, вы обещали бедной девочке жениться, когда зарегистрируете отношения?

– Ничего не пойму, кто это написал? – растерянно обратился генерал к залу.

- А что тут понимать, алименты на шею повесят, тогда поймешь, - крикнул какой-то майор. Люди, только что искренне любившие, услышав "ату его, ату", с той же искренностью возненавидели. Даже я не смогла разобрать ни одного слова генерала, а зал и не слушал, он гудел, сотрясая барабанные перепонки. Стас со своей камерой как заведенный метался между толпой и генералом.

В какую-то минуту мне стало жалко его. Отбросив клочок бумаги, он сел за стол и, сощутив глаза, долго молча смотрел на это позорище. Даже мне, знавшей о нем поболее других, было неловко: все на одного. Он встал, направился к выходу, пятившийся спиной Стас ловил в объектив его лицо. Толпа стихла, и когда Тимофей Георгиевич был уже у дверей, какая-то тетка истерически завопила:

- Вы знаете, какое лицо у нашей нации?

- Не самое лучшее, - сказал он.

Я оценила его честность: сказать такое в пылу избирательной кампании, когда надо понравиться всем!

- Лицо нашей нации - беззубое, - кинула тетка явно заготовленный аргумент. - Почему у нас пломба дороже золота?

- Что-что, а кусаться мы умеем, вот понимаем друг друга плохо, потому что каждый слышит только то, что хочет услышать, - сказал генерал и грубо хлопнул дверью.

Совсем уже выдохшиеся, обескураженно, люди устремились к выходу. Я дотянулась до записки - знакомый почерк редкой каллиграфии. В наше время, когда чистописание не в чести, в записке буковка к буковке, и все ровные, как на открытке. При чем тут беременная дочь, она что, с катушек слетела или у нее крыша поехала?

Никогда не думала, что Бибигон знаком со мной: где была я в период службы, где он? Но оказывается, адмиралу знакомо не только мое лицо, но и имя.

- Варя, - положил он ладонь на плечо, - пойдете, я познакомлю вас со спецкором из "Пионера столицы".

Вот это да! Рядом с нами, близко, высокие гости. Работать в такой газете, да еще в столице, а не в нашей дыре, - мечта каждого провинциального журналиста. Я пялила глаза на этого везунчика, не зря я выделила его из всего зала. Везунчик был лохмат и небрит, даже Бибигон был ему не брат, на меня он и вовсе смотрел с ленцой. Богема.

- Виталий Бонивур, "Пионер столицы". - Он протянул мне руку редкой ухоженности, с агатовым перстнем на мизинце.

Я бросила взгляд на его уши: вторичные признаки отсутствуют, значит, кокетничать сегодня буду я.

- Варя Синицына, "Заполярный край". Разве вас не сожгли в топке?

- Пробовали, не получилось, нет топки подходящего размера, - лениво парировал Бонивур.

Откуда у парня такая лень? То ли серьгу на подушке оставил, то ли мания величия обуяла.

- Вы пишите, а топка найдется. - Адмирал грубо смял в зародыше ростки нашего диалога. - Она, между прочим, неплохо пишет.

Столичный журналист очень сомневался в моих талантах.

- Пусть напишет, посмотрим.

- Да ладно, не выпендривайся, дай девочке телефончик.

Отшвырнув церемонии в сторону, Бибигон двинул Бонивура по ребрам. Ого, в каких они близких отношениях! Послушный его удару, спецкор протянул мне свою визитку.

- Будет интересный материал, звоните, - значительно теплее сказал он.

Адам Адамович больше не держал меня, мы простились, и я пошла к выходу.

- Не можешь не выпендриваться, - донесся до меня голос Бибигона.

Мне показалось, что, вторя его грозному шепоту, воздух со свистом рассекла шпажка. Да, с акустикой в Доме офицеров порядок, вот только не люблю, когда мне подсказывают.

Я вышла из Дома офицеров, сквозь пелену мокрого снега едва разглядела машину с генералом.

Он распахнул дверь, позвал меня взмахом руки:

- Ты что-то долго.

- Зато вы быстро, - огрызнулась я.

- Быстро, потому что так надо, не тебе меня учить, - раздраженно сказал генерал и, дотянувшись до задней двери, открыл ее.

Это выглядит как предложение сесть. Но я намерена оставить генерала. На пару часов не прилететь в гарнизон, в котором прошли лучшие годы моей жизни, и не посплетничать с подругами - абсурд. Тимофей Георгиевич еще успеет насладиться моим обществом. И ведь зачем-то же пошел снег. Значит, это кому-то надо.

- Я не учу, я советую, ведь мы в одной обойме. Нельзя так грубо с народом, - заметила я. - Если народ хочет покопаться в грязном белье кандидата, кандидат обязан испачкать белье.

Не ответив, генерал выбил из пачки сигарету и стал мять ее пальцами. Токмо из сочувствия к источнику удовольствия я извлекла из сумочки зажигалку, протянула ему.

- Да нет, я бросил курить, это так... - Сломав сигарету, он сунул ее в карман.

- Тимофей Георгиевич, может быть, вам какую-нибудь легенду о несчастных сиротах придумать, - продолжала я. - Якобы вы их усыновили... Народ тащится от таких чувствительных историй.

- Лучше достань мне справку, что я импотент, - сказал генерал.

- А разве... - самопроизвольно вырвалось из меня. Клянусь, я не формулировала эту мысль, не голова, а помойка, иногда такое всплывает.

- Не разве, - отрезал генерал.

Я судорожно глотнула слюну и, кажется, покраснела.

- Что-то я не пойму, ты с ними? - Генерал кивнул в сторону. Я оглянулась: на крыльце Дома офицеров стоял Бибигон в окружении подчиненных. - Или со мной?

- Я сама по себе.

- Тебя накормить, вольный стрелок?

- Если только с ложки.

- Ну-ну, значит на вольных хлебах. Полетим завтра, видишь, какая погода?

Еще бы, не только вижу, но и чувствую: косые холодные капли забираются за шиворот, я мокну с головы до пят. Если генерал не прекратит болтать, на обед у меня будет аспирин. Видимо, сочтя нашу беседу исчерпанной, генерал скрылся за домами. Аспирин же не отменяется - на прощание проклятая машина со вкусом обдала меня грязью. По-моему, это месть.

Вымытая и проаспириненная, в Наташкином халате, я валяюсь на ее же диване. Наташка рядом, споро строчит на швейной машинке.

- Кому съешь? - Я потягиваюсь так, что кости хрустят. Судя по здоровому отклику моего тела, жить буду.

- Скомороховой, - зажав нитку в зубах, бубнит подруга, цветастая ткань бежит под лапкой.

- Зачем ей платье? Она же всегда ходит в форме.

В самом деле - зачем? Скоморохова единственная женщина полка, живущая строго по уставу: на службу - в форме, со службы - в форме. Эта самая служба и наложила неизгладимый отпечаток на ее облик. Даже в своем бабском коллективе. Скоморохова требует, чтобы к ней обращались не иначе, как "товарищ прапорщик", а, не дай бог, "Валентина Дмитриевна", тем паче обойтись одним именем.

Все-таки непонятно, как разумная женщина может нацепить на себя белый шерстяной блин, именуемый в накладных беретом форменным, или голубые панталоны, тоже форменные. Неужели у Скомороховой они под юбкой? Хорошо, что туда, по общему гарнизонному мнению, никто давно не заглядывал. Вид форменных панталон, свисающих аж до колен, однозначно подорвал бы боеготовность нашей армии. А может, панталоны - вообще секретная

разработка военных швейников? Один раз глянул – и думаешь только о родине.

Прапорщик Скоморохова заведует вещевым складом – видимо, и рекламирует то, чем заведует, должна же она как-то популяризировать свою профессиональную деятельность. У остальных женщин части служба больше похожа на санаторий: что купят, то и надевают, от Скомороховой с ее пыльным вещевым складом отмахиваются как от надоедливой мухи.

Возможно, Скоморохова бы и победила в борьбе за обезличивание кадров. Прежний командир части успел даже приказ издать о немедленном переодевании, неповиновение каралось внеочередным нарядом по камбузу, да тут на узел связи пришла новая телефонистка, жена адмирала Мотылевского. Не век же ей "кушать подано" талдычить. Бибигонша не желала заковывать свои крупные формы в форменные одежды. Накануне контр-адмирал, привез из Голландии, где представлял наш флот, чемодан обновок, в которых даже кобылица Ева выглядела женщиной. И что, такую красоту – в шкаф? Она скомандовала командиру "отбой", амнистия вышла всем.

Теперь Наташа шьет Скомороховой платье, ибо зав вещевым складом поняла: новый режим всерьез и надолго. Когда еще найдется командир, способный лишить адмиральшу гражданского одеяния?

Наташа отодвигает лохматого Малыша, прикорнувшего на диване прямо на стопке журналов, вытягивает один из них.

– Вот этот фасон выбрала.

– Натали, у тебя же точно такое, – говорю я, рассматривая на странице модный силуэт. Наташка демонстрировала платье еще в начале лета, когда приезжала ко мне. – Всем полком переходите на новую униформу?

– Представляешь, Варя, я то же самое Скомороховой говорю, а она уперлась – ни в какую. Жаль, что в мое не влезает, я бы продала. – Наташа придала кривошипно-шатунному механизму реактивную скорость.

– С точки зрения старины Фрейда, – констатирую я страшным голосом, – случай клинический, свидетельствует о психопатологии заказчика, уверенного, что вместе с платьем ты отдашь и свою красоту.

– Какая ты, Варька, вредина! – протестует Наташка и забрасывает меня отходами швейного производства.

Из солидарности с хозяйкой внизу подо мной серьезно рычит собака.

– Где ты взяла этого барбоса?

Малыш зевает, я не без испуга пялюсь в его пасть.

– Да так, прибился. – Наташка гладит Малыша по холке. – Между прочим, он очень образованный. Жаль, что у тебя нет наркотика, он бы нашел.

– Конечно, жаль, – говорю я, – мне бы сразу уголовку за контрабанду наркотиков пришили, ты бы сухари в тюрьму носила. Если б их, конечно, твой умный Малыш раньше свидания не сожрал.

Пропустив это немаловажное уточнение мимо ушей, Наталья подсела к собаке.

– Малыш у нас на таможенном посту служил, недеklarированный товар нюхал. Правда, Малыш?

Я недоумеваю: откуда такая осведомленность в таможенных терминах?

– Наташка, у тебя таможенник появился?

Такая уж она девушка, встречается с врачом – говорит о болезнях, с моряком – о море, сейчас – о таможне. Не девушка, а сосуд, который каждый наполняет по своему вкусу. А вот утолить жажду щедрыми глотками, вволю, никто не может.

– Уже исчез, Малыша оставил, на долгую память. Его списали на пенсию. Малыш у нас дедушка.

Пес тяжело вздохнул, наверное, согласился.

Наташка встречалась с таможенником несколько месяцев. Где уж она его только нашла, на таком удалении от таможенной границы? С таможенником пришлось расстаться из-за жадности, ухаживал на широкую ногу, но исключительно за государственный счет: в качестве презента доставлял только конфискованный товар.

- Я как-то сказала, что люблю икру, ладно бы черную, так ведь я не прочь и красную любить. А он мне говорит: в перечне конфискатов икры нет. Не люблю жмотов, - смеется Наташа.

Вспоминая расчетливого ухажера, мы прыскаем: пожадничал для такой девушки! Намылится рубль истратить, да три копейки пожалел. Наташка икру ложками будет есть, и по разным поводам, а вот выпадет ли таможеннику карта встретить еще такую красавицу?

Жадин и я не уважаю, прижимистый мужик - для меня существо среднего рода, без определенной половой ориентации; их бы сразу кастрировать, пусть живут и копят, чтоб голову девушкам не морочили и себе нервы не трепали. Представляю, какие сердечные муки испытывает эдакий пингвин перед дилеммой: какое мороженое купить - дешевое или очень дешевое? Как правило, жадность не растет на пустыре, проявляется не только в материальных ценностях, но и в духовных тоже. Встретишься с таким, а от него ни жарко, ни холодно, ибо перед тобой человек-сейф, эмоции и чувства на замке. Жадность - это вакцина от солидного перечня человеческих пороков: жмоты не пьют, не курят, женам не изменяют, зарплату на друзей и подружек не проматывают. И это самый опасный симптом, особенно для прельстившихся образом положительного героя.

Основа подобного благоразумия отнюдь не гипертрофированная нравственность, просто в любом случае придется раскошелиться - если не деньгами, так чувствами. Муза Пегасовна называет их "теоретиками чувств", способными только на правильные рассуждения, но никогда - на сами чувства.

- Чувства с расчетом всегда в диссонансе, - говорит она и призывает в союзники Гете. - "Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо."

Правда, не будь таможенник скупердям, моя подруга обнаружила бы в нем другой, не менее противный изъян. Такая она девушка. Сейчас за Наташкой волочится Жора, тот самый здоровяк, который провожал ее к вертолету. Дайте срок, и Наташка будет вполне компетентна в вопросах фюзеляжа, катапульты и угла атаки, ведь Жора - летчик.

- Пока никаких глобальных выводов. Ты же знаешь, как я отношусь к летчикам, - говорит Наташа.

Как не знать, я сама к ним так отношусь.

- Но у него не сложились отношения с Малышом. Малыш набрасывается на Жору. Пусть бы он весь гарнизон перекусал, нашим мужикам это бы на пользу пошло, так ведь он, подлец, на одного Жорку бросается. Просто невозможно остаться вместе, как залает, весь дом в курсе, что ко мне хахаль приперся.

- Он просто хочет, чтобы ты вернулась к таможеннику, ревнует тебя к Жоре. Может, его самого вернуть прежнему хозяину? - С неким уважением я посмотрела на Малыша, который никогда не казался мне безобидной собачкой, один оскал крокодиловый чего стоит.

- Этот жмот заморит собаку. Вдруг все участники внешней экономической деятельности станут законопослушными и перестанут заниматься незаконными перевозками мясных продуктов через таможенную границу, тогда Малыш умрет голодной смертью.

Увлечение недавних дней еще довлело над речью бывшей подруги инспектора таможенного поста.

- Самое интересное, - продолжала Наташка, - что вначале все было нормально. Малыш даже провожал Жору к автобусу. И вот несколько месяцев назад... Жорка только ступил на порог, Малыш как бросится на него, хурма вся на пол... Жорка как раз из Моздока прилетел, ящик хурмы привез. Я сначала не поняла, думала, Малыш от радости бросился. А он чуть не загрыз, за ногу до крови схватил, еле оттащила.

- Ну пусть Жорка найдет подход к собаке, купит палку колбасы. Он-то хоть не жмот? - поинтересовалась я.

Наташа тем временем достала из-за шкафа гладильную доску, включила утюг, разложила на доске сшитое платье.

- Сколько там?

Я поглядела на запястье.

- Скоро три.

- Сейчас Скоморохова на примерку явится, - сообщила Наташа, водя исторгающим пар утюгом по платью. - Пока не жмот. Одного скареда встретишь, потом все под подозрением. Да, Жорка уже покупал Малышу курицу. Копченую. Малыш от нее чуть не сдох. Сутки рвало.

- Может, собакам нельзя курятину? Тем более копченую...

- А то они тебя на помойке будут спрашивать, можно им курицу или нет. Все им можно.

Она оставила утюг, присела на диван.

- Варька, у тебя сигареты есть?

Сигареты есть, но почему об этом обыденном предмете надо спрашивать свистящим шепотом? С каким-то загадочным видом Наташка пошла на кухню, я - за ней. Тайна, которую она пожелала открыть мне за кухонным столом, при дымящихся сигаретах, заключалась в том, что Жора пытался отравить Малыша: будто бы он подсыпал в курицу, брошенную целиком в собачью миску, яд. Эта высказанная вслух тайна свидетельствовала о том, что изощренная ненависть Наташи к мужчинам достигла своего апогея. На здоровую голову такое не измыслишь.

- Ты думаешь, у меня крыша в пути? - угадала она мои мысли.

- А что мне еще думать?

Это выше моего понимания: ждать мужчину и с патологической настойчивостью раскапывать его недостатки. Откуда такое стремление к стерильному миру? Мы и сами не инкубаторские.

- Ты видишь только темную сторону луны, причем сознательно.

- Он бросал Малышу куски курицы, я отщипнула, хотела попробовать. Он ударил меня по руке и кинул ему курицу целиком.

- Может, тебе показалось?

- Возможно, но Малыш после этого чуть не сдох.

- Так Жорик из-за Малыша провожает тебя только до вертолета? - спросила я.

- Нет, утром он летит в Моздок. Но я уже боюсь его приездов, по ночам вскакиваю, дышит Малыш или нет.

Я не хотела больше слушать ее садомазохистский бред, по-моему, здесь нужен психиатр. Хорошо, что Скоморохова пришла вовремя - я неожиданно обрадовалась ее появлению. Хорошо, что Наташка оставила утюг не на ее платье. Но едва заказчица успела натянуть на себя обнову, а Наташа принялась ниткой ровнять подол, как гарнизон огласился протяжным гулом сирены. В дверь нагло затарабанили, запыхавшийся посыльный сообщил: общий сбор. Скоморохова, которой только дай команду "служить", немилосердно, так, что затрещали швы, скинула платье. Как настоящий солдат, за несколько секунд надела форменные юбку, рубашку, китель, даже самостоятельно справилась с галстуком.

- Киселева, не забудь тревожный чемоданчик, - крикнула она от двери.

- Ага, - сказала Наташка, вяло подбирая с пола то, что еще недавно было платьем, - может, еще и противогаз?

- Да, противогаз обязательно! - вопил с лестницы удаляющийся голос Скомороховой.

Дом наполнился стуком дверей, топотом ног. Я высунулась в окно. Матрос Грекова на бегу кричала кому-то из домашних на верхнем этаже:

- Выключи духовку!

При повальном столпотворении Наталия была океаном спокойствия. Красота, как счет в банке, питает ее уверенность и непогрешимость. Зная это, она, неторопливо крутясь перед зеркалом, крася ресницы и подкручивая локоны, холила свой капитал. Достала с полки нарядные туфельки, в тон твидовому костюму, и, стоя на каблуках во весь свой королевский рост, произнесла голосом светской львицы:

- Захочешь есть, открой холодильник, - и, поразмыслив, добавила: - Какой козел придумал тревогу в выходной?

Малыш, карауливший дверь, вышел на лестницу за своей хозяйкой.

Тревогу в выходной спровоцировал Шкарубо. Не надо быть великим полководцем, чтобы понять: в полку творится бардак, не имеющий ничего общего с воинской обязанностью. Создают этот бардак женщины, коих глупые военкомы, с трудом накопав основания, призвали на службу. Такого аттракциона, больше напоминающего цирк с сольными женскими номерами, а не военный объект, капитану второго ранга Шкарубо видеть за свою долгую службу на эсминце не доводилось.

Неуставные взаимоотношения начинались прямо на пороге узла связи, куда Шкарубо пришел с группой офицеров. Потом он назовет их группой поддержки; благодаря ее присутствию боевой офицер Шкарубо, неизменно проявлявший хладнокровие перед лицом самой грозной опасности, смог держать не только лицо, но и руки. Последние страшно чесались, более всего от невозможности немедленно хватать бабенок за шиворот оптом и в розницу прямо на вверенных им объектах и вытряхивать из их пустых, размалеванных голов совершенно непригодное к службе жеманство и вопиющую наглость.

Крамольная мысль о рукоприкладстве, столь несвойственная русскому офицеру, способному стрелять из-за женщины, но никогда в женщину, посетила Шкарубо уже на первом объекте узла связи. Это был бункер со множеством дверей по длинному коридору. Он нажал кнопку звонка на двери радиобюро, но кроме взвизга "сейчас", раздавшегося с той стороны, с дверью ничего не произошло. Сопровождающие его офицеры старались заполнить затянувшуюся паузу ненужными разговорами; из глубины наглухо закрытого объекта доносились смешки и тихое поскрипывание половиц. Внезапно дверь распахнулась.

Увиденное повергло его в шок. За дверью стояла женщина без глаз и без лица. За ее спиной, в глубине комнаты, спиной к радиопередатчику, сидело такое же безликое и безглазое создание. Капдва Шкарубо кончал академии, однако в минуты, подобные этой, он цитировал не древние фолианты, а сантехника Васю.

Сантехник Вася был вполне реальной фигурой, мало того – кумиром всех мальчишек детдома, в котором рос Шкарубо. На фоне затянутых в синий чулок педагогинь непросыхающий Вася в тельнике, изрыгающий бранные слова пушечного калибра, – ибо других он не знал, – казался пацанам оазисом свободы и воли. "Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется". Лексикон сантехника вкупе с тельняшкой на пропитой груди привели Ванечку Шкарубо в нахимовское училище.

Заковыристые ненормированные обороты, столь глубоко засевшие в мозговой подкорке, что никаким образованием не выкорчевать, готовы были сразить присутствующих своей нецензурной мощью. Но тут до капдва дошло, что причиной этого уродства является заурядный творог, коим радистки, желая стать краше, измазали свои физиономии. Для человека, столь же далекого до понимания женщины, как нам до луны, это было поистине глобальное открытие. Жизнь провела Шкарубо окольным путем, где ему встретилась только одна женщина – Машкина мать. Эта скоротечная встреча, приотворившая самые темные закоулки женской натуры, дала ему беспрецедентную уверенность в том, что он досконально знает суть противоположного пола. И вот сейчас эти знания пригодились.

– Чем вы здесь занимаетесь?! – взревел Шкарубо.

– Служим, – с искренним недоумением мартеновского накала вскричали женщины.

Вольность обращения с вышестоящим шла из невидения. Сними они с глаз ватные тампоны, и температура кипения упала бы до точки замерзания. Писк аппаратуры предотвратил пришествие ледникового периода.

– Тихо! – вскричала та, что сидела.

Не открывая глаз, она перебралась к датчику кода Морзе, вслепую застучала по клавишам.

– Мастер военного дела сержант Новикова, – с гордостью прокомментировал ситуацию стоявший рядом майор.

Все последующие объекты не стали для Шкарубо откровением. Он вламывался в них без предупредительных звонков и стуков, срывал двери с петель ударом крепкой ноги. После одного такого удара, когда капдва вломился на

коммутатор, его взору предстала оголенная по пояс Ева, демонстрирующая телефонисткам бюстгальтер из чемодана голландского происхождения.

- Снять, снять немедленно! - завопил доведенный до приступа ярости Шкарубо.

Адмиральша Ева, никогда прежде не слышавшая такого свирепого залпа в свой адрес, аж присела. Послушно, трясущимися руками она расстегнула бюстгальтер, и ее огромная грудь заколыхалась. От этого дуновения Шкарубо несколько пришел в себя и тихо, перекаывая желваки, приказал:

- Грудь на место. Немедленно снять с вахты.

Еще никогда в жизни атеист Шкарубо не был так близок к Богу, изгнавшему Еву из рая.

После построения Наташка, естественно, оказалась в отстающих. Командир собрал всех женщин в красном уголке. Оправившись от первого потрясения, он решил поговорить с личным составом по-хорошему, все-таки командир - отец солдату, даже если этот солдат помадит губы и боится мышей. Других-то все равно нет.

- Прежде всего вы - военнослужащие и только потом - женщины.

Шкарубо старался довести эту мысль самым убедительным, ровным тоном, на какой только был способен. Он даже представил себя на месте врача, поставившего пациенту страшный диагноз: "Извините, дорогая женщина, но вы не женщина".

На удивление, перемена участи не вызвала обмороков, пятьдесят пар глаз спокойно пялились на него. Даже эта рыжая, подперев голову руками, смотрела вполне дружелюбно. Что ни говори, а Бог не Ерощка, видит немножко, не зря провокаторшу выкрасили в такой заметный цвет, чтобы всегда на глазах.

Шкарубо перевел дух и продолжал:

- Поэтому извольте служить. С завтрашнего дня все обязаны прибывать в расположение части в форме. В восемь ноль-ноль определяю построение и подъем флага, по понедельникам - строевая подготовка, по вторникам - политзанятия, по средам - спецподготовка, по четвергам - физподготовка, по пятницам - изучение устава. Вопросы есть?

Вопросов не было, женщины заметно расслабились, особо нетерпеливые даже привставали, намекая командиру, что пора бы и по домам; хоть в выходной имеют они право на жизнь, более соответствующую их половой принадлежности? Шкарубо был с этим абсолютно согласен, он даже жалел, что столь немилосердно оторвал женщин от домашнего очага. Жизнь такова, какова она есть, и больше никакова.

Не успел компьютер отстучать точку в предыдущем предложении, а Шкарубо уже не жалел, что призвал военнослужащих служить. За этот промежуток, что образовался между фразами, с первого ряда успела подняться Наташка; встала она как-то лениво, вроде и придраться не к чему, но определенно не по уставу. Одна радость - представилась:

- Прапорщик Киселева.

И когда она без всякого смущения вперила в него наглые глаза, Шкарубо всем своим солдафонским нутром почувствовал, что будет подвох.

- Слушаю вас.

- Товарищ командир, завтра только понедельник, - пропела Наташа бархатым голосом.

Шкарубо кивнул: верно, понедельник.

- Устав мы начнем изучать в пятницу, - продолжала она, теребя локоны. - Подскажите авансом, как честь отдавать. Вдруг с вами встречусь или с кем другим из командного состава.

Правильные вещи спрашивает прапорщик Киселева, о службе печется, как не подсказать.

- Ваш вопрос понял. Глава третья общевоинского устава.

Шкарубо даже вышел из-за стола, чтобы наглядно проиллюстрировать третью главу общевоинского устава.

- Необходимо за три-четыре шага до начальника, одновременно с постановкой ноги на землю, повернуть голову в его сторону и приложить правую руку к головному убору, левую руку держать неподвижно у бедра.

На последних словах Шкарубо сделал ногой выпад вперед, приложил руку к виску и бросил вопросительный взгляд в Наташину сторону.

- Понятно?

- Товарищ командир, вы думаете, у нас получится? - спросила она, покусывая рыжую прядь.

- Конечно, так все честь отдадут, - сохраняя по инерции уставную позу, ответил Шкарубо.

Потом он вспомнит, как эта рыжая стрельнула глазами в глубину зала и чей-то визгливый голос, так и оставшийся неопознанным, истерично завопил:

- Сомневаюсь я, товарищ командир! Уж сколько раз и руку к голове и ногу на землю, а все в девках.

Как собака-ищейка, внезапно потерявшая след, он рыскал глазами по залу, но обнаружить истеричку в возникшем словно черт из табакерки бедламе было невозможно. Отовсюду, с каждой пяди красного уголка, на все голоса и интонации сыпались наипротивнейшие реплики:

- В такой позиции разве чести лишишься?

- Неудобно.

Только теперь до Шкарубо дошло, что он по-прежнему стоит в заданной им же самим позиции: ноги на ширине шага, рука - у виска.

- Зато по уставу, - констатировала Наталия.

От ее слов, прозвучавших негромко, без надрыва, все стихли как по команде. Можно ли за один день смертельно возненавидеть человека? Можно, потому что Шкарубо так возненавидел Наташку.

Вернулась Наталия с общего сбора явно не в себе. Жизнь не казалась ей медом, а командир виделся ей козлом. Теперь она была уверена на все сто в его рогатом происхождении.

- Только обманутые мужики могут так изгаляться над бабами, - говорила она, скидывая с вешалок свои платья в огромную сумку.

- Что ты делаешь? - спросила я.

- Они мне больше не понадобятся. - Она пнула сумку ногой.

- Между прочим, я больше не женщина. Варвара, ты не боишься спать со мной в одной комнате? - раздался мужской голос.

От неожиданности, что мы не одни и где-то в комнате притаился мужик с рычащим басом, со мной чуть не случился эпилептический припадок. На открытой ладони подруга протянула мне черный кругляш.

- Не тухни, это модулятор голоса.

Я взяла у нее модулятор.

- Откуда он у тебя?

- Жора забыл. Если повернуть вот эту пимпочку и нажать вот эту кнопчку, можно говорить любыми голосами.

Я повернула пимпочку, нажала кнопчку и поднесла модулятор ко рту.

- Уйди, дура, - вместо меня сказал голос какого-то инопланетного создания. - Счас как врежу.

- Вот видишь, - печально развела руками Наташка. - А будь я девушкой, ты бы не посмела меня бить. Что, так заметны необратимые перемены? Ладно, гони модулятор, это тебе не игрушка, надо вернуть Жоре. А то он чуть не плакал, обнаружив пропажу. Хорошо, у одного из нашей семьи, - потрепала Наталия Мальша, - собачий нюх, вытащил откуда-то.

Освободив пространство шкафа до первозданной пустоты, она крикнула мне:

- Собирайся, пойдем на вещевой склад. Со мной теперь не страшно бродить по темным переулкам.

Вале Скомороховой было счастье. Свершилось! Заввещь более не чувствовала себя последней в табели о рангах, напротив, теперь она в правофланговых. На складе толпилась очередь, и даже Бибигонша заняла в ней свое место. Мы с Наташкой, как всегда, последние.

- Киселева, иди сюда, - споро выкидывая на прилавок вороха обмундирования, крикнула Скоморохова, - вне очереди обилечу.

- Не тороплюсь, - противилась Наташа.

Стоявшая впереди нас телефонистка Титова заулыбалась, увидев меня.

- Варюха, присоединяйся. Сейчас нарядим, будешь как куколка.
- Она будет как солдатик, оловянный, - через плечо пробасила Бибигонша. Впервые я услышала от нее что-то разумное.
- Спасибо, меня здесь нет, - ответила я своей бывшей подчиненной.
- Она вовремя смылась, - угрюмо сказала Наташа.

Склад опустел, мы с Наташкой, словно две несчастные сиротки, стояли у прилавка, без всякого удовольствия глядя на казенные дары, щедро выкладываемые Скомороховой.

- Бюстгальтер - две штуки, рубашка повседневная - три штуки, парадная - две штуки, чулки - две пары. - Сверяя одежду по накладной, Скоморохова бегала меж стеллажей.

- Что есть чюльки? - на иностранный манер задала вопрос Наташка.
- Чюльки есть недоношенный кальготка, - развила я диалог.
- Это вы на каком? - бросила на бегу Скоморохова.

Мы с Наталией сначала не поняли, о чем она спрашивает. Переглянулись в недоумении, потом до нас дошло, и мы чуть не рухнули от внезапного приступа веселья, прямо здесь, у прилавка, на котором возвышалась груда одежды. Скоморохова смотрела на нас как на убогих, с большим состраданием.

- Семен Семеныч, ты что, африканского не знаешь? - отдышавшись, спросила Наташка.

В ответ Скоморохова опустила с тыльной стороны прилавка. Обиделась, что ли? Была Скоморохова. Так хорошо, так ладно раздавала то, что следует носить, и вот тебе - нет Скомороховой, только мышинный шорох с той стороны. Мы уже думали, что она стигнула где-то там, за высоким прилавком, так долго ее не было, так долго, невидимые, шуршали мыши.

- Ау, товарищ прапорщик! - приставив руки ко рту, крикнула я.
- Ау! - вторила мне Наташка.

И когда мы совсем отчаялись, решив, что Скоморохова окончательно и бесповоротно заблудилась в вещевых дебрях, среди гюсов, погон, кителей и шинелей, она показалась на поверхности прилавка, сжимая в руке, как знамя победы, что-то розовое. Развернула это розовое, рукой аккуратно распластала каждую складочку. Панталоны. Форменные. Розовые. Они приятно ласкали глаз.

- Вот, - не без гордости сказала запыхавшаяся Валентина, - бери, Киселева, себе берегла.

О! Я едва не подпрыгнула от таких откровений; значит, все-таки они у нее под юбкой, более того, не стандартные голубые, через которые прошли все женщины-военнослужащие, а розовые. Тоже творчество.

- Нет, - упрямо сказала Наталия, проявив таки глубинный сепаратизм по отношению к Скомороховой и ее розовым панталонам, - хочу голубые.

- Почему? - не поняла та. Ее наивная уверенность в щедрости дара была потрясающей.

- К лицу они мне, - пояснила Наташка.

Мы вышли из склада нагруженные, прижимая к груди вороха одежды. Наташка доверила мне нести самое дорогое. Синие панталоны.

- Пожалуйста, не умирай, или мне придется тоже, ты, конечно, сразу в рай, - завопили мы не потому, что душа пела, а больше по соображениям безопасности. Темнело, на узкой дороге, в тумане осадков, мы были лишены возможности смотреть под ноги и могли не заметить встречного. А так встречный услышит в снежной пыли про сладкие апельсины и уйдет с пути. Все действительно уступали нам дорогу и шли дальше горланя.

Ключ у этой загадки скрипичный - Муза Пегасовна, руководитель хора Дома офицеров. В нем поют все женщины гарнизона, а принимает их в свой коллектив Муза Пегасовна только при условии полного знания текста хита "Хочешь?". Такая у старушки слабость - любимое музыкальное произведение. Благодаря Музе Пегасовне это единственная песня, все слова которой я помню. Таких, как я, - целый гарнизон. Лохматый пес Малыш, поджидающий у ворот, залаял при нашем приближении.

- Вот видишь, - сказала Наташка, - меня уже сейчас ни одна собака не узнает.

- Пока только одна, - уточнила я.

ШАХМАТЫ, БОТТИЧЕЛЛИ И КРИПТОГРАММА ДЬЯВОЛА

Вечером мы с Наташей пошли в гости, хотя можно ли так говорить обо мне: я ведь и так в гостях. До дома пятнадцать минут лета, но это при внятной погоде, а сейчас черт-те что: осадки, сыплющиеся с неба, больше напоминают отходы небесной канцелярии. Надо заметить, что понятие "гости" в гарнизоне крайне размыто; ввиду скученности проживания и наличия всего двух магазинов гарнизонный люд наносит друг другу регулярные визиты. Видимо, поэтому двери у нас нараспашку. Впрочем, как души и постели. Весь гарнизон под одним одеялом.

Вы скажете, это разврат, а для нас - жизнь, вполне обычная, только под микроскопом, когда все подробности шокируют до рези в глазах. Между прочим, под микроскопом и безобидный муравей выглядит усатым чудовищем.

Подумайте сами, что будет, если в одной точке, ограниченной морем и сопками, поселить элитный отряд здоровых молодых самцов и не менее элитный отряд красавиц. Девчонки на Руси всегда любили военных, красивых, здоровенных. Даже самый неказистый курсант, экипированный золотыми погонами и гордо называющийся военным моряком, а тем паче - летчиком, вправе рассчитывать на взаимность красы Москвы или Питера.

Стоит добавить, что единение двух групп населения, разделенных по половому признаку, происходит при полном отсутствии натурального хозяйства и других развлечений. Чем прикажете заполнять долгие полярные ночи? Народ развлекается собственными силами, а их, как, впрочем, и желания, в гарнизоне всегда в избытке.

Наши "гости" живут недалеко, за порогом Наташкиной квартиры, дверь в дверь. Люся, к которой мы намылились, моя одноклассница, мы дружим со второго класса. Конечно, можно было бы заночевать в нелетную погоду у нее, но у Люси сейчас - бурный сезон. Когда-то мы с ней жили в большом портовом городе, я бегала на танцы в военно-морское училище; там на сцене курсант Сеня лабал на электрогитаре "Машину времени". Люся в те поры штудировала медицину в медучилище, и мужчина интересовал ее только в контексте анатомии.

Как-то, помню, в самый разгар вечера Сеня очень душевно напел "то ли люди, то ли куклы...", вклиниваясь в толпу, как быстроходный катер в волны. В круг моих подружек бесцеремонно влез коренастый корабельный старшина с четырьмя лычками на рукаве. Назвался Федором. Федор показал на Сеню, взявшего самую душераздирающую ноту, на армянскую девушку Маринэ, сверкавшую черными глазами из-за его спины, и объявил о готовности Сени жениться на мне - немедленно, прямо завтра.

Маринэ и Федор имели к предложенному бракосочетанию самое непосредственное отношение: еще на первом курсе, пройдя курс молодого бойца, Федор и Сеня поклялись жениться в один день. Как назло, любовь - не эпидемия; признаки любовной лихорадки в той запущенной стадии, когда от невозможности быть с любимой и до летального исхода недалеко, обнаружили только у Феди. В Сенином же сердце, сколько он ни насиловал себя, была лишь музыка. Тогда Сеня решил закрыть глаза на все, в том числе и на невесту, и в незрячем виде шагнуть под венец.

В детстве я не хотела есть суп, была страшно худой при полном отсутствии аппетита. Бабушка считала меня дистрофиком, каждый обед - как Бородино, а в победителях мой девственно пустой желудок. Выстояв длинные очереди за дефицитными апельсинами и сосисками, бабушка приглашала к нам в дом окрестную шпану. По ее замыслу, вид жующих детей должен был вызвать во мне жевательные рефлексы. Замысел оказался провальным, апельсины с сосисками - в минусе. После того как мама сказала, что будет мочить меня в супе, опрокинув в качестве наглядного примера полную тарелку куриной лапши на мою голову, я вытребовала контрибуцию: на время обеда

завязывайте мне глаза косынкой. Помогло: ешь и не видишь, что за гадость наполняет твою утробу.

Мужская клятва – дело святое, в общем, я им подхожу. А впрочем, Федор мог подойти и не ко мне. Одной Сенькиной гитары было достаточно, чтобы сказать "да". По обалдевшим лицам девиц, ставших невольными свидетелями мыльной оперы, я осознала, что моя участь весьма завидна.

Жестоко обманывать наивного в своей вере зрителя мгновенной развязкой. Я сказала "нет". Просто так – во мне проснулся дух противоречия. Или в этот момент в моей голове из всех утвердительных и отрицательных слов – третьего не дано – вертелось только "нет". К чему искать логику там, где ее не может быть, тем более в словах. Это же только слова.

Бросив гитару на полуслове, Сеня спрыгнул со сцены прямо к моим ногам.

– Почему "нет"?

– Не люблю групповуху, – сказала я, и толпа отпала.

В первый же Сенин отпуск, сразу после свадьбы, мы полетели к его родителям. Самолет был полон курсантов, один из них, Боря Чукин, смачно рассказывал скабрёзные анекдоты. Как и положено воспитанной девушке, я не осталась безучастной к их пошлой тематике.

– Борис, неужели вы думаете, что при мне можно рассказывать такие анекдоты?

Возможно, я закатила при этом глаза. Знал бы он, что этот анекдот мы травили еще в десятом классе. Борис был типичным представителем морского офицерского корпуса, примеривающим к себе дореволюционные традиции флота: с доблестями, подвигами, славой и чтоб непременно прекрасная дама, дарящая муки любви.

– Варя, мне нужна такая невеста, как вы.

Через месяц Люся оставила теорию и перешла к практическому изучению мужской анатомии. После окончания училища вместе с присвоением первого офицерского звания Сеня и Борис получили назначение на Северный флот, в дивизию подводных кораблей. Очень скоро Сеня уволился из армии, а капитан-лейтенант Чукин и сегодня в строю. Он служит шифровальщиком на подводной лодке. Во время последнего похода Бориса обуяла тоска по Люсе.

Поход был длинным, над ними – километры воды, над ними проплывают киты, на такой глубине всякое может показаться. Борьке и показалось, что его жена – свет в окошке. Стал он всех в кают-компании донимать рассказами о своей Люсе, что она красавица и что в шахматы играет на уровне кандидата в мастера или даже мастера. И если к разговорам о красоте командир лодки капитан второго ранга Гужов остался безучастен по причине большого опыта долгой холостяцкой жизни, то мимо женщины, способной логично передвигать фигуры по шахматной доске, пройти не мог.

– Так ты говоришь, в шахматы играет?

Как раз в этот момент капдва Гужов разыгрывал с первым помощником каталонскую партию. Не отрывая взгляд от доски, он отхлебнул из кружки мадеры и передвинул коня на C2; черные оказались в цугцванге. Он повторил вопрос:

– Так ты говоришь, в шахматы играет?

Теперь в цугцванге оказался Борис: вся кают-компания знала об обете молчания командира за шахматной доской, лишь в исключительных случаях он нарушал этот обет словом.

– И как зовут шахматистку?

Слов было больше, чем достаточно, и Борис понял, что он в проигрыше. В кают-компании, набитой под завязку офицерами, стало тесно от тишины. Шахматные часы мерили тишину секундами.

– Люся, – дав петуха, выдал Борис.

Больше он не поминал ее имя всуе, все надеялся, что жена не понравится командиру, ведь если честно, не такая она и красавица. Но от этих мыслей круглолицая, курносая Люська с рыжими веснушками, фотография которой совершенно измялась под подушкой, все больше грезилась Борису Софи Лорен, а иногда и Брижит Бардо.

Сказанного оказалось достаточно, чтобы сразу по возвращении в бухту Рыбачью Гужов постучал к ним в дверь. Конечно, его визит можно объяснить

чисто спортивным интересом: красавец, жуир, прожигающий жизнь как бенгальский огонь, Гужов был чемпионом гарнизона по шахматам. Но не шахматы были его пламенной страстью, Гужов знал толк в женщинах. Список соблазненных им неуклонно стремился к полной переписи населения. Редкая женщина не мечтала об этом матером бабнике. Тихая, скромная Люся была из их числа. Ее синицей являлся Борис, на журавлей, а тем более орлов она и смотреть не смела.

С первого взгляда на жену каплея, когда она только распахнула дверь, Гужов понял, что его личный состав, а конкретно капитан-лейтенант Чукин, склонен к фантазиям. Вместо обещанной красавицы дверь распахнула конопатая простушка, да еще в замызганном халате. Халат Люся надела специально, хотя муж и предупреждал, что вот-вот нагрянет командир. Ей надоели нескончаемые толпы подводников, только что всплывших на поверхность. Ее тошнило от очищенного марганцовкой и настоящего на клюкве технического шила, ночных бдений под дежурный тост за количество погружений, равных количеству всплытий.

- И сколько можно "за тех, кто в море"? Очнитесь, вы давно на берегу, идите к женам, вы же так рвались к ним, - негодовала Люся, в спешном порядке накрывая стол для очередной партии страждущих.

Потому и не сняла халат как символ верности домашнему очагу. Слышала она об этом Гужове такое! Капдва видывал разных женщин. Даже раскрасавицы, которые и в рубище хороши, хорохорились перед ним, а эта совсем не пахнет ванилью, словно не видит, кто перед ней. А впрочем, Гужов вспомнил о самом большом потрясении минувшего отпуска. В каком-то винном подвальчике на Арбате попросил он продавца показать ему что-нибудь эдакое. Продавец указал на бутылку.

- "Mouton-Rothschild" 1947 года. Это не просто вино, это легенда, ваши губы почувствуют вкус ушедшей эпохи.

Цена у легендарного вина оказалась не менее легендарной - две тысячи долларов. Гужов не стал травить душу. Хотя весь поход так мечтал оторваться на берегу, чтобы потом, под толщей соленой океанской воды, не жалеть, не терзаться тем, что не успел, тем, что прошло мимо и чего не дано узнать. Пришлось утешиться бутылкой банального "Мукузани" за 5 долларов. Не по карману подводнику Mouton, как этой замухрышке Чукиной не по карману капдва Гужов.

Без всякого настроения, с прохладцей, Гужов расставил черные. Печально позевывая, смотрел, как ее маленькие ручки, белые до синевы, аккуратно, словно посуду на полке, выстраивают стан белых, как эти детские пальчики с обкусанными ногтями передвигают фигуры по черно-белому полю. Ее голос, тихий, словно у птички на рассвете, оторвал капдва от созерцания ее пальчиков.

- Мат, - сказала Люся и положила конец первой партии.

- Мат, - сказала Люся и положила конец второй партии.

Словно не зная других слов, она как заведенная кукла говорила своим утренним голосом только это слово. И тогда они вновь ставили фигуры, белые и черные, будто клавиши на рояле. Гужов даже поймал себя на том, что почему-то хочет расслышать ее голос, когда она едва слышно пропищит: "Мат".

Стемнело, и Борис, щелкнув выключателем, зажег люстру над их склоненными головами. Гужов, сперва сощурился от яркого света, затем пристально, как умеет смотреть матерый бабник, поглядел на Люсю, будто чего-то не заметил с первого взгляда. А углядев, встал и молча вышел.

Страшно обрадовался его уходу Борис, начал споро супружескую постель стелить да Люсю тискать. Только плохо влияют на женщин победы, одержанные над мужчинами. Много понимать о себе начинают, сам черт им не брат и даже ангел - не муж. Конечно, хоть жена и уворачивалась, Борис бы не один крахмальные простыни мят - ан тут распахнулась дверь настежь, без звонка и стука с шахматными часами под мышкой вошел Гужов.

Сразу за стол, часы водрузил, шахматы, уже сложенные, с полки достал. Фигуры, от короля до пешки, по ранжиру расставил.

Вот такие баталии развернулись в квартире Наташкиных соседей несколько месяцев назад. Все это время Гужов и Чукина только и делали, что манипулировали игрушечными войсками. Если единственное слово "мат", навязшее у нее на устах, можно считать полноценным общением, то, значит, они разговаривали. Лишь однажды Люся смягчила приговор, выудив из шахматного лексикона "пат".

Сыграть с женщиной вничью? Быть с ней на равных? Такого позора Гужов никогда не испытывал. Дабы не переживать поражение при свидетелях, капитан Чукин был отправлен по замене на лодку, уходящую на боевое дежурство. Но и отсутствие наблюдателя не принесло Гужову желаемой победы. Хотя в наблюдателях был весь гарнизон, ведь в гарнизоне не бывает тайн.

Еще в том году военторг выкинул на продажу залежавшиеся где-то на складе полевые бинокли. К удивлению начальника военторга, оптику раскупили вмиг – ладно бы мужики, так ведь тетки штурмом брали прилавки. С тех пор система надзора, скрашивающая досуг жен военнослужащих, значительно шагнула вперед: дабы знать, что готовят в доме напротив, не нужен был и волшебный горшочек. Гарнизонные кумушки, вооружась окулярами, направленными на Люсины окна, живописали перед товарками ее нравственное падение, причем в самой извращенной форме.

– Эти тихони такие распущенные, – слышалось на лавочках и в очередях.

Ходили слухи, будто Люся, забравшись на стол, скидывала платье и неглиже выделывала развратные па перед Гужовым. Натуры политизированные, следящие за событиями не только в гарнизоне, припоминали по такому случаю скандал в овальном кабинете, когда все прогрессивное человечество скандировало: "Моника, стисни зубы" – и рьяно примеривали на Люсю синее платье с пятном конкретного происхождения.

Гужову во всех этих рассказах была отведена пассивная роль жертвы сексуальной маньячки Чукиной. Ни одна из обладательниц бинокля не сподобилась признаться, что свидания Люси и Гужова, возведенных молвой в ранг страстных любовников, ограничены шахматной доской.

– Зачем тебе она? – забравшись к Гужову на колени, допытывалась пышногрудая Светлана Титова, жена особиста.

Гарнизон признавал за Титовой право вот так, по-хозяйски распоряжаться его коленями, право штатной любовницы ласкать его смоляные кудри, целовать родинку на его бедре. Что может быть драматичнее любовного треугольника? Что более всего заводит публику? Не будь Светика, ее бы придумали. Вечный огонь ее ревности поддерживали регулярные вести с наблюдательных пунктов.

– Ты же знаешь, мы играем в шахматы, – оправдывался Гужов, обнажая грудь любовницы.

Светлана действительно знала, ведь у нее тоже был бинокль. Но разве верит женщина, сторающая от ревности, тому, что видит? Если поверит, то только тому, что чувствует. А чувствовала она нехорошее. Что Гужов, прежде млеющий от ее спелого тела, замороженный ее ласками, теперь, даже в самые жаркие ночи, едва закроет глаза, видит тонкие пальчики в синих прожилках с обкусанными ногтями. И голос, от которого он внезапно, будто она позвала, просыпался среди ночи и потом долго прислушивался к темноте. В страшных снах шахматистка Люся являлась особистке Титовой в образе Венеры Милосской.

Света умолила Гужова обучить ее премудростям этой развратной игры, но дальше коня, прыгавшего кочергой, дело не шло. С усмешкой, граничившей с оскорблением, он вставал и, шлепнув Светку по сытому боку, уходил с шахматными часами под мышкой.

– Ты вернешься? – кричала ему вслед Титова.

– Только с победой.

И так оглушительно, что у нее ломило в груди, хлопал дверь.

Шли дни, вернулся из похода Борис, а Гужов не возвращался, чтобы никогда больше не уйти, как того желала Светлана. Его возвращению, окончательному и бесповоротному, мешала самая малость – отсутствие победы.

Ко времени нашего с Наташей визита рокировка на территории Чукиных так и не произошла. Расклад был прежним: король, королева и пешка, стремящаяся в ферзи. Но неким особым чутьем, по их неспешным движениям неутоленной страсти, я поняла, как близка пешка к королевской мантии, как сладко томится в своей клетке в ожидании судьбоносного хода готовая пасть королева.

Совершенно внезапно сквозь Люсино курносое, конопатое лицо проступила прямо-таки боттичеллиева красота. Со второго класса я знаю Люсю, как только может знать подруга, – трезво и безжалостно, – и никогда прежде не отмечала одухотворенной поэзии ее лица, его тонкого колорита. Она не была красавицей, она не была уродиной, обыкновенная девушка, каких не замечают. А сейчас я не могу не смотреть на нее.

Мне вдруг почудилось, что это не я вижу Люську – такой увидел ее Гужов, и что Люсина красота эпохи Возрождения, доселе замурованная в усредненность, словно цветок при первых солнечных лучах, пробил асфальт.

Не знаю, одной ли мне открылось то, что открылось Гужову, но только на стол сегодня собирал Борис, он даже справился с салатом, с которым потом нелегко справились мы – такой он был пересоленный. Наташа же, внимательно посмотрев на себя в зеркало, поправила блузку и сказала:

– Надо было надеть платье, мое любимое, зеленое...

– Да ладно, и так неплохо, – возразила я.

– Неплохо – это еще не хорошо, – парировала Наташа.

Не припомню другого случая, когда бы она усомнилась в безупречности своего облика. Встреча двух чаровниц автоматически лишает одну из них статуса красавицы. Видимо, красота при наличии категорий "лучше, хуже" возможна только в единственном числе.

Наталия подошла к Люсе и Гужову, перемешала фигуры на доске.

– К столу, – сказала она.

Отомстила малым.

В полном молчании все сели за стол. Я пыталась расшевелить их, но даже воспоминания о втором классе, когда мы с Люсильдой наперебой, так что нас не могли прогнать со сцены, читали стихи, не нашли отклика. Эти двое, отгороженные шахматным частоколом от внешних раздражителей, были вне зоны досягаемости. И когда мы поняли, что ни Люси, ни Гужова нет с нами, прекратили ломиться в закрытую дверь. Тем более там, за дверь – ни вздоха, ни шороха.

В нашем распоряжении остался Борис. Он был счастлив уже тем, что наконец-то в их доме звучат и другие слова, а не только "мат".

Не помню, после которой рюмки они завелись, но Борис внезапно стал уверять Наташу, что способен расшифровать любую криптограмму.

– Ты знаешь, какой я специалист! – крепкими кулаками терзал свою грудь Борис.

– Как вы, береговые курицы, можете кудахтать о том, в чем и мужик не всегда смыслит? – орал он.

Возможно, я бы оскорбилась, примерив к себе выказанное пренебрежение или отнеся его на наш с Наташкой счет, если бы Борька хоть на время прекратил пялиться на Люську. Странная у него манера полемизировать: направляет словесный удар не по адресу. Судя по рдеющим щекам, Наталия сегодня не в лучшей боевой форме: надела на себя ошейник, поводок отдала Борису, а он и рад таскать ее за собой по лабиринту ругни. Выход же у лабиринта один – там, где и вход. И какой тогда смысл входить, если все равно придется выйти.

Обычно прапорщик Киселева с полуслова даже самые сановитые рты затыкает. Боря же в противовес Наташиной практике по затыканию ртов смолк лишь после того, как она продиктовала ему криптограмму, которую на последнем дежурстве передавала на лодку. Киселева выудила из своей головы беспорядочный набор цифр; мне почему-то запомнились три шестерки, следующие одна за другой. И хотя в мистику, как и в Бога, верю выборочно, по мере надобности, я отметила для себя число дьявола.

Дьявол начал действовать незамедлительно. Для начала он выманил из моего кармана сигареты "Вог". Борис никак не мог найти клочка бумаги в доме. Да

разве найдешь, если поиск ограничивается столом, за которым расположились шахматисты? Отойти куда подальше, хотя бы на кухню, Борис категорически отказывался. Пришлось высыпать сигареты из пачки.

- Жертвую.

Я протянула ему пустую белую коробочку с зеленой веткой на лицевой стороне. И действительно жертвовала: мне легче проститься с банкнотой, чем лишиться сигареты привлекательной оболочки и тем самым опошлить ритуал курения. Сигареты без пачки, засунутые в карман или беспорядочно валяющиеся в сумке, больше напоминают бычки, нежели символ удовольствия и коммуникабельности.

Не могу удержаться, чтобы не спеть гимн сигарете. Как часто после первого же совместного перекура она становилась мостиком, по которому я шла к незнакомцу. Достаточно выкурить с посторонним сигарету, и он больше не посторонний. Не знаю, объединяет ли добродетель, а вот пороки - определенно. Можно всем коллективом сжевать пуд соли или даже пуд шоколада и не достичь единения, даруемого совместным курением. А какие замечательные беседы и мысли провоцирует она! Держа зажженную сигарету, трудно говорить глупости, словно дым поглощает все мелкое и незначительное. А в конце хочу сказать: не курите, это вредно для здоровья!

На сей криптограмме, записанной Борисом на моей пачке, они и заключили пари: расшифровывает Борька криптограмму - Наташа ставит ему ящик шампанского, не расшифровывает - он ставит ящик шампанского нам, в смысле Наташе. Болея за судьбу нашего ящика, я поинтересовалась:

- Наташка, ты-то сама знаешь, о чем криптограмма?

- Как я могу знать? Я же телеграфистка, а не шифровальщик, это Борис знать обязан, - с истеричными нотками в голосе ответила Наталия.

Судя по ее надлому и Бориной радостной готовности приступить к расшифровке, шампанского нам не видать. Как это пошло поить мужиков шампанским! Я попробовала остановить финансовый крах подруги, я-то завтра улечу, а ей, что, на шампанское работать?

- И как мы проконтролируем результат расшифровки? - спросила я.

- Я сам скажу, - несколько обескураженно сказал Борис.

Очень ему хотелось расшифровать ту криптограмму, и вовсе не ящик шампанского тому причина, просто в жизни капитана Чукина давно не случалось подвига, совершенного на глазах ускользающей жены. Потому и стучал он своими крепкими кулаками, чтобы Люська, оторвавшись от Гужова, хоть краешком глаза взглянула на него, терзаемого ревностью.

Бориса мне жаль, но только отчасти. Что может быть противнее жалкого мужика? Если же он и сам ищет нашего сочувствия, то это еще противнее. Ничего лучшего при разделе женщины, чем мордобой, пока не выдумали. Убога женщина, из-за которой не приключилось ни одного мордобоя. Да и женщина ли она! Конечно, бить старшего по званию, тем более своего командира, нельзя, дальше только трибунал, но иногда - надо.

Все это можно понимать только на трезвую голову, когда молчит сердце и говорит разум. Сон разума пробуждает чудовищ. Если чудовища спят, значит, спит и сердце.

- Нет, нет, пари отменяется! Чукин не может заключать пари и сам же судить. Это не по правилам. Боря, может, ты приведешь кого-нибудь в качестве эксперта? - елеинным голосом спросила я, заранее зная, что он не покинет вверенную ему территорию и за цистерну шампанского, пока на ней находится Гужов.

По Наташкиному просветленному лицу - еще бы, ведь отпала забота о ящике шампанского! - я поняла, что свое шампанское я уже заработала.

- Киселева, ты что, забыла о неразглашении военной тайны? У тебя ведь допуск по форме раз к секретным документам! Бумагу о неразглашении подписывали? Чукин, тебя тоже это касается, - вклинился в разговор Гужов, не желавший предоставлять сопернику даже слабого шанса на реабилитацию.

Врезал Борису, не вставая со стула. Жаль, обладатели биноклей не слышали этой фразы. Судя по всему, мы на пороге войны, враги вышли из подполья. Бей, Борька! Я так и не услышала его первого залпа, так и не узнала,

каким бы он был: робким, как шелест травы под ногами, или громогласным, как ураган. И был ли бы вообще. Это беспокоило не только меня, но в первую очередь – Люсю, выступившую в качестве подкрепления.

– Я ему верю, – тихо сказала она, та, чье присутствие было столь ненавязчивым, что мы забыли о ней.

Я понимаю Люсю, я бы сама никогда не сдалась без боя. Это просто тактически неграмотно. Если не верите, то примите просто как аксиому: женщина завоеванная ценится намного выше женщины, подаренной от всего сердца.

– Я верю Борису, он честный, – повторила она.

Все наши возражения потеряли смысл, так уж сложилось, но сегодня самую большую паузу держала Люся Чукина. Вдохновленный ее поддержкой, Борис подошел к Гужову, с размаху треснул по плечу.

– Ну что, командир, врежем по криптограмме?

Конечно, кисло подумала я в предчувствиях, омраченных судьбой шампанского: при таком подкреплении нехило замахнуться и на самое святое, что только есть в армии – на субординацию.

– Любопытно, что он с ней делает? – шептала Наташа.

– Наверное, на зуб пробует, – шептала я.

Мы, словно кот Базилио и лиса Алиса, толклись под дверью на кухню, за которой Борис уединился с криптограммой.

– Бориска, мы есть хотим, – шипела я в замочную скважину.

– Бориска, мы пить хотим, – шипела Наташка, когда я уступала ей место.

Во-первых, нам некуда было податься, в комнате жаждали счастья и единения Гужов и Чукина, во-вторых, нам была интересна кухня дешифровки. Что ни говори, а иметь ключ к тайне совсем не вредно. Видимо, наше шипение, миновав дырку для ключа, достигло Борькиных ушей. Дверь распахнулась; загораживая вид на кухонное пространство, в проеме появился Борис. Но я все-таки успеваю разглядеть за его спиной включенный монитор компьютера, перфокарты, раскиданные на столе.

– Вы что шипите, как две змеи? Хотите, чтобы я допустил ошибку?

– Ага, – дружно признались мы с Наташкой.

В возмущении он так резко хлопнул дверью, что мы едва уберегли свои лбы. Раздосадованная столь невежливым отношением, а еще больше тем, что подобное отношение стало возможно, Наталия совершенно взбеленилась.

– Четвертые сутки пылают станицы, горит под ногами... – горланила она на всю округу песню из репертуара Музы Пегасовны, отбивая ритм кулаками по кухонной двери.

– Что вы здесь бузите? – заворчала Люська, извлеченная из комнаты Наташкиным ором; наше присутствие сбивало ее с любовного настроения. – Всех соседей разбудите.

– Они и так не дремлют, ждут зрелищ, – заметила я, крайне признательная Киселевой.

Это благодаря ее вокалу Гужов выронил вожделенный кусок. А ведь недаленовидная Муза Пегасовна противилась приобщению Наташи к хоровому пению из-за полного отсутствия слуха. И кто знал, что именно ее способность орать до звона в барабанных перепонках найдет себе достойное применение. Только Чукин может поверить, что я расстроила их идиллию исключительно с миссионерской целью. Теперь, когда Люсище в моих руках, когда я крепко сжимаю ее запястье, пора подумать и об ушах, прежде всего своих.

– Прекрати, – сказала я Наташке. – Шампанское однозначно за нами. Давай уж выложим его за правильный ответ.

– Ладно, – согласилась она. – А все-таки жалко отдавать то, чего ты сама никогда не имела. Ящик шампанского! Мы бы пили его год...

– Месяц, – уточнила я.

– Пусти, – канючила Люся, мертвой хваткой зажатая в тесном коридорчике. Мы были глухи к ее стонам.

– Неделю, – поправила Наташа.

- День, - выдала я новую версию и, глядя на ее лицо, полное неуверенности, что мы способны выхлестать такое количество алкоголя от рассвета до заката, добавила факторы, благоприятствующие рекордному прорыву: - Два дня, если Светку Титову позовем, твоего Жорика и Бибигоншу.

- Если с Бибигоншей, за день управимся, - свела дебет с кредитом Наташка.

- А стоит так убиваться из-за дня удовольствий? - вдруг усомнилась я. Наташка поддержала меня в абсолютном большинстве. Поддержала и в тот момент, когда я схватила Люсю за воротник.

- И зачем ты написала записку?

От вопроса, мучившего меня весь долгий день, Люсю зазнобило. В темноте коридора мой шепот приобрел зловещие интонации.

- Какую записку? - пискнула Люся.

Наташа, прижавшая ее справа, и я - слева, не оставили Чукиной ни единого шанса на освобождение. Желая придать Люсиному мыслительному процессу ускорение, я даже пихнула ее в бок. По-моему, это и есть дружба. Конечно, не когда тебя пребольно бьют в бок, хотя и спасение порой начинается с инъекции. И если сейчас Люсе не очень комфортно, то после сеанса откровения должно значительно полегчать.

Все детство, начиная со второго класса, мы с Люськой дрались, если не с общим врагом, то друг с другом. Мораторий, наложенный нами на рукоприкладство еще в восьмом классе, нарушен сегодня в одностороннем порядке.

- Я знаю твой почерк со второго класса. Ты еще намерена отпираться? - не отступала я.

Люся расплакалась. Пожалуй, на ее месте я бы тоже лила слезы.

- Бибигон заставил меня, - хлюпая носом, лепетала Люся. - Он поймал меня, когда я давала Бибигонше спирт.

Вместе со слезами пришло и понимание ситуации. Бибигонша была запойной пьяницей, это знали все, просто не могли не знать. Такое шило, как Бибигонша, ни в одном мешке не утаишь, даже в адмиральском. Под каким бы кустом, в какие бы ухабы она ни свалилась, ее крупная фигура была заметна всем. Самый гористый рельеф местности был адмиральше по колено. К тому же за всю историю распада хмельная Бибигонша выработала стойкую привычку падать внезапно и в самых густонаселенных местах. Была-была хорошенькая: ржала на всю ивановскую, смешно прыгала на одной ножке сорок пятого размера, любила всех, даже прапорщиков, и вдруг - бац! - всем центнером, плашмя, придавливает землю, до содрогания оной. Если народ и не гиб под тяжестью ее чресел, то на все воля провидения и гениальная прозорливость адмиральской подушки.

"Адмиральской подушкой" народ называет бибигонского адъютанта, такого же шуплого, как Бибигон в свой ранний период. Этот невзрачный субъект, следующий по пятам пьяной адмиральши, всегда доставляет ее домой. А так как отправить Бибигоншу по месту прописки можно только в лежащем положении, то день у адъютанта долгий и очень опасный. Как никто ждал он, когда же рухнет адмиральша, и как никто страшился непредсказуемости места и даты ее падения. Специально ли, из мстительного ли желания освободиться навсегда от ненавистного соглядатая, но не однажды шуплый адъютант бывал распластан до состояния цыпленка-табака под непомерной тушей. В качестве компенсации за повреждения внеочередные звезды падали на погоны несчастного.

- Дорогая, еще два запоя, и я буду полковником, - говорил адъютант своей подруге, поправляющей бант на его загипсованной руке.

Страдая от позора, Бибигон запретил магазину продавать Еве спиртное. Потом Бибигон запретил привозить Еве спиртное. Потом Бибигон запретил пить при Еве спиртное и гнать самогон в ее присутствии. С приходом Евы на узел связи Бибигон наложил вето и на технический спирт, выдаваемый для протирки аппаратуры, что резко понизило технические характеристики связи.

Продemonстрировав поразительный нюх на спиртосодержащие напитки, свойственный носителям аналогичной болезни, Ева нашла единственную брешь

в крепко задраенном от алкогольных паров гарнизоне. Брешь, бывшая медицинским спиртом, за хранение которого отвечала фельдшер Чукина, находилась в бараке, именуемом медсанчастью. Вопреки опасениям адмиральше не пришлось жалобить Люсю рассказом о престарелой бабушке. Движимая желанием выговориться, которое зачастую и приводит к случайным связям, та сама предложила Бибигонше опрокинуть стопку. Адъютант, ожидавший звездопада, залег где-то в близлежащих кустах. Сразу после первой активистке общества трезвости Чукиной значительно полегчало, и она рассказала все, что у нее было с Гужовым.

"Так вот какое ты, опьянение!" – пронеслось в Люсином мозгу, и она поняла, что запретный плод, которым ее пугала строгая мама, тропически сладок.

В восторге от своей раскованности, она наполнила вторую рюмку и рассказала Бибигонше все, чего у нее с Гужовым не было. В Люсиной интерпретации наговоры на саму себя звучали крайне убедительно, на грани порно. Ни одна кумушка нашего гарнизона, бдящая у окна с биноклем, не достигла в своих выдумках подобной вершины нравственного падения Люси Чукиной.

Так Бибигонша и Люся стали закадычными подругами, их встречи, по обоюдострому желанию проходившие в процедурном кабинете медсанчасти, были наполнены: для одной – медицинским спиртом, для другой – феерическим всплеском фантазий.

Адмирал просек источник живительной влаги без труда. В крайнем негодовании он угрожал выселить источник разврата – Чукину – из гарнизона в двадцать четыре часа.

– Мне все известно! – топая ногами, плевался Бибигон. – Вы – падшая женщина.

Оказывается, адъютант, отлеживаясь в кустах, не только мечтал о кресле комдива, но и записывал в блокнот под Люсину диктовку. Обмороком она вымолила прощение, но должок остался. Не далее как вчера в медсанчасть заявился адмирал и потребовал расплаты. Назначенная за молчание цена была смехотворно мала: только всего и требовалось, что написать записку о беременной дочери и пустить ее по рядам к кандидату – даже подпись не была обязательной.

– Почему ты согласилась? – продолжала я допрос с пристрастием.

– Бибигон сказал, что все расскажет Борису, – душераздирающе всхлипывая, умывалась слезами Люся.

– Дубовая твоя голова, Борис и так в курсе всех твоих тайн, – замахнулась Киселева, примериваясь к Люськиному лбу.

– Не трогай ее! – Я закрыла Чукину своим телом.

Я знаю Люську со второго класса, смешную и голенастую, с жидким хвостиком, на котором регулярно вис какой-нибудь двоечник. Помню, как она плакала из-за двойки по пению. Как нас поймал с яблоками за пазухой строгий дядька в саду и грозился отобрать у Люськи обезьянку Читу, набитую ватой. Как мы ради спасения Читы высыпали дядьке все наши яблоки и копейки. И я поняла, что могу ударить Люську, но никогда не позволю это сделать другим.

Теперь я осознаю, что именно мы с Наташкой своим немилосердным поведением склонили чашу весов Люськиного сердца в пользу Гужова. Просто он первый вышел в коридор, первый увидел доведенную до отчаяния Люську и первый, бесцеремонно оттолкнув нас, прижал ее к своей груди. И по тому, как мацо гарнизонного значения бережно обнимает ее за хрупкие плечи, как прижимает маленькие ладони к своему лицу, по тому, с какой ненавистью он смотрит на меня и Наташку, я поняла: в моей защите Люська больше не нуждается.

Не знаю, насторожила ли Бориса тишина, мгновенно образовавшаяся в коридоре, но он распахнул дверь. Распахнул именно в ту минуту, когда Гужов прикоснулся своими губами к Люсиным губам. Борька словно споткнулся и еще долго стоял и смотрел на них. И мы все замерли в образовавшейся пустоте.

Не выпуская страдалицу из своих рук, Гужов нарушил молчание.

- Борис, мы с Люсей...

Что там будет у него с Люсей, мы так и услышали. Борис вопреки логике бросился не к жене и даже не к сопернику, а спросил у Наташки:

- Киселева, когда была эта криптограмма?

Не уразумев сути неуместного при изменившихся обстоятельствах вопроса, Наташка вымолвила:

- Вчера...

Борис в чем был - а был он в одном трико - выскочил из квартиры.

Заблудшая Люся бросилась за ним, пришлось и нам с Наташкой подтянуться. Странная процессия бежала по гарнизону: впереди - по пояс голый Борис, за ним - рыдающая во весь голос Люся, мы с Наташкой плелись в конце, замыкал цепочку в темпе спортивной ходьбы Гужов.

Черт бы побрал этого спортсмена Чукина! Не знаю, делает ли он регулярно зарядку, но определенно шел на рекорд. Не пасмурная ли погода виной открывшемуся дыханию?

- Он хоть сам знает, куда бежит? - поправляя на ходу сваливающиеся тапки, выдохнула Киселева.

Я тоже была одета для гостей, а не для стометровки. Ноги, наспех обутые в шлепки, промокли до колен. На этих шлепках мы и упустили секунды. Люся, оглашая окрестности воем, мчалась в двойке лидеров вопреки всем школьным показателям. Представляю, как бы обрадовался наш физрук, что его уроки не пропали даром. Извивающейся лентой мы петляли меж домов в свете мерцающих от снежной пыли фонарей, срезали углы по дворам и лужам, один раз, вслед за Борисом и Люсей, даже взяли забор. Забор ни в какую не хотел даваться моим заледеневшим конечностям, и сколько Наташка ни тянула меня за руку, нога так и не взяла нужную высоту.

- Все, - сказала я, - бег с препятствиями - это не мой вид спорта.

Слезай, лучше покурим.

- Конечно, лучше, - тяжело переводя дыхание, согласилась Наташка. Она присела на забор и свесила ноги.

Я протянула ей сигарету. Могу выскочить на улицу в чем мать родила, но никогда без сигарет. Привычка такая.

- По-моему, мы лишние на этом празднике жизни, - подвела я теоретическую базу под обнаруженную неспособность брать барьер. - Мы-то зачем бежим?

- Все бегут, и мы бежим, - согласилась Наташа с абсурдностью коллективного порыва.

- Теперь придется бежать обратно, - напомнила я.

Подошедший Гужов, размеренно обойдя забор по периметру, скрылся в темноте.

- Это у них любовный треугольник. Пусть и соображают на троих, - кивнула я в его сторону.

Мы были рады за себя, впереди стакан горячего чая и теплая постелька. Наташа прощально оглянулась в сторону убегающих.

- Борис взял курс на пирс. - Она видела то, что скрывал от меня забор.

Я одолела прежде не поддающийся забор на одном дыхании, а ведь оно было отравлено никотином!

- Куда ты? Варька, стой! - Крик ничего не понимающей Киселевой бил мне в спину.

- Топиться, Борька решил топиться!

Ветер разбрасывал по округе мои слова, донося до Наташи их обрывки. Она поняла смысл, придавший мне ускорение, в искаженном виде. Иначе почему рванула так, что я с трудом уже поспеваю за ней? У самого пирса, когда до воды и зрелища оставались считанные метры, потенциальный утопленник свернул в подъезд адмиральского дома. Мы по-дурачки постояли у подъезда, в котором скрылся Борис.

Сначала Люся еще пыталась остановить его жалобными криками в парадной:

- Боря, Боря!

Но подъезд безмолвствовал, дом спал, ни единого огонька за темными окнами.

- Может, он хочет броситься с пятого этажа? - спросила Люся.

- Ага, - съязвила Наташка, ведь мы тряслись от холода самостоятельно, а Люська грелась в объятиях Гужова. - Наш дом ему слишком мал. Только адмиральский в пору.

В подтверждение ее слов вспыхнули окна Бибигоновой квартиры. Нам стало противно, весь предыдущий рывок, мотивированный состраданием к ближнему, от нашего дома до дома Бибигона оказался бессмысленным. Борис бежал не топиться, а жаловаться. Интересно, что он будет просить и у кого? У Бибигона, возглавляющего дивизию, чтобы он снял Гужова с занимаемой должности, или у Бибигонши, возглавляющей женсовет гарнизона, чтобы Люську вернули законному мужу?

Зря мы его жалели! В этом вся проблема. Из-за этого фискала, выбравшего из всех орудий мести самое подлое, кошки исцарапали душу - все-таки Борис вошел в Люсину жизнь не без моей поклевки. Один раз врезал бы Гужову, возможно, потом было бы больно физически, но морально - никогда. Особо настаиваю на пользе мордобоя.

- Лучше бы он утопился, - изрекла я.

- Все равно бы не утонул, - поддержала меня Наташа.

Люся развернулась и как слепая пошла прочь, Гужов тактично следовал поодаль. Хлюпая шлепками по раскисшей дороге, мы с Наташей тоже заковыляли к дому. О чае и теплой постельке больше не мечталось.

Ночь выдалась какая-то бестолковая, не было в ней ни сна, ни покоя. Сразу за углом дома мы с Наташей налетели на кого-то, сделали шаг и вписались в темную крупную фигуру. От неожиданности, что еще некто кроме нас бродит в эту темную пору, когда ни зги, лишь желтый блин луны зловеще освещает гарнизонные закоулки, мы завопили. Завыли, как ревут во весь голос напуганные тетки, - зажмурив глаза и дрожа всем телом. Разумнее было бы бежать, но когда нам думать, если мы голосим! Некто выл не меньше нашего, глотка у него была луженая, как у бурлака на Волге, а глаза люминесцентно сияли. Прямо-таки кадр из фильма ужасов: вой в крошечной тьме.

Я вцепилась в Наташу, она в меня, не дай Бог, чтобы одна из нас удрала быстрее. Еще немного - и я бы разглядела клыки вампира, но тут голосище завыл так знакомо, что я закрыла рот и вслушалась в это длинное "о-о-о" с волжским акцентом. Фигура тоже приобрела узнаваемые очертания.

- Титова, ты, что ли, орешь? - с опаской спросила я, все еще не веря, что эта глазастая - моя бывшая подчиненная.

- Ну я, а что? - мгновенно проглотив крик и даже не подавившись, без всякого удивления сказала Титова.

Но почему так странно, как при базедовой болезни, выпучены ее глаза? Почему глаза ползут вверх? Пятачок в подобных обстоятельствах, шевеля опилками, причитал от страха: "Винни, Винни!" У меня и этого нет. Голова, готовая лопнуть как тугой воздушный шар, гудит ветром в глухой подворотне.

- Ч-то э-то? - заикаясь, лепечу я.

- А, - с усмешкой говорит она, - прибор ночного видения.

Глаза вновь заерзали. Видимо, Титова отправила прибор, сидевший на переносице, на лоб. Вздых облегчения со свистом вырвался из моей груди. Давно я так не пугалась, Наташа тоже. Когда все составляющие, словно фрагменты мозаики, сложились в целостную картину, основное определилось. Зря Титова следила за нами самым банальным образом, в окуляры ночного видения. Орала же исключительно за компанию. Ничего странного в том нет: брак с особистом наложил свой отпечаток; будь Света женой пекаря, за версту бы распространяла запах свежее испеченных булок. Хорошо, что объекты ее слежки, Люся с Гужовым, замешкали где-то во дворах. Хорошо, что мы, а не они столкнулись нос к носу с Титовой, а то бы не миновать скандала. Уж я-то знаю, да что я, весь гарнизон в курсе ораторских способностей жены особиста. Ораторские - от слова "орать".

- И что ты тут делаешь? - спросила Наташа. - Куда это ты в него смотришь?

- И что это ты в него видишь? - прибавила я.

- Да так, - мямлила Титова - я тут... того...

Определенно Титова, застуканная нами за неблагоприятным занятием, была не в своей тарелке.

- Ай-я-яй, - пожурила я ее.

- Ай-я-яй, - вторила Наташа.

- Да что вы разайяйкались на всю улицу? - Судя по ответному удару Титовой, клиент очухался и вышел из комы. - У меня Коська к бабе пошел.

- К какой бабе? - лениво поинтересовалась я. - Какие бабы могут быть в такую пору?

- Двуногие и наглые, - скрипя зубами, процедила Титова.

Хорошо это у нее получилось, убедительно. Да, мы, к сожалению, неблагодарная публика, посвященная во все составляющие интриги.

- Ладно, Титова, мы пошли. - Наташа потянула меня за свитер.

Сильные руки жены особиста обхватили нас, совершенно потерявших от стужи способность сопротивляться, за плечи, и поволокли в сторону детской площадки. Конечно, я еще могла если не вырваться, то хотя бы прохрипеть о несогласии с таким грубым обращением. И прохрипела бы, если б не шаги на два голоса, приближающиеся к нам с тыльной стороны дома. Кто кроме Люси и Гужова мог следовать нашим путем? Желая избежать кровавого столкновения, мы с Наташей добровольно прибавили шаг, теперь Титова едва поспевала за нами.

- Ну что, Титова, показывай, - забывая все другие звуки, горланила Наташа, забираясь вслед за Светой, как на постамент, на детскую горку.

- Показывай, коль привела, - подтягивала я снизу.

На пару с Наталией, едва не выдернув мне руки, они рывком затащили меня на горку.

- Да тише вы, - рявкнула Титова и напаялила мне на голову обод с окулярами. - Смотри.

Рукой она направила мой взгляд в сторону пирса, немного правее.

- Видишь?

В зеленом фосфорном сиянии линз я увидела спину удалявшегося человека, он спокойно шагал по дорожке. Человек обернулся и посмотрел мне прямо в глаза.

- Точно, Титов! - изумилась я.

- За мной! - расценив мои слова как поддержку, велела Титова и спрыгнула с горки.

Нацепив прибор, Света вела нас за собой. Когда путь Титова шел по прямой и окуляры держали ракурс неизменным, Света, задыхаясь от стремительной ходьбы, рассказывала нам, как это было:

- Мы уже спать легли, вдруг кто-то позвонил... Я уверена, что баба...

- Ну почему сразу баба, может, мужик? - возразила Наташа.

- Даже если мужик, его баба об этом попросила, - заявила Титова. - Направо, направо, куда он, гад, завернул? Точно, там Зинка с финчасти живет.

Не по принуждению, не из желания отвести ревнивицу от влюбленной пары, исключительно добровольно мы сопровождали Титову в ее преследовании. В нас проснулся охотничий азарт, я чувствовала себя борзой, гнавшей зайца. Самые низменные чувства, замешанные на безграничном женском любопытстве, двигали нас, озябших, по спящему гарнизону.

Особист, словно чуя погоню, петлял, заматавая следы, а мы перебирали всех женщин, обитавших на пути следования. Не снимая окуляров с глаз, Света пророчила всем подозреваемым скорый, но мучительный конец. Потом, когда дома кончились и мы выскочили на небольшую сопку, спуск с которой вел к хозяйственным постройкам, Титов стал доступен и невооруженному глазу. Впрочем, ему достаточно было обернуться, чтобы увидеть нас, судорожно дышавших ему в спину. Потеря бдительности стоила дорого: я навсегда лишилась любимых джинсов.

- Лежать! - приказала Титова.

Мы бухнулись там, где стояли. Под моими ногами, а теперь и подо всем телом оказалась грязная лужа. Но и холодная жижа, безжалостно забиравшаяся под одежду, не охладила наш пыл; по-пластунски, царапая

животы и руки о мелкие камни, мы подползли к краю сопки. Внизу раскинулся ангар торпедопогрузочной базы.

Титов постоял у входа, дверь распахнулась, и больше мы его не видели. От скудности видеоряда мы сникли, бесцельность погони стала очевидной.

- Ну, и кто ему звонил? - спросила я, делая бесполезные попытки хоть как-то отодрать прилипшие комья грязи.

- Видимо, мужик, - тихо выдавила Титова, откровенно расстроенная. Оно и понятно: все-таки заманчиво найти свою соринку в чужом глазу.

Человеку свойственно подозревать других в пороках, присущих самому. Вор уверен, что все воруют, лжец - что все лгут, гулены - что все гуляют. Не потому ли самые ярые ревнивцы обычно большие бабники?

- Уши мыть надо, - буркнула Наташа, спускаясь с сопки.

По узкой тропинке, едва нащупывая крутизну, я следовала за ней. Дверь ангара распахнулась, свет, выбившийся из помещения, осветил рыжего парня. Придерживая дверь, он щелкнул зажигалкой, закурил. Из темноты, нависшей над ангаром, его рыжая голова казалась золотым сияющим слитком. Вряд ли он видел нас, выйдя на воздух после яркого света, но шорох мелких камней, градом катившихся вниз под ногами, привлекли его внимание. Он повернул голову в нашу сторону. Мы замерли. Парень прислушался к тишине, сделал несколько затяжек и растворился в ангаре - элементарно, как выключил свет.

Презрев медлительность и осторожность, наша троица кубарем скатилась к подножию сопки, выбежала на дорогу и долго, пока не показались дома, бежала по ней. Крупная Титова, не такая шустрая, гулко топала сзади. Мы забежали в подъезд, даже не пожелав ей спокойной ночи. Не очень-то приятно ощущать себя простаком, которого достаточно поманить пальчиком - и он уже рвет на край света.

Когда гарнизон еще только готовился к подъему, нас разбудил телефонный звонок. Сонная, Наташа протянула мне трубку.

- Тебя.

- Синицына, собирайся, вертолет через час! - Генералу не терпелось покинуть ненавистный гарнизон.

Я распахнула шторы: утро выдалось светлым. Противный снег, поливавший гарнизон весь предыдущий день, сошел с небес на землю, освободившиеся небеса сияли как новенькие. От этого на душе было еще противней. Откровения минувшей ночи, которая казалась скорее сном, чем явью, что-то нарушили в фундаменте мироздания. Все-таки я знаю Бориса давно - при мне он впервые завязал галстук, при мне густо краснел от криков "Горько!" на своей свадьбе.

Он был из того времени, когда мы, глупые недопески, горячо и радостно верили в правоту сущего. И вот теперь я должна свыкнуться с данностью, что один из нас, Борька, который был как брат, способен на такую грязь. Представление о порядочности, вынесенное из детства, подсказывало, что мужчина должен вести себя как-то иначе. О своих же низменных порывах лучше не вспоминать. Сдался нам этот Титов! Даже если он и изменяет Светке, это их внутренние проблемы. Мы-то с Наталией здесь при чем?

Невзирая на все прегрешения, ясное утро снисходительно отпускает меня из гарнизона на все четыре стороны. В той стороне, где Лелик, мое сердце. Вчера днем, оставленная Наташей по зову сирены, я позвонила на коммутатор. Телефонистка - а это была Бибигонша, козырявшая бюстгальтером, - соединила меня с "Сегментом". Таков позывной у коммутатора, обслуживающего летный гарнизон.

- "Сегмент два семь", - сказала трубка.

- Дежур, - попросила я, - соедини меня с кабинетом Власова.

Я услышала в трубке сигнал вызова - не потому, что телефонистка так запросто вызывает по любой просьбе названного абонента, тем более командира полка. Просто за годы службы в связи я выучила пароль корпоративной солидарности, "Дежур", побуждающий самую вредную телефонистку воткнуть шнуропару в нужное гнездо коммутатора.

- Власов слушает, - раздался низкий, с хрипотцой, словно простуженный, голос Лелика.

Я узнаю его голос из всех голосов, но сейчас я не слышу самую любимую интонацию, когда он говорит смешно и грустно одновременно.

- Здравствуй, Лелик, - говорю я.

- Здравствуй, Вака, - говорит Лелик. И это почти тепло.

- Как ты там? - говорю я.

- Нормально. У меня совещание, - говорит Лелик.

- Лелик, выгони всех, я тебе скажу что-то добренькое, - на манер сказочника говорю я.

- До свидания.

От черствости его голоса меня пробирает мороз, я понимаю, что он сказал все и больше слов не будет.

Я бросаю трубку. Какой гад этот Лелик, при чем тут совещание, когда звоню я? Почему-то у меня всегда есть на него время, а у него - только свободное от службы. Для женщины весь мир - мужчина. Для мужчины весь мир - женщина плюс многие составляющие, работа и футбол не исключаются, даже если он - Данте, а она - Беатриче. Слабое утешение, что все мужчины таковы. Но ведь Лелик не все. Лелик - это Лелик.

Я непрерывно курила и непрерывно жаждала мести. "Отомсти хоть малым", - говорил Заратустра. Я готова мстить большим, всем, что имею. С каждой зажженной сигаретой пополнялся арсенал моего мщения: от циничного соблазнения самого высокого генералитета до банального удушения Лелика своими руками. Раз десять я мысленно прощалась с ним, и здесь тоже были варианты: то я шла под венец с его лучшим другом, то просто отбывала в неизвестном направлении. При любом раскладе Лелик умолял меня возвратиться и мучился до конца дней своих. При любом раскладе я была холодна и непреклонна и рук, схвативших лучшего друга или его шею, не разжимала. Возможно, я бы умерла от передозировки никотина или лопнула от злости, но тут зазвонил телефон. Я сняла трубку.

- Да, - резко выпалила я. Мне было все равно, кому я адресую свою ненависть. Когда я не люблю Лелика, я не люблю всех.

- Вака, что ты хотела? - Это звонил Лелик.

Я посмотрела на часы, на пепельницу, полную окурков. Знал бы Лелик, какие изменения произошли в наших отношениях всего за час и как далеко мы друг от друга.

- Ну, и как тебе жизнь без меня? - спросила я.

- Жизнь без тебя адское мучение, - сказал Лелик.

Не знаю, что он услышал в моем голосе, но ответил так, как я рассчитывала услышать через годы разлуки.

- Жизнь без меня - дерьмо, - согласилась я.

Теперь мое сердце там, где Лелик.

С большими предосторожностями я распахнула дверь Натальиной квартиры. Меньше всего мне хотелось сейчас встретиться с Борисом. По закону подлости, по которому и бутерброд падает с наибольшими потерями, не раньше, не позже, а в такт со мной на площадку вышел Борис.

- Здравствуй, Варя, - сказал он.

Я подняла на него глаза. Судя по тужурке, на которой погоны с четырьмя звездами, Борис собирался на службу.

- Извини, мне некогда. - Я поспешно сбежала с лестницы.

- Да мне тоже, - негромко с лестничной площадки сказал Борис; ключ у него, что ли, застрял в замке? - На лодке объявили двухчасовую готовность.

Я остановилась от его голоса, была в нем какая-то обреченность.

- Когда вернешься, Боря? - спросила я.

- Пока не знаю. Было бы куда возвращаться.

Он наконец-то справился с дверью и, взяв сумку, стоявшую у ног, размеренно начал спускаться. Мы вышли из подъезда, яркое утреннее солнце слепило глаза.

Прищурившись, как от слез, Борис сказал мне:

- Прощай, Варька, - и чмокнул меня в щеку.

Он заметил мой взгляд на его окно, темное, завешанное шторой.

- Людмилу ночью вызвали к экстренному больному.

Никогда прежде Борис не называл жену столь официально.

- Ты зайдешь к ней? - спросила я.

- Нет. - Подумав, добавил: - Передай Люсе...

От его глаз, смотрящих на пустое окно, пустое без Люски, у меня защемило сердце. Что мы все наделали?

- Ладно, не надо ничего передавать, - бросил он и стремительно зашагал прочь от меня, прочь от своего дома и этого зияющего пустотой окна.

- До свидания, Боря, - крикнула я вдогонку Борису, уходящему в сторону пирса.

Хлопнула дверь соседнего подъезда, кто-то обнял меня за плечи.

- Что, птичка-синичка, надолго залетела в наш гарнизон?

Я обернулась - Костя Титов, руки-ноги-голова на месте, значит, вышла амнистия. Надолго ли? Тем более что Титов имеет привычку обнимать всех и каждого. Не потому, что хочется обнять, больше по долгу службы. Как у каждого резидента есть своя легенда, так и у особиста Титова есть свой коронный способ выпытывать секреты.

Сначала, когда старший лейтенант Титов был еще заместителем командира по воспитательной работе, а проще говоря - замполитом, я приняла его за простофилю, который что видит, то и говорит. Чего стоят его нелепые вопросы: "Курит ли Киселева?", "Что пили у Чукиных?" и "Правда ли, что Муза Пегасовна, когда не приезжает к нам в гарнизон, дает в городе частные уроки?" Простодушие Титова шокировало постоянно, но более всего, когда он с улыбкой деревенского дурачка выкладывал всю подноготную своей семьи, что жена Света умеет готовить одни макароны, и те у нее неизменно слипаются, что моется она раз в месяц и так же редко привечает мужа.

Слушаешь его пустые разговоры - и рука непроизвольно тянется к виску, делая вращательное движение. Возможно, я бы так и крутила пальцем у виска, если б однажды, доведенная до белого каления, не спросила напрямую у Титовой:

- Как ты можешь с ним жить?

За Константином тогда только захлопнулась дверь. Всю ночь он просидел на моем объекте, неся какую-то несусветную чушь из жизни родных и близких. Пикантность ситуации заключалась в том, что за тонкой перегородкой несла вахту жена рассказчика. Измученная изощренной пыткой старшего по званию, я вломилась на коммутатор.

- Титова, как ты можешь с ним жить? - задыхаясь, бросила я.

Еще хорошо, что я не захлебнулась в их семейных помоях. Любая женщина, услышав в свой адрес даже треть сказанного, давно бы билась в рыданиях или готовила скалку в качестве оружия мести. Может, с точки зрения юриспруденции это подстрекательство, но ради такого дела я и свою скалку не пожалею. Однако, оплеванная мужем с головы до пят, Титова спокойно пила утренний кофе, хрустя барбарисками.

- Не думай, что Титов глупее тебя, это у него метода такая, косить под идиота, - перекатывая барбариску за щекой, сообщила Света.

Увидев мое недоумение, она добавила:

- Да расслабься ты.

Достала из тумбочки чашку и наполнила ее до краев.

- Выпей-ка, Варюха, кофеек, будешь бодрой весь денек. А Коську меньше слушай, больше мимо ушей пропускай. Это он в особый отдел рвется, вот и упражняется в сборе информации. С умным человеком замыкается, боится не то ляпнуть, а с глупым - мелет все подряд. Кстати, хочешь попробовать мой пирожок?

Она вытащила из тумбочки пакет с пирожками, развернула и выложила на стол передо мной. Аккуратно, как опытный экспонат, я двумя пальцами извлекла пирожок за румяный бок на свет и долго разглядывала его. Со слипшимися макаронами достойный представитель кулинарного искусства не имел ничего общего.

- В одном Коська не лжет: спим мы нерегулярно - да и зачем ему утруждать себя тем, что могут сделать другие, - сочно потягиваясь произнесла Света. В ее словах не было сожаления, здесь и понимать нечего: на фоне недалекого супруга записной мачо Гужов был более чем равноценной заменой. В остальное, что касалось нюансов мыслительной деятельности Титова, я не очень-то поверила. Женщина виноватая склонна не только оправдывать, но и идеализировать обманутого мужа в глазах окружающих. В устах грешницы муж зачастую выглядит святым, в устах святой - грешником. Нет суровее критика, чем верная супруга.

Но за короткое время старший лейтенант Титов стал капитаном, а затем и оперуполномоченным особого отдела дивизии. От его назначения я страдала не одни сутки: не сболтнула ли чего лишнего той долгой ночью, пытаемая бессонницей? Дабы больше не мучиться невозможностью послать старшего по званию туда, куда Макар телят не гонял, я раз и навсегда решила бороться с Титовым его же оружием: отныне на все его вопросы я отвечала вопросами. Может, тогда и проклюнулось во мне журналистское начало...

- А ты куда, Константин? - спросила я.

Можно было и не спрашивать. В этот неурочный час, когда солдат спит, а служба идет, люди в черных шинелях спешат только по экстренному сбору на подводную лодку. Баул в руках, напряженный взгляд в сторону пирса, Светлана в ночной сорочке, которая высунулась из окна и посылает воздушные поцелуи, - все составляющие серьезной разлуки налицо. Как бы ни торопился Титов, как бы поминутно ни глядел на часы, но выйти из игры первым ему профессиональная гордость не позволяла.

- Как ты думаешь, Варюха, какая сегодня будет погода? - скороговоркой спросил он.

- А что мне про нее думать? - уклонилась я от прямого ответа.

Несмотря на быстрые ноги, готовые сорваться в сторону вертолетной площадки, и чуткие уши, настроенные на шум лопастей, я уважаю словесный пинг-понг в жестком временном режиме, чего никак не скажешь про затейника этой увлекательной игры. Разрываемый на части от необходимости бежать и желания добиться от меня хоть одного внятного ответа, Титов плавится на глазах, даже снял фуражку, стер капли пота со взмокшего лба. А ведь погода, прогнозом которой он так настойчиво интересовался, не располагает к перегреву. Как стреноженный конь, он борется с путами вопросов без ответов. Напоследок, когда поток черных шинелей, растворявшийся вдали, у пирса, иссяк, он задает мне заведомо легкий вопрос, ответ на который я знаю наверняка:

- В какой газете ты сейчас пишешь?

- Константин, какой временной отрезок ты обозначил наречием "сейчас"? - выворачиваюсь я.

Титов остановил бег своих ног, которые я грозила вырвать у него, но так и не вырвала, и уставился на меня.

- Костик, ты опоздаешь, - долетел до нас окрик Титовой.

Голос заботливой супруги лихо пришпорил особита. Схватив в охапку сумку с фуражкой, он делает спринтерский рывок в сторону пирса. На полном ходу, когда Света хлопнула рамой, закрывая окно, он развернулся ко мне лицом и, продолжая бег спиной вперед, крикнул:

- Синицына, ты молодец! Ценю!

Из слов, посланных с расстояния в десять шагов, делаю вывод: не знаю, стану ли я большим российским писателем, а вот к службе в контрразведке готова.

Такое впечатление, что это не гарнизон, а база олимпийского резерва - опять бегу, на этот раз в медсанчасть. До посадки в вертолет остались считанные минуты, сознание того, что генерал способен оставить меня за бортом, не дает покоя, но я не могу улететь, не попрощавшись с Люськой. Уже издалека вижу несвойственное тихой лечебнице скопление машин. Стоящий в дверях Бибигон, беспрестанно утирая лысину, напряженно слушает начальника медслужбы. Чтобы не мозолить им глаза, я обещаю здание по тропинке, протоптанной к заднему крыльцу. Здесь, в зарослях пожухлых

лопухов, привалившись спиной к деревянным перилам, как васнецовская Аленушка, сидит поникшая Люся.

- Это ужасно, - стонет она, - за одну ночь - двое.

Я сажусь рядом и обнимаю ее за плечи. Медленно, вздыхая через каждое слово, она выговаривается:

- Сначала привезли матроса, молоденький, совсем пацан, через полгода - дембель. Дурачок, где-то нашел героин. Варь, ответь мне, ну где в нашей пупырловке можно найти героин? Мы же не в Штатах живем! Скончался от передозировки...дурак... смешной, рыжий... месяц назад с флюсом приходил, бормашины боялся до одури, Магаськин его фамилия. Все, отбоялся.

- Можно я посмотрю на него?

Чукина молча кивает, даже моя нелепая просьба не удивляет ее. Мы заходим в барак медсанчасти. Люся ведет меня по длинному, пропахшему лекарствами коридору, по скрипучему деревянному настилу; вокруг - ни души, лишь приглушенные голоса доносятся из-за парадной двери. Одна палата приоткрыта, в образовавшуюся щель я замечаю лежащего на кровати черного как негр человека, медики в белых халатах с капельницами и шприцами суется вокруг него. Какая-то женщина, стоя на коленях у кровати, - я вижу ее со спины, - воет тихо и жутко.

- Шапка-добро, - кричат черные губы.

Даже я, от ужаса застывшая на пороге, слышу его плавающий в забытьи голос, мучительный и пугающий.

Люся тянет меня от двери, но "шапка-добро" преследует нас по всему коридору.

- Помрет, наверное, - шепчет Люся, - капитан-лейтенант с лодки, возвращавшейся с полигона. Ожог семьдесят процентов. При смене каких-то там пластин в отсеке произошел взрыв. Представляешь, мужик, живой и здоровый, возвращался с дальнего похода домой. Два месяца земли не видел, о жене, детях скучал, а прямо накануне всплытия - взрыв... и нет мужика. Да ты знаешь его жену, в строевом отделе базы служит, невысокая такая, с каре, в очках.

- О чем это он кричит? - спрашиваю я. Даже на таком удалении от палаты я слышу стон обгоревшего подводника.

- Не знаю, - говорит Люся, - все о какой-то шапке твердит. Ждем санитарный вертолет из госпиталя.

Люся открывает дверь, пропускает меня. Как в ледяную воду, я ныряю в холод прозекторской. Мы приближаемся к столу в центре зала; под простыней угадываются очертания распластавшегося на спине человека. Меня колотит как от минусовой температуры, ноги сводит судорога, я слышу клацанье своих зубов. Люся откидывает простынь с лица, я сразу узнаю золотую голову курившегося ночью у ангара. Моя челюсть набирает бешеный темп, я пытаюсь держать ее руками, я обхватываю подбородок ладонями, но противная тряска, неподвластная ни воле, ни разуму, овладевает мною с головы до пят.

Накинув простынь на лицо покойника, Чукина тянет меня за руку из прозекторской. Как на привязи, я следую за ней по коридору. Хрупкой Люсе стоит больших усилий волоочь меня, тормознутую, за собой. Уже на свежем воздухе, при утреннем солнце, когда я упала в траву, осенние запахи и невысохшая роса, разбросанная по желтеющим листьям, освежили мою голову. Вертолет с красным крестом на корпусе, всколыхнув траву вокруг нас воздушной волной, низко пошел на посадку. Подскочив, Чукина бросилась к бараку, с крыльца махнула мне рукой.

- Люся, - окликнула я ее, - Борис просил передать, что любит тебя.

Она как-то беспомощно развела руками, словно еще ничего не случилось и как сложится - неизвестно. Постояла, задумчивая и прекрасная в своей задумчивости, потом аккуратно закрыла за собой дверь. Я поднялась с земли и, минуя все проложенные тропы, по заросшим буеракам зашагала к вертолетной площадке. Зачем я соврала Люсе, что Борис любит ее? И ложь ли это?

РЫ-РЫ-РЫ, МЫ ХРАБРЫЕ ТИГРЫ

Мы улета́ли той же доро́гой, по кото́рой приле́тели в га́рнизон, е́сли то́лько в небе́ е́сть доро́ги. Гля́дя с вы́соты на до́ма и со́пки, раскину́вшиеся на са́мом крае́шке се́рых во́д Ба́ренцева́го мо́ря, я га́дала на фа́ктах и домы́слах. За́чем Би́бигон за́ставил Лю́сю напи́сать за́писку? У́ж не спе́р ли ге́нерал в си́лу привы́чки вору́вать у Би́бигона лю́бимую ко́тлету? И что мо́гло ста́ть при та́кой по́лярности их ди́визий – где мо́ре, где не́бо – я́блоком раздо́ра? В свя́зи с че́м та́кая спе́шка на во́дах, по́чему вы́ташили из бла́гоустро́енной норки́ ты́ловую ќрысу – о́собиста? Неужели́ Бо́рис, офи́цер-по́дводник, за плеча́ми кото́рого не о́дин бое́вой по́ход, де́йстви́тельно бе́гал я́бедничать? И что он та́м, на хо́ду, спроси́л про кри́птогра́мму, что спроси́л... При все́й изо́щренности мо́ей фа́нтазии, да́же ви́тая в о́блаках, я не нахо́жу отве́та ни на о́дин во́прос.

На взле́тной по́лосе ме́ня жда́л Ле́лик. Он не то́ропилс́я бе́жать на́встре́чу, распахну́в объ́ятия. Он воо́бще не то́ропилс́я. Осно́вательно́ и спо́койно, прищу́рив гла́за, Власо́в смотре́л, как я спу́скаю́сь из ве́ртоле́та, иду́ к нему́, проду́ваемая все́ми ве́трами. По́д его ро́вным взгля́дом, ко́гда лю́бая су́ета наигра́нна, я ме́дленно́ шла́ по бе́тонке. С ка́ждым ша́гом Ле́лик бы́л все́ бли́же, я разли́чала́ его ры́жие гла́за и бу́квы на карма́не си́него фо́рменного ко́мбинезо́на. Уди́вительная уве́ренность скво́зила во́ все́й его́ не́высокой вла́стной фи́гуре, уве́ренность в то́м, что в лю́бом слу́чае он до́ждетс́я ме́ня и в лю́бом слу́чае я не про́йду́ мимо́.

Мы не бы́ли о́дни на аэро́дроме, но мы бы́ли о́дни, и я шла́ как по ко́ридо́ру: над на́ми – вы́сокое си́нее не́бо, во́круг нас – ле́гкая ды́мка тумана́. Почти́ вплотную́ я при́ближаю́сь к Ле́лику, я чувствую́ его́ запа́х, он как ды́м оте́чества. До́статочно́ протяну́ть ру́ку, что́бы до́тронут́ся до́ его́ по́дборо́дка, прохладно́го и те́пкого́ от у́треннего б́ритья.

Ле́лик не то́ропитс́я гово́рить, он мо́лчит и смотре́т, смотре́т и мо́лчит. Что Ле́лику в мо́ем ли́це? На́конец-то́ я вня́тно разби́раю на́дпись на́ его́ гру́ди: "По́лковник Але́ксей Власо́в".

– Это́ что́бы ты́ не поте́рялс́я? – кива́ю я на на́шивку.

И это́ пе́рвые сло́ва за на́шу встре́чу. И я ви́жу, как Ле́лик ме́длит, как жа́ль ему́, что раста́яла ле́гкая ды́мка тумана́ во́круг нас.

– Я не поте́ряю́сь, Ва́ка, – гово́рит Ле́лик. И это́ зву́чит как обе́щание.

У́же дру́гим то́ном, бо́лее при́годным для́ разгово́ра с солда́тами или́ ло́шадьми́, а не́ с де́вушкой, кото́рая на тво́их гла́зах спу́стилас́я с не́бес на зе́млю, гово́рит:

– Ска́жи сво́й а́дрес.

– За́чем?

Ле́лика не о́скорбля́ет мо́й во́прос, или́ он про́сто не счита́ет ну́жным реа́гировать на́ же́нские уло́вки, ко́гда к же́лаемому́ ре́зультату́ иде́шь не на́прямую́, а то́лько по́средством о́трица́ния.

– При́ду по́сле по́летов, – гово́рит Ле́лик.

– А е́сли я бу́ду за́нята? – Я про́должаю́ коче́вряжи́ться и бе́з вся́кой ло́гической па́узы ди́ктую: – Запо́лярная́, п́ятна́дцать – т́рина́дцать.

– Запо́мни, Ва́ка, – Ле́лик кре́пко де́ржит мо́й ло́коть, – ты́ о́ккупиро́вана мно́й.

– И что́ мы бу́дем де́лать? – спра́шиваю́ я, не пы́таясь вы́рваться. Мне нра́вится́ его́ ру́ка на мо́ей ру́ке.

– П́ить ко́фе, – гово́рит Ле́лик и не́брежно́, как о́ че́м-то́ не́существе́нном, до́бавля́ет: – По́том я те́бя изна́силую́.

– А е́сли я про́тив? – не́возму́тимо, сло́вно жи́ву на ва́лерья́нке, интере́суюсь я.

– То́гда ко́фе – вы́черки́ваем, – ре́зюми́рует Ле́лик.

– Ле́лик, – у́коряю́ его́ я, – е́сли та́к гово́рит ко́мандир по́лка, что́ требо́вать от по́дчи́ненных?

Во́прос о по́дчи́ненных оста́ется о́ткры́тым, вме́сто это́го Ле́лик при́влека́ет ме́ня к се́бе о́дной ру́кой и ры́чит:

– Ры́-ры́-ры́, мы хра́брые т́игры.

Оказывается, он страшно спешит, все пилоты полка уже расчехлили истребители и, надев шлемофоны, приготовились взмыть в небо, только он занят непонятно чем. Разве что не убегает. Что за привычка бросать меня на полуслове, когда есть что сказать, когда нет точки в разговоре, сплошные многоточия?

Встреча с Леликом затмила все ужасы гарнизона. Казалось, не нынче, а где-то в другой жизни я видела обгоревшего подводника и мертвого матроса. День прошел в розовом угаре: я слонялась по редакции, курила с Ирочкой Сенькиной на крыльце, выпила море кофе, в перерыве между кипящим чайником и пламенем зажигалки строчила статью о генеральском визите в гарнизон подводников – печальный финал, естественно, остался за кадром.

Каждый раз, когда я подносила к губам чашку с обжигающим кофе, я вспоминала о Лелике, о том, что через несколько часов он вот так же прикоснется ко мне губами. И я обожгу его.

Поздним днем, незаметно переходящим в ранний вечер, в приподнятом настроении я шла по городу. Умиротворение легло на мою душу, было просто хорошо. И эти узкие, петляющие улочки, и широкий проспект, где, наслаждаясь днями из ушедшего лета, бродит народ. И листья шуршат под ногами. Я иду в плаще нараспашку, и сумочка легко болтается в моей руке. Оказывается, возвышенная душа способна облегчить даже непомерный груз.

– Девушка.

Из толпы вынырнул молодой парень и взял меня за локоть. Симпатичный, улыбается. Я приготовилась к самым занятым предложениям, мысленно обвела себя взглядом: прикид подходящий, бокал мартини в ближайшем кафе под аккомпанемент комплиментов и горловой бас Армстронга гармонично впишутся в мой мажорный настрой. Жаль, Лелик не видит, как я востребована подрастающим поколением. Что ни говори, женщина прощает ревность, но никогда – ее отсутствие.

– Слушаю вас, молодой человек. – Вслед за юношей я послушно стала пробираться в глубину площади.

Внезапно он остановился и извлек из кармана куртки яркий билет.

– Девушка, поздравляем вас, вы выиграли самый дорогой приз нашей лотереи: музыкальный центр.

Я оглянулась: по обе стороны и за спиной – оцепление нехилой братвы. Только тут до меня дошло: приняла лохотронщика за кавалера. Грежу наяву, совсем потеряла боевую окраску. Хорошо, Лелик не видит, КАК я востребована подрастающим поколением.

Я рассмеялась на всю округу. Душившие меня приступы смеха привели в недоумение ловцов лохов; загибаясь от хохота, шагаю в образовавшуюся брешь в их рядах. Уже на свободе, вне зоны досягаемости, оборачиваюсь к предмету своих заблуждений:

– Дружок, я кажусь тебе душой?

По выражению его лица было ясно: однозначно, без вариантов – кажусь. Несмотря на нелестную оценку, довольна собой чрезвычайно. Дело в том, что природа моя труслива, я боюсь многого: высоты, глубины, темных улиц, начальства. Весь перечень огласить невозможно. Конечно, оправдываю хилость своего характера. И не чем иным, как воображением, свойственным нам – творческим натурам. Дескать, заранее, в красках представляю последствия своих поступков, что будет, когда я прыгну, заплыву, высунусь. А так как еще с детского сада помню, что бояться – стыдно, то всячески побуждаю себя на отважные поступки, когда все поджилки трясутся от ужаса. Особенно мне это удастся в миру, при скоплении народа. Редкий наблюдатель может усомниться в естественности моей отваги, многие склонны верить. Более того, когда я скулю о присущем мне изъяне – верить отказываются. Права Муза Пегасовна: "Хочешь соврать – скажи правду".

Мысли и шествие по площади прервал знакомый окрик:

– Девушка, можно вас.

Мой несостоявшийся кавалер тянул за рукав молодую женщину, державшую за руку малыша в шапочке с миккимаусовскими ушами. То ли молодая мать засиделась дома и жаждала приключений, то ли была раззявой по натуре, но

проявила неосмотрительность – без тени сомнений, с пылкой готовностью последовала за этим шарлатаном. По причине ли известного недостатка своей натуры, или из ревности, что не только меня выхватывают молоденькие мальчишки из толпы, я прервала их ход.

– Девушка, да вы посмотрите на него, это же лохотронщик.

Мамаша уставилась на меня круглыми от недоверия глазами. Наверное, так смотрел Станиславский и приговаривал: "Не верю, не верю". По-моему, я наступила на горло ее фантазиям в самом интересном месте.

– Идите, идите, – сказала я, – там их целое кодро, обдерут вас как липку. – Я наклонилась к малышке. – А у тебя, девочка, уши оторвут.

Первой мои слова услышала дочка: уцепившись руками за уши, она отозвалась басом заматеревшей тетки. Подхватив в охапку свое громогласное создание, мамаша рванула прочь. Потом я пожалела, что не составила им компанию, а сейчас моя компания – лохотронщик. Чтобы отправить меня в нокдаун, хватило бы и его злобного взгляда, но этот бандит решил истребить меня, как вредителя лохотронного бизнеса, всерьез и надолго. Его грозный кулак замелькал перед моим лицом.

– Щас как врежу.

– А я закричу.

Из глубины нокдауна я услышала писк. Господи, неужели это я пишу? Даже двухлетний ребенок орал зычнее, мой голос не повиновался мне.

Крепкие ребята окружили нас. Они жаждали развлечения, они смыкали круг. Здоровый дуболом как бы сочувственно подтянул меня за плащ к своему уху, и мои ноги потеряли точку опоры.

– Что ты бормочешь, детка?

– Закричу, – словно ватная кукла, пищала я.

– Кричать будет, – продублировал дуболом.

Лохотронщики попадали от хохота, надрывая животы, они тыкали в меня пальцами и повторяли как сумасшедшие:

– Кричать будет! Кричать будет!

На редкость благодарная публика, не будь я предметом истязаний. Не знаю, кем в прежней жизни был дуболом, но режиссировать желал. Пройдясь всей птерней по моей голове, он с леденящей нежностью проворковал:

– Кричи, детка, кричи. Моих мальчиков это возбуждает.

И пребольно, до хруста в шее, сжал мои волосы. Идиот, не читал Павлова, одним грубым жестом разбудил в моем парализованном теле условные и безусловные рефлексы. От болевого шока рука, прежде изменившая мне, впрочем, как и другие конечности, дернулась и с силой опустила сумочку на его бритую макушку. Шум и ярость! Ария бизонов на два голоса! Утробный вой ушибленного дуболома – достойный дуэт для моей сумочки. Спасаясь бегством.

Не снижая скорости, преследуемая топотом, на больших оборотах я залетела в подъезд. На втором пролете догнала мужчину, дернулась, чтобы обойти его, и поняла – этот вид со спины мне знаком. Да, да, именно он, этот мужик средних лет, с плешью на затылке, в коричневой куртке и серых брюках, прошел тем утром через двор и укатил в вишневой "девятке". Я еще едва успела отпрыгнуть на верхний этаж, потом смотрю – он через двор, в машину и был таков. Ничего себе смена декораций! Зачем он вернулся? За рублем, как его... Константина? Некуда бежать: за дверь и на лестнице сплошные опасности. Единственная уловка – мобильник, я выхватила его из сумки. Звонить! Звонить! Лелику, Роману, Музе Пегасовне? Всем – SOS! Пальцы уже нажимали кнопки.

Вполоборота, с верхней ступеньки, мужчина оглянулся на меня. Едва успев спрятать лицо и мобильник, я склонилась к туфле.

Ноги в пыльных ботинках после мгновенного замедления поднялись к двери, скрежет отворяемого замка, выскочившая на порог собака, потягивая от восторга, облизала мужчине лицо. Дверь за ним захлопнулась.

Так и не разогнувшись, в позе "бегун на старте", я вся обратилась в слух. Тихо, очень тихо. Ни топота, ни дыхания. Мгновенно выдохшись, я сползла по стене на ступеньку. Черт бы побрал мои фантазии, неужели набег

на мою квартиру – только плод воображения? Тогда как объяснить монету? Лечиться, матушка, только лечиться. Резко обессилев, я поплелась на свой этаж. Достав из сумочки ключ, повернула его в замке.

Я с трудом подняла голову. Прежде единое целое, теперь голова страшно гудит и раскалывается. Что-то произошло. И это "что-то" очень страшное. Это произошло, когда я открывала дверь. Кто-то сзади, со спины, зажал мне огромной ладонью рот, чтобы я не могла пикнуть, и грубо втолкнул в квартиру. От ужаса и невозможности дышать я впиалась зубами в мясистую ладонь, и тут же – удар сверху, по голове, искры из глаз. Остальное – за кадром.

Оказывается, я распласталась на полу кухни в опасной близости от перевернутого табурета. Прислушиваюсь к себе: болит где-то в области брови, пытаюсь дотронуться рукой и не чувствую своего лба, ладонь будто каменная. Обнаруживаю зажатый в руке мобильник. Судорожно роюсь в развалах памяти. Повезло, но отчасти: номер Лелика стигнул под обломками, а вот менее ценный номер оперативного дежурного – невредим.

– Алле, – кричу я в микрофон, – соедините меня с полковником Власовым.

Линия страшно гудит, и я с трудом разбираю:

– Власов на полетах, в воздухе.

– Передайте, звонила Варя, меня убивают, – говорю я и проникаюсь пиететом к себе. Как глубоко все-таки в нашем сознании уважение к покойнику, пусть даже потенциальному.

В подтверждение того, что реально существую, трогаю голову, прикасаюсь к брови и вздрагиваю от прикосновения – кровь на пальцах. Судя по лежащему положению табурета, мы с ним встречались. На четвереньках ползу в коридор, к зеркалу. Видок еще тот, врагу не пожелаешь: разбитая бровь кровоточит и пухнет на глазах. А если учесть, что и в глазах двоится... Остальное вроде бы на месте и без акцентирующих данное происшествие синяков.

Ничего себе на месте! Я вскрикиваю и забываю обо всех болячках: нет сумочки! А была ли сумочка?! Была – не была? Я начинаю сомневаться в ее наличии, многого из того, что было сегодня, в действительности не было. Если учесть, что она ревела как бизон, хранила ключи и провоцировала своей тяжестью сколиоз моего позвоночника, то сумочка – была. А теперь – нет.

Я обшарила все закутки: под столами, под кроватью, в ванной. Я даже залезла на шкаф – пустой номер. Сумки нет. Угнали вместе с противоугонным устройством. Да, такую ситуацию Кулибин не закладывал в свое изобретение.

В комнату врывается гул сирены, я подскакиваю к окну. По проспекту наперекор светофорам и всем правилам дорожного движения мчится "уазик", следом за "уазиком" как на привязи несется кавалькада из милицейских машин. Гудящие сирены оглашают всю округу.

– Водитель 2144, остановитесь!

Наперерез, по тротуару, через двор, бороздя колесами рыхлую насыпь, на детскую площадку врывается "уазик". На ходу из машины выскакивает Лелик, я шарахаюсь от подоконника и с разбега укладываюсь на пол. Сердце бьется как бешеное. С одной стороны – Лелик бросил самолет. Это серьезно. Ведь я отчетливо понимаю, что у меня одна конкурентка – авиация и ради меня он пренебрег ею. С другой – для его десантирования нужны веские причины, царапина над бровью не из их числа. Найди Лелик меня недостаточно мертвой, он доведет меня до могилы собственными руками. С той стороны лестничной площадки раздался страшный грохот, дрогнула под ударом дверь и, сорвавшись с петель, вместе с Леликом ввалилась в коридор.

Прямо в одежде я лежу на кровати поверх покрывала. Лелик обрабатывает мою растерзанную бровь зеленкой. Судя по его измазанным рукам, не только бровь, но и все мое лицо приобрело изумрудный цвет. Не столько от боли, сколько из желания положить конец санитарной вакханалии, я пишу с каждым его прикосновением – но разве у него вырвешься? Больше пугает не рана, а последствия врачевания. Утром встреча с генералом – и как я ему зеленая?

Наконец, отступив на шаг и удовлетворившись результатом обработки, Лелик говорит:

- Ну что, Вака, будешь жить.

Я сползаю с кровати и ковыляю к зеркалу. Не будь потрясений минувшего дня, дрожь бы мне от ужаса: из зеркала таращится архизеленое изображение. В одном Лелик не обманул – такими незрелыми не умирают. Большая удача сырых и убогих, что Власов пошел в авиацию, а не в медицину.

- Спасибо, Лелик, спас. – Я возвращаюсь в постель, больные должны лежать, особенно когда есть кому ухаживать.

- Лелик, ты будешь мне родной матерью? – слабым голосом, в надежде на кофе и сигарету в постель, вопрошаю я.

- Лучше отцом, – говорит он и заваливается рядом.

Ничего себе родитель! Не спросясь, он укладывает мою голову себе на плечо.

- Вака, надо вызвать милицию.

- И что я скажу милиции? Квартира не моя, Костомаров узнает о нехорошей квартирке и попросит меня с жилплощади. Лелик, ты когда-нибудь жил без крыши над головой?

- Нет.

- Тогда молчи. Принеси-ка сигареты, в столе на кухне... и зажигалка там.

Вроде бы мелочь, пустяк, но по безропотной готовности исполнить мое желание, по тому, что обычно морщащийся от сигаретного дыма Лелик не подвергает критике мой грех, а, напротив, садится на край кровати, выбивает сигарету из пачки и, сделав глубокую затяжку, передает мне, понимаю, что он – не посторонний. Что все, произошедшее со мной, произошло и с ним. Я беру его ладонь, подношу к своим губам. Впервые в жизни я целую мужчине руку.

- Поживи у меня, Вака, – говорит Лелик.

- А дальше, когда поживу, что делать со мной будешь? – спрашиваю я.

- Не знаю.

- Узнаешь – позовешь. Иди ко мне. – Я пододвигаюсь, Лелик кладет голову мне на живот, я перебираю его волосы. – Расскажи мне, каким ты был маленьким.

- Я жил с мамой и бабушкой в коммуналке, одна большая комната... укладывали меня спать, к маме приходили подружки, разговаривали. Лежу и слушаю. Я тогда очень хорошо разбирался в женщинах.

- Поэтому до сих пор не женился?

Снизу, задрав подбородок, Лелик смотрит на меня.

- Вака, у меня времени на тебя не хватает, а ты хочешь, чтобы я женился.

Вот это откровение! Ромка не одинок: интимофобия переступила эпидемический барьер, интимофобы пошли косяками, один больной – рядом. Ну ничего, и тебя, дружок, вылечим.

- Лелик, ты любишь пирожные? – тоном сестры милосердия спрашиваю я. – Хочешь, я тебе их испеку? – Вспомнив о своих кулинарных разочарованиях, корректирую: – Нет, куплю. Огромный торт, с кремом! А, Лелик!

Что-то настораживает его в моем заманчивом предложении. Не найдя ничего лучшего, он бросает в меня подушку.

- Хитра, Вака, хитра. Колись, отравить меня задумала?

Я брыкаюсь руками и ногами, смех эффективнее подушки душит меня. Я откидываю подушку с лица и встречаюсь с его глазами, и забываю, что только что было смешно до колик. Мы молчим, ни слова – но каков диалог! Его долгий взгляд, и это как дверь: всегда закрытая, она вдруг без малейшего усилия и повода – отворилась.

- Вака, подарки у нас буду делать я. Кстати, где у тебя кассета?

- Ничего себе "кстати"! Давай лучше о подарках, хочу вульгарный перстень, как у Пушкина.

- Обойдешься без перстня, кассета где?

- Лелик, ее угнали вместе с сумочкой, – лопочу я.

Он берет меня за плечи.

- Вака, ты не такая дура...

- А какая я дура? - Не знаю, отчего мне приспичило ломать ваньку.

Конечно, я достану кассету и включу, но не сейчас, мне хочется оттянуть миг, когда Лелик поймет, что среди нас не только он - профессионал и на работе я не крестиком вышиваю, сообразит, в какие серьезные криминальные игры я играю. Может быть, за мою голову дают кучу баксов. Я дотрагиваюсь до ноющего лба: интересно, в связи с травмой ставки не упали?

Нет, все-таки Лелик - солдафон, не то что слов любви, но и того, что предупреждать надо, - не знает. Взял и вытащил из-за пазухи пистолет, сжимает его в руке - огромный, черный, дулом прямо мне в сердце. Не знаю, на каком этапе произошла радикальная потеря памяти: когда меня треснули кулаком по голове или сейчас, под воздействием визуального ряда, но из головы вылетело, что бояться - стыдно. Дрожа как осиновый лист, я соскочила с постельки и словно крот зашуршала паркетом. Своими руками в считанные секунды сдала тайник и чуть ли не в зубах притащила кассету вооруженному Лелику.

Все время пока Лелик прослушивал разговор за унитазами, я давилась сигаретой за сигаретой, чтобы не разрыдаться. Вместо того чтобы утешать меня, Лелик погрузился в тайны генеральского двора: какие проценты накрутили наши герои на задержке выплаты личному составу дивизии денежного содержания, куда девалась списанная техника и другие детективные подробности, которые мне уже обрыдли.

Проклятый пистолет, выбивший меня из колеи привычного поведения, - как водораздел между мною и Леликом. Ежась под дулом, я никак не возьму в толк: зачем Власовпритащил оружие, или мы дошли до такой доверительной точки отношений, когда не до сантиментов, когда все средства хороши?

- Вака, тебе плохо?

От его участливого голоса мне действительно плохо. Боже, на глазах у Лелика, покинув образ героини-подпольщицы, предельно органично вошла в образ трусливой моли. Презираю себя!

- Да, мне плохо! Мне очень плохо! - В момент, совершенно неоправданный с точки зрения драматургии, я выхожу из себя. - И вообще, Лелик... шел бы ты домой...

Где логика, где разум? Смотрит на меня, как на недоумка (или недоумку?) и тут же вкладывает в мои шальные ручки пистолет.

- Вака, это тебе. Я же не могу привязать тебя к себе. Смотри внимательно: патроны вставляются в магазин...

На физическом уровне ощущаю грозную мощь пистолета, и он в моей власти. Обретаю уверенность.

- Кого ты, Лелик, учишь? Прапорщика запаса? Десять лет в строю. ПМК. Патроны девятого калибра принес?

Лелик извлекает из кармана коробочку с патронами.

- Вака, я от тебя шалею. У твоего маятника амплитуда зашкаливает. То ты от одного лишь вида пистолета готова впасть в кому, сидишь и хлюпаешь носом, и тут же выясняется, что Вака - меткий стрелок. Вака, ты хоть сама себя понимаешь?

Не верю своим ушам: Лелик считает меня загадкой, неопознанным объектом, восьмым чудом света - круто! Изящно изогнув спинку, закинув ногу на ногу, тонкой ручкой я поигрываю грозным оружием, по-моему, жест этот заимствован у Никиты.

- Лелик, а ты, видимо, любитель девушек, у которых маятник не отклоняется с нулевой отметки ни при каких погодных условиях? Любишь таких чудесных девушек, которые есть, а на самом деле их нет, они - ноль.

Какая интересная дискуссия разгорелась! Увы, погасла: вместо того чтобы парировать мои слова, Лелик протягивает деньги.

- Снимешь квартиру, здесь тебе нельзя оставаться.

О, я в восторге.

- Ты понял, Лелик, какой опасности подвержена моя жизнь?

- Вполне, - говорит он и совершает немыслимое: достав кассету из диктофона, комкая и ломая, вытягивает магнитную ленту. Сублимируясь в блестящий путанный шар, вещдок прощально шуршит. Моей зажигалкой, в моей

же пепельнице, у меня на глазах Лелик устраивает костер из шикарного информационного повода.

Теперь я понимаю, почему Власов – ас летного дела: в силу ответственного отношения к порученному. Каким бы ни было это дело, он выполнит его по максимуму. Пример тому – мой лоб, отмыть невозможно.

Еду к генералу зеленая. Отступив от зеркала, критически оглядываю себя: одета как шлюха – юбка под самое никуда, гиперсексуальное декольте и умопомрачительные каблуки создают иллюзию, что природа в моем случае ограничилась ногами и грудью. Как писал старина Шопенгауэр: "Красота – открытое рекомендательное письмо". Не слишком ли буквально в части открытости я толкую Шопенгауэра?

Весь этот маскарад исключительно ради желания понравиться генералу. После удара по голове до меня дошло: противостоять генералу – больно. Следовательно, чтобы не было мучительно больно, нужна анестезия, основной компонент которой – высокое покровительство.

Первая заповедь журналиста: подготовь почву для доверительных отношений. В краткий час интервью респондент должен испытать непреодолимое желание выговориться, излить на корреспондента душу, иногда – с помоями. Женское обаяние плюс сексапильность наиболее органично провоцируют взрыв откровенности. Хорошо нам – принцессам крови! Как только умудряются выкручивать наизнанку интервьюеров мои коллеги-мужчины?

Мир скроен на мужской фасон, респонденты, то есть люди, которым дали слово, в подавляющем большинстве – мужики, в среде себе подобных они безмолвствуют. Поют, воют, режут только в период гона, при непосредственной близости самки. Интересно, на какой минуте завоет комдив?

Конечно, Сенькина не давала блестящих рекомендаций генералу. Но у меня свое толкование: неужели мужик, ворующий по-крупному, может не интересоваться женщинами? Какой смысл тогда так рисковать? Никогда не поверю, что перманентно одинокий мужчина разборчиво назовет десять пунктов вложения капитала. Ну, пива напьется, ну раз десять на футбол смотается. На своем личном самолете. И все. Масштаба-то нет. Золото, бриллианты, меха и туалеты во все времена – это область женских интересов. На одних колготках разориться можно. У наших же половых антиподов даже крой галстука – вековая константа. Вывод: наличные мужчине без наличия женщины – что корове седло. Если, конечно, он не псих и не использует купюры как бумажку по прямому назначению.

Для тех, кто не понял. Данное устройство мира на мужской манер нахожу чрезвычайно полезным и выгодным для женщин. Голова кружится до дурноты от функций, традиционно возлагаемых на мужчину: надо быть умным, хладнокровным, решительным, уметь забивать гвозди и таскать тяжести, читать электрические схемы и совершать подвиги, состояться в профессии и сделать карьеру, кормить булками с маслом жену и детей. Делание последних тоже на его совести, как и жена, карт-бланш которой на капризы и токсикоз редко ограничивается беременностью.

Теперь о том, зачем мужчины женятся. Не знаю. Думаю, они тоже. Как говорил мой бывший босс: "Если б вы не были женщиной, я бы с вами даже не разговаривал". Оригинал звучит вульгарно, пришлось купировать. Но суть неизменна с сотворения мира: не будь у мужчин желания, столь сильно ориентированного на женщин, ходить нам сирыми и убогими и добывать хлеб свой насущный тяжким трудом. В общем, незначительная подробность, а какая лафа всем бабам мира! Чутко красоты, немного мозгов, завалилась за мужа – и жизнь удалась!

Вприпрыжку, прибодренная собственными мыслями, я спускалась с этажа на этаж. Зеленый пятак на лбу закрывала по причине отсутствия других головных уборов натянутая на самые глаза бейсболка Василия. До встречи с генералом осталось два часа, за это время надо успеть скрыть следы побоев. Думаю, Музе Пегасовне под силу подстричь меня. Я выскочила из подъезда, распахнула дверь и сначала не въехала: широкий козырек

бейсболки сужал поле зрения до размеров полянки, и там появились ноги в найковских кроссовках. Где я их видела?

Как в замедленном кино, я задрала голову. На той стороне крыльца стоит мой вчерашний лжекавалер, и на шее у него болтается поддерживаемая свеженьким бинтом его же забинтованная рука. И мы стоим и палимся друг на друга, глаза у него злые-злые. А потом его рука, не та, что забинтована, пускается вплавь и тянется к двери. Я смотрю как замороженная на его руку, на последней секунде во мне что-то щелкает и бьет адреналином в виски. Я едва успеваю захлопнуть дверь, вцепляюсь в нее двумя руками, тяну на себя. Однорукий гад определенно сильнее.

- Пусти, - требует он, - тебя ищет...

Нашел ниф-нифа! Знаю я этих ищек! Я вкладываю все свои девичьи силы в последний рывок, я вгрызаюсь в дверь... и отпускаю... легко... очень легко. От этой легкости и лохотронщик, и дверь с грохотом отлетают в неведомые мне дали, поскольку я на цыпочках отступаю в темный угол подъезда и затаив дыхание слушаю о себе такое! С душераздирающими стонами знаток ненормативного языка ковыляет мимо меня в подъезд. Даже из моего угла видно, что он еле тащит свою поврежденную конечность. Пока он медленно взбирается по лестнице, я связываю вчерашний грабёж с его рукой и моими зубами: "Я так кусаюсь?"

С высоты третьего этажа узнаю о себе еще одну правду, очень нелестную и потому непечатную, и нащупываю в пакете пистолет. Пристрелить? Чтобы не выражался в муках. И не мучился в выражениях. Тихо выхожу из подъезда и тенью исчезаю за углом. Вот такая погоня.

Ошеломленная неожиданной встречей, придавшей мне ускорение, я аки спринтер добираюсь до дома Музы Пегасовны. В темноте парадной, когда я только вхожу в подъезд, кто-то хватается меня за плечо и тут же затыкает рот пятерней. В свете последних событий такую методу обращения я нахожу банальной, не вызывающей бурной реакции. Вот если бы кто-то взял меня нежно за руку и позвал за собой ласковым голосом! Тогда бы я вздрогнула. А так - не просите, кричать не буду. Потом, когда глаза привыкают к темноте, я различаю Романа. Вяло пялюсь на него, он принимает мою лень за шок и крайне эмоционально, сотрясая мои плечи, начинает объяснять, что он, дескать, не может выловить меня второй день. Способ моей ловли Роман избрал самый что ни на есть простецкий - подсылал ко мне своих боксеров, подрабатывающих в свободное от ударов гонга время на лохотронной ниве. Тихо и ненавязчиво они должны были привести меня к Роману. О том, что мое щедедушное тело способно сопротивляться с таким размахом, Роман и не предполагал.

- Тебе бы вышибалой работать, - говорит он, - с пацанами ты лихо разделалась.

Мне лестно это слышать, тем более от профессионала. Как здесь не вспомнить вершину самообороны - перевязанную руку лжекавалера.

- Это тоже на моей совести? - уточняю я.

- Чего захотела! - насмешничает Роман. - К руке ты не имеешь никакого отношения, он просто неудачно упал.

- А сумку-то зачем сперли? - вопрошаю я.

Роман божится, что к сумке его ребята не имеют никакого отношения, как, впрочем, и к ссадине на лбу. Мальчики потеряли меня еще на площади. Ну хоть ему я могу верить? На вопрос, почему нельзя было просто, по-человечески, без всяких выкрутасов и шпионских страстей прийти ко мне домой или позвонить по телефону, Роман говорит:

- Если в твоём доме всплыла эта монета, значит, где-то рядом бродит Бибигон, а он не должен видеть нас вместе. Если Бибигон узнает, что мы связаны, мы никогда не найдем ни талер, ни рубль.

От обилия информации и непонятных слов у меня начинает стучать в висках. Мысленно считаю до трех, уговаривая себя успокоиться и систематизировать услышанный каламбур.

- Рома, давай все по порядку, с расстановкой. Начнем с Бибигона, при чем здесь он?

- Если по порядку, тогда едем к нам. - Озираясь, Ромка приоткрывает дверь подъезда.

Поочередно, с разницей в минуту, сначала Рома, за ним - я, выходим из подъезда. За углом дома нас поджидает "Форд".

Рубль Константина я получаю обратно за кухонным столом. Надежда суетится у плиты. Увлеченная пищеварительным трактом своего мужа, она даже не обращает внимания на то, что я пью кофе, не снимая бейсболку. Легким щелчком Роман посылает монету по столешнице ко мне.

- Фуфел, он же фальшак, он же новодел.

- Это плохо? - спрашиваю я, замороженная нумизматическим сленгом.

- Куда хуже, - говорит Роман, заливая творожную запеканку вишневым вареньем. - Твой рубль - подделка. Качественная, но подделка.

Это не по правилам: грабят и бьют всерьез, а в качестве вещдока всякую гадость подкидывают. Совершенно неравноценный обмен.

Подперев голову руками, Надька с таким обожанием лицезрит Ромку, словно он не детское питание по тарелке гоняет, а атомный реактор разбирает по винтикам. Ох, неспроста. Чует мое сердце, что заговоренные мною пирожные Ромка наверняка не один трескал. Надежде половину скормил. Ну не может женщина нормальная быть такой влюбленной, тем более в собственного мужа!

- Ладно, про фуфел проехали, - строго говорю я, мне рассусоливать некогда, впереди еще встреча с генералом. - Какое отношение имеет ко мне Бибигон?

- Любый коллекционер нашего города, да и не только нашего, скажет, что рубль Константина - визитная карточка Чуранова, - говорит Роман, чем окончательно запутывает меня.

Час от часу не легче! Хотя кандидатура генерала кажется более убедительной - уж ему-то есть смысл рыться в моем столе. Неужели, совершая переворот на моей территории, он взял в подельники адмирала?

Оказывается, генерал и адмирал дружили, дружили давно, с тех пор как один из них не был еще генералом, а другой - адмиралом. Откуда это знает Роман? Вместе с ними он был членом областного клуба нумизматов. Роман тогда после окончания института военных физкультурников только пришел служить на Северный флот. После смерти отца, искусствоведа Екатерининского дворца, ему досталась неплохая коллекция монет, и особую гордость составлял талер с Палладой 1623 года. Бибигон благоволил молодому лейтенанту, после нескольких встреч в клубе не только перевел служить в свою часть, но и определил на постой у себя; Бибигонша привечала Романа котлетами. Дня через четыре, когда освободилось место в офицерском общежитии, Роман съехал, а еще через месяц, когда повез коллекцию на выставку в Питер, эксперты нашли его талер поддельным. Из Питера Роман вернулся на взводе и сразу рванул в кабинет к Бибигону.

- Немного придушил Бибигона, - скромно уточнил Роман.

Придушенный Бибигон уволил Романа из рядов вооруженных сил по служебному несоответствию.

- Почему ты решил, что Бибигон смастерил фальшак? Ты жил в общежитии, ты снимал квартиру в городе... ты же не в сейфе держал свои монеты... Бибигон не единственный подозреваемый, - говорю я.

- Не единственный, - согласился он, - но ты знаешь, у меня нюх. Я чувствую. Как-то резко он меня тогда полюбил, сразу, как талер увидел. И еще, нигде я не спал так сладко, так хорошо, как у Бибигона.

- Бибигонша, наверное, котлеты снотворным начиняла? - засмеялась я.

- Может, и так. Но спал как проваливался. Потом, где-то через год после того как меня вытурили из армии, я уже боксировал, в пивнушке встретил Тимофея Георгиевича, пьяного вдрызг, - продолжал Роман. - У генерала случилась нехорошая история с рублем Константина, похожая на мою, как фуфел на оригинал. Он точно так же привез коллекцию на выставку, и так же эксперты определили, что рубль Константина - новодел.

- На все божий промысел, Ромочка, - встречается в разговор Надежда. - Женился бы на мне пять лет назад, не мыкался бы по чужим квартирам, глядишь, и талер бы не упустил.

Как два изверга, мы с Надькой дружно закивали: пусть знает – провидение на нашей стороне, будет знать, как не жениться! На ринге при подобных обстоятельствах противнику можно дать в глаз, что значительно облегчает разрешение конфликтной ситуации. В компании же двух слабых, беззащитных особ мастер спорта по боксу от невозможности развернуться свирепеет.

– Гони рубль Константина! – кричит он мне в лицо.

– Хам, – констатирую я.

От такого обращения Роман чуть не падает со стула, потом долго смотрит на меня, наверное, не может решить, что делают в таких случаях с женщинами.

– Да что ты сразу обзываешься, – примирительно говорит он. – Дай денежку, я тебе фокус покажу.

Трогательно до слез. Отдаю. Виной тому – неоправданная чувствительность натуры. В ответ Роман вынимает из внутреннего кармана куртки еще две монеты, присовокупляет к моей. В числе новеньких – рубль Константина, близнец моего рубля. На второй монете красуется какая-то греческая воительница с копьем и щитом. Мы с Надеждой пялимся на них, что есть мочи силясь понять: что бы это значило. Насладившись нашим мыслительным фиаско, Роман указывает на монету с гречанкой, экипированной для войны.

– Талер с Палладой. Остальные вы знаете: рубли Константина. Все три – новоделы. А теперь, Варвара, не хлопай ушами: по заключению экспертов, химический состав всех трех монет абсолютно идентичен.

– Что это значит? – спрашиваю я и чувствую, как во мне тетивой на луке звенит и ноет жажда погони, преследования. Когда я совсем немного – человек, а больше – собака, лиса, волчица, когда мой нос опускается к самой земле, когда я вдыхаю ветер и мое нетерпение пьет запах добычи.

– Все три монеты были изготовлены одновременно в одном и том же месте. Сказать, в каком? – смотрит на меня Роман.

– Ближе к телу, – сквозь зубы цежу я.

– Их изготовил Кулибин. Заказчик – Бибигон, – говорит Роман.

– Кто тебе это сказал? – спрашиваю я.

– Кулибин и сказал.

– Так твои пацаны его, видать, придушили, вот у тебя глухонемой и заговорил, – с сомнением выдавливаю я из себя.

– За кого ты меня принимаешь? – сердится Роман. – Я честный бандит, не отморозок. Детей, женщин и инвалидов не трогаю. Отвалил Кулибину кусок, он и кивнул на Бибигона.

Юродствуя, я возвожу руки к потолку.

– Спасибо, боже, что мама родила меня девочкой!

– Не радуйся, – рычит Роман. – Ты идешь в номинации "журналист", а их мы отстреливаем.

Потом он берет в руки один из рублей Константина.

– Этот фуфел был подложен генералу взамен настоящего. Тогда в кафе он просто выкинул его... а я – подобрал. Как знал, что пригодится.

В моей руке – второй Константин.

– И много человек знали о пропаже из генеральской коллекции?

– Трое. Я, эксперт, ну, он в Питере, и еще тот, кто совершил подлог.

Если ты успела понять, Чуранов не из болтливых. Он не стал ничего выяснять, доказывать, просто закрыл для себя нумизматику. И Бибигона. Его мы и будем колоть на предмет украденного.

– А мне это зачем надо? Чтобы вернуть генералу его рубль? – У меня совершенно нет желания заниматься благотворительностью в пользу генерала.

Роман берет рубли, с двух рук демонстрирует их.

– Обрати внимание на неровность гурта.

Только тут, справа от профиля, прямо под бородой Константина, я замечаю, что край монет как срезан, не дотягивает до идеального круга. Сложенные одна на другую, монеты идеально повторяют друг друга.

– Когда у нас будет оригинал, сразу станет ясно, с него ли Кулибин отлил штемпель для чеканки. А тебе, Варвара, станет ясно, кто навещал тебя в твое отсутствие.

- Интересно, каким образом ты собираешься колоть Бибигона? Раскаленный утюг на живот адмирала? - интересуюсь я.

- Если бы так легко можно было расколоть высший офицерский чин, давно бы включил утюг. А как можно, это тебе, Варвара, решать, - говорит Роман, - ты у нас титан мысли.

- А Ромочка у нас просто титан, - говорит Надежда, ласково глядя его бицепсы.

- Могу только подсказать: через час Бибигон приедет в штаб флота на Военный Совет, - говорит Роман. - И учти, за Бибигоном - армия, колоть надо аккуратно, незаметно для постороннего глаза.

Что интересно, независимо от меня в моей голове тут же, прямо на глазах, будто опара от свежих дрожжей, зреет план. Как, оказывается, полезно в детстве читать Конан Дойла. План, как все гениальное, прост на словах и сложен в исполнении: Роману надо успеть заблокировать лифт в штабе флота и кинуть дымовую шашку в квартиру Бибигона. И если первый объект, штаб флота, в двух кварталах от нас, то дом Бибигона - на расстоянии тридцати километров, в гарнизоне подводников. Последнее значительно усложняет задачу, в гарнизон без пропуска и прописки не проехать.

- Делов-то!

Роман тут же посредством мобильной связи ставит на уши своих пацанов, один из них живет в гарнизоне.

Длинная рука мафии дотянулась и до гарнизона - оазиса мира и порядка. Тема для моей следующей статьи.

Из "Форда", затормозившего на спуске с сопки, мы наблюдаем за расположенной чуть ниже высоткой штаба флота. Там уже полно машин, военных чинов в черных кителях. Отражаясь на золоте погон, слепит солнце, так бьет в глаза, что я щурюсь. В зоне видимости на противоположной стороне дороги появляется черная "Волга".

- Пора. - Дотянувшись через меня рукой, Роман распахивает дверь.

Я выскакиваю из машины, бросаю через плечо:

- К черту.

Прямо по курсу - значительный, как корабль на гребне волны, штаб флота. На высоких каблуках не очень-то удобно бежать, но я бегу. Бибигон черным колом выкатывается из черной "Волги" и двигается к широкой парадной лестнице. Стараясь не афишировать свое появление, я лавирую за спинами. Мои каблуки уравновешены адмиральским весом, поэтому к огромной дубовой двери, в проеме которой - дежурный по штабу, мы с Бибигоном подходим одновременно. На этом идентичность наших восхождений заканчивается. Капитан, экипированный блямбой дежурного, козыряет Бибигону, мне же преграждает путь.

- Ваши документы.

Удостоверение давно у меня в руке, но как назло капитан долго и недоверчиво изучает его от корки до корки. Я нетерпеливо переминаюсь с ноги на ногу. Бибигон уже у лифта, вот-вот распахнется дверь. Я вижу его широкую фигуру из-за спин офицеров, ожидающих лифт.

- Головной убор снимите, - требует капитан, пытаюсь рассмотреть мое лицо.

Двери лифта распахиваются, Бибигон, а за ним и все остальные, заполняют кабину.

- Товарищ Би... товарищ адмирал! - нарушая все конспиративные законы, кричу я. И даже машу рукой. А что еще прикажете делать, когда чья-то меткая рука уже нацелилась дымовой шашкой на Бибигоново окно?

Все из лифта оборачиваются в мою сторону, Бибигон узнает меня, кивает.

- Пропустите.

Схватив удостоверение, бегу в лифт. В прятки уже не играем, расступившись, военный люд дисциплинированно освобождает мне место возле адмирала.

- Спасибо, - говорю я.

Но Бибигону плевать на мою благодарность, его волнует причина моего появления. Меня же волнует, когда заглохнет лифт; если верить толчкам,

второй этаж мы уже миновали. Военный Совет, по моим сведениям, проходит на шестом этаже.

- По заданию редакции, - плету я первое, что пришло на ум.

- И что задали? Опять про Чуранова? - допытывается Бибигон, неудовлетворенный услышанным.

Едва я успеваю открыть рот, чтобы выпалить очередную дозу фантазии, которую сегодня нельзя назвать искрометной, как лифт дергается в конвульсиях и останавливается. Майор в черном мундире одной рукой жмет на все кнопки, другой стучит в дверь, хором они орут:

- Лифт застрял! Позовите лифтера!

Из-за их криков, гулко разносившихся в шахте, звонок в портфеле, который Бибигон прижимает рукой к бедру, едва слышен. Его улавливаю одна я, и только потому, что хочу услышать. Увлеченный же вызволением из заточения, адмирал не реагирует на мелодичную трель. Приходится наступить ему на ногу.

- Извините, - опустив голову, еле шепчу я.

Переключившись на тихую волну моего голоса, Бибигон наклоняется ко мне и... наконец-то слышит то, что ему давно пора услышать.

- Тихо! - орет Бибигон, прижимая трубку мобильного к уху.

Не достучавшиеся до лифтера столбенеют. В предвкушении главной тайны дня я превращаюсь в одно большое ухо. Перед глазами картина: квартира в дыму, Бибигонша спасает самое ценное. После первого шока она звонит мужу.

- Я не могу, застрял в лифте! - кричит Бибигон и тут же жестко и внятно приказывает: - Прекрати истерику!

Развернувшись, он утыкается лицом в угол и переходит на самый низкий голосовой регистр.

- В спальне, в крайнем правом углу, прямо под пальмой, поднимешь паркет, достанешь сверток. Потом вызывай пожарных. Поняла?

Хотя какая в тесном лифте конспирация? Тем более главный слушатель дышит в затылок и все-все мотает на ус - и про пальму, и про паркет в крайнем правом углу.

На его последних словах лифт вздрагивает и как-то неуверенно ползет вверх. Меня охватывает чувство парения, но, возможно, не поехавший лифт тому причина, а эйфория от разгадки большой Бибигоновой тайны. Пока адмирал грузно поворачивается из своего угла, я успеваю протиснуться к выходу. Матерясь, все вываливаются на площадку.

- У меня пожар, - бросает на ходу Бибигон и, игнорируя лифт, вышедший из доверия, несется вниз по лестнице.

Но мелодичная трель мобильного не оставляет его и здесь.

- Але-е, - орет Бибигон, - уже еду! Как не надо? Что тебе показалось? - Ладно, приеду, разберусь, - намного спокойнее говорит он.

Сверху, перегнувшись через перила, я вижу, как он вытирает ладонью вспотевшее лицо, как долго смотрит в окно.

- Свяжись с душой, сам дураком станешь. - Бибигон выразительно стучит кулаком по лбу, затем измотанно начинает восхождение в обратную сторону - вверх по лестнице.

Избегая повторной встречи, я залетаю в лифт и, нажав кнопку первого этажа, уезжаю подальше от выпотрошенного Бибигона. Что дальше по плану? Муза Пегасовна - ей я доверю облагородить свою внешность для встречи с генералом. О Бибигоне, ворующем антиквариат и разбрасывающем его где ни попадя, я подумаю потом. Боже, как я плагиатарно мыслю! И тем не менее, зачем рубль Константина лежал под моим столом? Если для того, чтобы я думала, будто в моем доме побывал генерал, так это излишняя забота, я и без всяких наводок так думаю.

Верно говорят: коготок увяз, птичке - труба.

- Только ты, Варвара, сможешь без шума и пыли проникнуть к нему в дом, - говорит Роман.

Ведя "Форд" по центральному проспекту, тесному от машин в этот обеденный час, он возвращает меня туда, откуда взял, - к дому Музы Пегасовны.

- Тебе даже и проникать не надо, - уговаривает меня Роман, - просто придешь к Бибигонше в гости, бутылочку вместе раздавите.

- А пальму двигать? Тоже не надо? - спрашиваю я.

- Надо, и пальму двигать, и паркет вскрывать, - говорит он, газуя на четвертой скорости по пешеходному переходу. - А как по-другому ты узнаешь, что я ничего не придумал и твой рубль - подарок от Бибигона? Ведь я же бандит, разве мне можно верить на слово?

- Спасибо, что предупредил, - говорю я, скорбно вздыхая. - С такими друзьями, как ты, еще неизвестно, останусь ли я в журналистике, а вот воровать точно научусь.

Смеясь, Роман шлепает меня по плечу.

- Не дрейфь, Варька, везде люди.

Машина тормозит у подъезда дома моей подруги-старушки, и тут я вспоминаю:

- А что значит Б.М. на рубле Константина?

- Божьей милостью, - говорит Роман.

- Ну, если так...

Роман принимает мои слова за согласие и крепко жмет мне руку.

КАРМЕН НА ПЕНСИИ

Я знала, что Муза Пегасовна натура впечатлительная, но что она будет так кричать... Конечно, даме ее возраста и фактуры орать неприлично, но у Музы Пегасовны в вопросах этикета один цензор - она сама. Любопытно, что при всей эпатажности натуры окружающие находят Музу Пегасовну дамой, добровольно и безоговорочно признают ее авторитет и жизненное кредо: "Что хочу - то и могу". Что мой разбитый лоб на фоне многочисленных потрясений ее жизни!

Ладно бы, как и подобает пенсионерке, тихо охала и причитала от сострадания, так нет - Муза Пегасовна изображает прямо-таки мексиканские страсти: стонет, заламывает руки и все обещает упасть в обморок. Жгучая брюнетка, своей экзальтацией и красотой испепеляющая сердца не только сверстников, Муза Пегасовна во всем оправдывает свое же определение самое себя: "Кармен на пенсии". И когда я всерьез западаю на трагический этюд о моем покалеченном лбе, ощущая нешуточную боль, то задаю риторический вопрос:

- Я так плоха?

Муза Пегасовна смотрит на меня с удивлением и говорит словно из другой пьесы:

- Почему ты так решила? Прекрасно выглядишь, Варвара!

Ей нравится моя короткая юбка, но все-таки она бы ее несколько подрезала, каблукам добавила бы не менее десяти сантиметров, ногти покрасила синим лаком, короче: оделась бы так, как в ее возрасте одеваться неприлично, а очень хочется. Вот такой радикально-сексуальный взгляд на моду и мое место в ней.

Слава Богу, что у Музы Пегасовны мозги на месте, без малейшего намека на плесень, с хорошей порцией цинизма, поэтому и не молодится. Полный натурализм. В возрастной градации она застолбила за собой место старушки, единственное желание которой - чтобы Создатель усмирил ее желания, коим несть числа. Музе Пегасовне не слабо в один присест съесть целый торт, скатиться на пузе с ледяной горки, совершенно по-гусарски, под песни и пляски, в развеселой компании уговорить батарею шампанского, при этом читать Пелевина, разделять теорию пассионарности Гумилева, мечтать о том, что внук станет хакером.

Из-за колоссальной начитанности влияние великих довлеет как над ее жизнью, так и над смертью. Пример вечного Агасфера - для нее плохой пример. В своем дневнике Муза Пегасовна завещает похоронить ее скромно, как Льва Толстого. Никаких помпезных памятников - могилу просто обложить дерном. Траурные марши тоже отменяются, только "Реквием" Моцарта. После смерти Муза Пегасовна обещает перевоплотиться в репейник, цепляющийся за

одежды прохожих. И в качестве резюме на той же странице: "А лучше - любите меня сейчас, живой и настоящей".

Мы познакомились лет пять назад, тогда она только вышла из заключения. Судя по итальянской народной мудрости: "Своруй апельсин - сядешь в тюрьму, своруй миллион - станешь министром" - она позарилась на апельсин, точнее на вазочку, которую ей, педагогу музучилища, преподнесли благодарные студенты. Органы квалифицировали вазочку взяткой и упекли мать троих несовершеннолетних детей в места лишения свободы. В последнем слове женщина просила не сдавать детей, в одночасье ставших сиротами, - бывший муж затерялся где-то на просторах жизни, - в детдом и не конфисковывать фортепиано. Неадекватность преступления и наказания была столь очевидна, даже для нашего, самого гуманного суда в мире, что просьбу учли.

Не вынеся с зоны ни капли грязи, Муза Пегасовна и там сеяла разумное, доброе, вечное: руководила хором. Над своей койкой она повесила портрет Рихтера, который страшно раздражал руководство, особенно замполита, - она вспоминает его не иначе, как "два метра глупости".

- Это твой любовник? - тыкал замполит грязным пальцем в портрет.

- Это мой любимый человек, - не покорялась Муза Пегасовна.

Как-то на концерте в честь очередной годовщины советской власти она объявила выступление своего коллектива:

- Хор пьяниц, проституток и хулиганок исполнит песню "Россия - родина моя".

Сидеть бы Музе Пегасовне после таких вольностей и сидеть, но случилась амнистия, а с ней и свобода. Я нашла ее руководителем хора гарнизонного Дома офицеров, который, в свою очередь, по великому благу нашла бывшая лишенка: в приличные места с такой отметкой в паспорте не брали. Раз в неделю, подвижная не по возрасту, оптимистка без всяких на то оснований, Муза Пегасовна добиралась на перекладных к нам в гарнизон, и тогда звучало хоровое пение. Я сама пела под ее дирижирование и как-то сразу поняла, что она не укладывается в обычные мерки. На ней я опробовала свое перо. В преддверии интервью я мучила Музу Пегасовну некорректным вопросом о ее имени. И если "Муза" смущала меня меньше, то "Пегасовна" не поддавалась никакой логике.

- Неужели отца звали Пегас? - допытывалась я.

- Ты что, не знаешь мифологию? - возмущенно противостояла Муза. - Пегас - крылатый конь вдохновения. Все мои предки обожали музыку, живопись, театр, поэтому мой дедушка так назвал своего сына, моего папу.

- Лошадиным именем? - ерничала я. - Чертовски повезло, могли бы - Буцефалом!

В ответ Муза рьяно продемонстрировала свой паспорт. Действительно, черным по белому: "Муза Пегасовна". Бывают же чудачки, столь влюбленные в искусство, что готовы назвать своего ребенка кличкой парнокопытного. И только через годы, когда мы выкурили не одну сигару и выпили не одну рюмку абсента, Муза призналась, что ее дедушка любил не искусство, а революцию. Поэтому, когда родился сын - Музин папа, любящий родитель напрягся, и вышло вполне в духе времени: "Пролетарское Единство - Главнейший Атрибут Счастья", сокращенно - Пегас. В свою очередь, нареченный Пегасом, когда родилась девочка, вполне логично решил, что с его именем ни одно женское имя не сочетается. Разве что Муза. Так появилась Муза Пегасовна, которую уже само имя обязывало служить искусству.

В день выхода газеты, ранним утром, когда нормальные люди еще спят, меня разбудил ее звонок. Муза Пегасовна рыдала в трубку.

- Как вы посмели назвать статью "Мужчины дарили ей вдохновение"? Не мужчины, а любовь, любовь к детям, к музыке дарила мне вдохновение! И почему "дарили"? Вы что, списали меня со счетов?

Я оборонялась единственным аргументом:

- Муза Пегасовна, успокойтесь, у вас это нервное. Скажите спасибо, что мужчины дарили вам вдохновение, многим женщинам они не дарят даже цветы.

Вечером, на диво просветленная, она заявила ко мне с бутылкой шампанского. Статья открыла шлюз любви и благодарности. Люди, доселе шарахавшиеся от Музы Пегасовны, посчитали данный материал реабилитационным и возлюбили ее как прежде. Вдохновленная, Муза Пегасовна не могла не музицировать, после первых же аккордов я получила комплимент в свой адрес:

- Я презираю вас за ваш инструмент.

Так, под звуки расстроенного пианино, мы настроились на дружбу. Статья стала предтечей перемен к лучшему. Муза Пегасовна теперь руководит в городе детским музыкальным театром, в прошлом году даже получила звание заслуженного работника культуры. Но награда, наконец-то нашедшая героиню, не изменила ее привычного режима: по-прежнему раз в неделю она мучает себя ухабистой дорогой, а гарнизон – спевками. Живет она одна, и этому две причины: дети выросли и уехали из нашего города, замужество в своем возрасте она считает абсурдным.

- Мне нравятся мужчины с косой саженью в мозгах, – говорит Муза Пегасовна.

В наших краях таких великанов отродясь не бывало.

Прощай, моя шевелюра! Я распускаю собранные в хвост волосы, напускаю прядь на лицо.

- Муза Пегасовна, подстригите мне челку.

Старушка не ломается: стрижь, так стрижь. Она достает большие ножницы, усаживает меня на стул, я закрываю глаза, а когда открываю их, чуть не падаю со стула: челка, призванная скрыть рану, срезана под самый корень.

- Что вы наделали! Я же урод! Что этим куцым отрезком можно закрыть? – Пялясь в зеркало, я слюнявлю пальцы, пытаюсь опустить на лоб образовавшийся ежик. – Муза Пегасовна, вы что, первый раз стрижете?

- Первый. – Она поигрывает ножницами, пугая меня своей откровенностью. – Ты думаешь, если я старуха, то гожусь только на роль ткачихи или поварихи?

Понятно, пошла аналогия из "Сказки о царе Салтане", где у Музы Пегасовны один достойный для подражания персонаж: "Кабы я была царица, – третья молвила сестрица, – я б для батюшки-царя родила богатыря".

- И как я с этим поеду к генералу? У него будет шок от моей битой и стриженной морды.

- Прекрасно! Шоковая терапия – эффективное средство: зато он ни с кем не перепутает твое лицо. Потом мне спасибо скажешь за создание индивидуального облика. Между прочим, ты значительно помолодела. Рваная челка – основная тенденция современного парикмахерского искусства.

- Ну какое вы имеете отношение к парикмахерскому искусству? – вою я.

Муза Пегасовна не желает знать правду о себе, она нахлобучивает на меня бейсболку и выпроваживает за дверь.

- А ну катись! Духовно развивайся! Ты же молодая, а такой ортодокс в моде.

Мегерой, жаждущей мщения, я скатываюсь по лестнице. Старая карга! С одобрительной улыбкой прослушав мои откровения о перипетиях последних дней, одним движением ножниц вероломно испортила мне жизнь. Вот так всегда – в вопросе взаимных обвинений Муза Пегасовна не переносит взаимности, поэтому дает слово только себе. И в этом есть сермяжная правда: мало ли что я наговорю сторяча, а с прощением у Музы Пегасовны – туго. Ей легче самой сто раз покаяться, чем один раз простить. Кается Муза Пегасовна со всем размахом русской души: смиренно умоляет простить, называет себя дурой, задаривает подарками и покорно – хоть и с бесом в глазах – слушает критику в свой адрес. А вот ритуал прощения обставляет так, что чувствуешь себя смердящим рабом у трона царицы: молчит, вроде бы даже расположена, но взглянет – мурашки по спине и потом еще долго, по поводу и без, выпускает жало.

Стоя на крыльце, я смотрю на свою полыхающую физиономию в зеркало и понимаю: спасти поруганное настроение может только вожденная фиолетовая

торба. Откровенно говоря, старая сумка мне порядком надоела, правильно ее украли. Не зря говорит Муза Пегасовна: "Женщину узнают по аксессуарам". Как всегда, верно – прежняя сумка была неказиста, хозяйку таковой обидеть может каждый. И ведь правда – обидели! С месяц назад я присмотрела в магазине замечательную стильную торбу из фиолетовой замши. Судя по количеству у. е. на ценнике, в расход пустили стадо бизонов. Ну, из чего там шьют сумки... И если до вчерашнего дня только в мечтах соединяла себя с фиолетовым счастьем, то, заполучив деньги Лелика, да еще на фоне утраты, снимающей с меня все моральные обязательства по их целевому назначению, поняла – счастье есть, пусть даже за него приходится платить собственным лбом! Потом, таскать пистолет в авоське – нонсенс, узнают, решат, что я дурочка с переулочка, а мне бы не хотелось.

Что же до места моего проживания, которое Лелик рекомендовал сменить, то есть человек, которому я вру редко или стараюсь не врать, ну здесь уж как получается. Этот человек – я. И я знаю, что, предваряя момент ограбления, за мной гнались лохотронщики, которым Роман отдал команду "искать". Очевидно, потрясенные звуковыми возможностями моей сумочки, они взяли ее на вооружение. При таком раскладе переселение отменяется. Почему не сказала Лелику правду? В этом я себе еще не призналась.

Глянула на часы: вечно опаздываю. Ни свет ни заря за Леликом приехала машина, можно было составить ему компанию, тем более по пути в гарнизон, но ждать респондента под дверью, даже если он генерал, не в моих правилах: снижает планку. Потом, у меня же были свои планы, требующие осуществления. Я погладила сумку, даже через замшу рука ощутила могильный холод пистолета. Фетиш, фетиш! Что ни говори, а есть вещи, при наличии которых чувствуешь себя человеком, даже если в кармане гроши, а на голове черте-те что. Обладая столь мощным подкреплением, мирюсь с челкой и ее создателем. Оказывается, как легко прощать, когда ты – сильный.

Я выскочила на самую кромку тротуара, выставила на всеобщее обозрение фиолетовый бок и, балансируя на грани несущихся машин, подняла руку. Белая "шестерка", отделившись от потока, резко затормозила.

Мы еще не выбрались из городской черты, а время зашкаливало. Я постучала по циферблату.

– Цигель, цигель, ай-лю-лю!

Водитель понял, благо воспитаны в одной культуре, и, резво перестроившись, дал по газам.

– За сколько едем? – Конечно, меркантильные вопросы следует решать на переправе, но и сейчас не вечер.

Он оторвал взгляд от дороги, посмотрел мне в глаза.

– А вы за сколько хотите?

– А ни за сколько.

Судя по его смущенному взгляду, не смеющему даже скоситься на мои колени, по старомодной "шестерке", тип передо мной неизбалованный, в порочных связях не замешанный.

Оторопев от моей наглости, он уставился на дорогу. Наверное, вспомнил: заговаривать с незнакомыми женщинами мама не советовала.

– То-ва-риш, – нараспев произнесла я, – молчание знак согласия.

Едва не выпустив руль, товарищ прыснул и расхохотался.

– Согласен.

Я не испытывала чувства благодарности, за поднятие духа мне самой надо платить. Ехал тютя-матютя, а сейчас – нормальный мужик: врубил музон, без робости, с этаким прищуром оглядывает меня. Мы подъехали к КПП гарнизона, машина остановилась у шлагбаума. Я опустила стекло, протянула выбежавшему матросу журналистское удостоверение.

– К комдиву, у нас назначена встреча.

Шлагбаум поднялся, мы въехали в гарнизон, пересекли его по бетонке, выложенной между КПП и выкрашенным в желтый цвет штабом дивизии. Кивнув водителю, я распахнула дверь.

Тучный капитан с повязкой дежурного по штабу сопровождал меня на второй этаж, прямо по коридору с множеством дверей, потом налево, опять налево. Легко заплутать в коридорах власти. Мы подошли к нарядной двери, на стене табличка: "Командир дивизии. Генерал-майор Чуранов Тимофей Георгиевич". Я не могу ждать, пока сопровождающее меня лицо справится с одышкой, и распахиваю дверь. Пытаясь пресечь произвол, капитан дергает меня за рукав, но я уже в кабинете. Кого я вижу! Лелик! Меня преследует капитан.

- Я доложу обо всем командующему, - говорит он.

- Это ваше право, товарищ полковник, - доносится из глубины кабинета генеральский бас.

Лелик разворачивается к выходу и натывается на меня. Совершенно синхронно генерал и Лелик обнаруживают мое присутствие.

- Что ты здесь делаешь?

Выскочивший из-за моей спины капитан теснит меня к двери всей своей массой и испуганно бормочет:

- Товарищ генерал, она сама... журналистка... сказала, что интервью...

- И что ты хочешь, журналистка? - вопрошает генерал.

Ну что ж, генерал первый задал этот тон, и я только следую правилам его игры. Подхожу к самому краю стола и, выставив ногу в матовой лайкре, говорю прямо ему в глаза:

- Все.

- Садись, - кивает генерал.

Присутствие Лелика делает эту сцену особенной. Да, Лелик и сам не прочь обогатить драматургическую палитру - он подходит ко мне и, обняв за плечи, целует в щеку.

- Здравствуй, Вака.

Ничего себе сюжетный поворот, тем более сегодня мы уже здоровались! Не знаешь, как и реагировать.

Лелик хлопает дверью.

Исчерпав лимит текста, я сажусь напротив генерала. Пока справляюсь со своими эмоциями в попытке уразуметь, зачем Лелик полез целоваться в высоком присутствии, генерал отвечает на звонки, одновременно перебирая бумаги. Что это было? Вторая волна бунта против генерала или неконтролируемое проявление чувств? И о чем таком Лелик собирался докладывать командующему? Не о кассете ли, которую сам и уничтожил? Если б не моя запасливая натура, бунт не имел бы смысла, а так всегда можно залезть под диван и выудить компромат. Вот что я скажу тебе, Лелик, за ужином.

- Кепкуними, - потребовал генеральский бас и, видя мое недоумение, пояснил: - Хочу разглядеть тебя.

- А что меня разглядывать. - Не обнажая головы, я откинулась на стуле. - Рост метр семьдесят, блондинка, глаза зеленые.

- Подходишь, - сказал генерал. - Ну, где твои вопросы?

Я включила диктофон.

- Начнем с детства.

- А Шуйского меж нами нет? - спросил генерал.

Где я слышала эту фразу и с такими знакомыми интонациями?

Диктофон крутил уже вторую кассету, а я все мучила Тимофея Георгиевича воспоминаниями его отрочества. Время-то купленное, в 17 часов - встреча с избирателями, так что будем беседовать до упора. Как и положено генералу, родился в глубинке, все детство пас гусей и мечтал о небе. Все остальные подробности прошли мимо меня, благо диктофон не дремлет.

Где я слышала эту фразу с такими знакомыми интонациями? И почему это так важно для меня? Вот о чем думала я, псевдовнимательно слушая эпопею его сопливого периода. И еще смотрела на своего собеседника и думала: неплох актер, искренность так и прет, ни один физиономист не обнаружил бы в генерале человека с двойным дном. Хорошего рисунка голова, благородная седина и интеллигентные руки, не стыкующиеся с крестьянским происхождением. Опять же, откуда у бедного крестьянского хлопца мог

появиться рубль Константина, не клад же он выкопал? А если не выкопал, то купил, но на офицерскую зарплату такую монету вряд ли купишь, если, конечно, не воровать. А генерал ворует – вот вам и ответ. Если не вспоминать о кассете и монете, он даже симпатичен мне. Беда в том, что помню.

За окном надрывались самолеты, я пододвинула диктофон поближе к генералу.

– Тимофей Георгиевич, почему вы не женаты? – Банальные вопросы зачастую выдают червоточины души.

– Это тоже детский вопрос? – Усмехнувшись, он встал и подошел к окну. – Но если тебя интересует, был женат дважды. Я же злодей, жить со мной невозможно, вот они и сбежали от меня. Решил больше не портить жизнь женщинам. Черт возьми! Что он делает?

Генерал подскочил к телефону.

– Немедленно соедините с руководителем полетов! Что там у тебя творится?

Роняя стул, я бросилась к окну. Вдалеке, над желтеющими сопками, беспомощно кувыркался истребитель. В крошечной тишине он тюкнулся носом о сопку, и взрыв пламени разорвал тишину. Матерясь, генерал швырнул трубку и рванулся к выходу. Я – за ним. У самой двери, едва не сбив меня, он развернулся, схватил со стола зеленую папку, засунул ее в сейф, запер на ключ, ключ положил в карман кителя. Именно так: не кинул, не бросил, а – положил, крайне бережно.

Обгоняя пожарные машины и машины вспомогательных служб, генеральская "Волга" влетела на аэродром. Проскочила по бетонке, вспарывая гущу вавилонского столпотворения машин и людей, затормозила около вертолета с медицинским крестом на борту. Генерал выскочил из машины. Всю дорогу, когда меня швыряло разные стороны на заднем сиденье, я твердила:

– Ничто не предвещало беды, ничто не предвещало беды.

А теперь, как ватная кукла, не могу выйти из машины и понимаю, что все, все предвещало беду. И то, что я встретила его в кабинете генерала и то, что он вернулся и поцеловал меня, и даже его губы, их прощальный вкус. Все расступились, и я увидела, что к вертолету принесли носилки, и я не видела лица того, кто на носилках, но знала: это – он.

Генерал склонился над телом, потом обернулся ко мне, и я вышла из машины. В бреду, с трудом преодолевая каждый шаг, шла к носилкам. Мертвый Лелик с почерневшим лицом. Я вспомнила, что покойникам всегда закрывают лица простыней и тогда они белые, а Лелик весь черный.

Я провела пальцем по его лицу, палец был в копоти, и светлый след остался на его щеке. Неожиданно кто-то крепко сжал мое запястье, я опустила глаза и чуть не пала замертво: рука покойника, черная как сажа, вцепилась в меня и потянула к себе.

Тот, кого я похоронила, открыл глаза и прошептал замогильным голосом:

– Вака, я живой. Найди майора Климошкина.

От этого ужаса, от того, что Лелик то жив, то мертв, у меня закружилась голова, я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

До чего же все-таки грубо будить девушку нашатырем: все приятные сновидения разом улечиваются, в голове – искры, вокруг – резкий запах этой гадости. Я очнулась в машине, на заднем сиденье. Умолившийся рядом генерал усердно тыкал мне в нос мокрой от нашатыря ватой. Судя по мелькающим за окном пейзажам, мы только что выехали из гарнизона.

– Очнулась? Надо же, какая хилая, только и знаешь, что падать. И как таких только берут в газету? – оставив в покое мой нос, промолвил генерал.

Какое это сейчас имеет значение! На запястье левой руки следы сажи, значит, возвращение Лелика к жизни – не сон.

– Что с Власовым?

– Неудачно катапультировался, что-то с ногой, вроде бы сотрясение мозга, окончательный диагноз поставят в госпитале.

– А с самолетом что?

- А-ва-рия! По всей видимости, отказ двигателя, будет работать комиссия, расшифруют записи черного ящика, тогда и узнаем.

- И часто у вас двигатели отказывают?

- Вот свяжись с журналистами, всю душу вымотают. И ведь надо же, на лучшей машине! Если б за штурвалом был другой летчик, не такой опытный, как Алексей, не ехал бы я с вами, а организовывал похороны.

От его откровения меня прошиб пот. Значит, Лелик был на волоске от смерти. Почему это случилось именно сегодня, сразу после того, как генерал узнал, что Лелик собирается доложить командующему. Что Лелик хотел доложить командующему?

- Куда тебя везти? - спросил генерал.

- Если вы на встречу с избирателями - я с вами.

- Ты что, с луны свалилась? Какая встреча, какие избиратели! - заорал генерал. - У меня летчик чуть не погиб, новейший истребитель е... - Генерал осекся и, так и не подобрав приличного синонима, ударил кулаком по спинке. От его удара и без того съездившийся шофер вздрогнул, машина подпрыгнула, меня бросило на сиденье.

- Воды, - закатив глаза, прошелестела я.

- Вот почему баб не берут в авиацию! - Генерал врезал водителю по плечу.

- Купи ей воды.

Притормозив у продуктовой палатки, водила бросился выполнять приказ.

- Лимонада, большую бутылку, - стонала вдогонку я.

- Тьфу, зараза! - Генерал вышел из машины и скомандовал: - Возьми ей два литра, может, лопнет.

Смачно хлопнув дверцей, он пересел вперед.

Итак, приказано - лопнуть. Машина мчится по городу, дом Музы Пегасовны уже на горизонте. Осторожно, чтобы не заметили, я взбалтываю бутылку, хотя и без того трясет. Генерал уже не рычит, он просто пухнет от ненависти.

- И где твой дом?

- Скоро, - тихонько обещаю я.

- Если я из-за тебя опоздаю к командующему, голову оторву... - белыми от злости губами говорит он.

- Кому оторвете? - невинно уточняю я.

- О-о-о-о! Если б ты была здорова, выкинул бы тебя прямо здесь! Подлец Костомаров, прислал какую-то раненую... - стонет генерал. - Тебе! Тебе и моему Власову все оторву!

Я стараюсь держаться в рамках светского разговора, моя учтивость в условиях, далеких от полевых, - полный аналог оружия стратегического назначения, - доканывает боевого командира дивизии.

- А вы что, способны оторвать все? - спрашиваю я, уже зная, что вопрос - риторический.

Способен. А вот на что способна я, тем более ради Лелика, генерал не знает.

- Вон! - орет генерал.

Я резко откручиваю крышку, бутылка хлещет в него приторной струей фанты. Глаза у генерала, обтекающего желтыми пузырями, круглые-круглые, он силится что-то произнести, но губы застыли в немом крике. Шофер тоже не в лучшей боевой форме: забыв о дороге, уставился на командира. А ведь все так просто: возьми бутылочку, закрути крышечку - и нема фонтану. А еще верный конь! Отпустил удила, и мы въехали в ограждение. Последняя точка в происходящем бедламе. Ничего себе логическая цепь событий: у меня пересохло горло, генерал - мокрый, машина - вдребезги. Генерал вырвал бутылку из моих рук, вылил себе в горло последние капли, выкинул бутылку в окно и как зверь затряс всем телом, брызги летят во все стороны. От страха я жмурю глаза.

- Ну что ты наделала? - миролюбиво спрашивает он.

От его толерантности извинение было готово сорваться с моих губ, но тут я вспомнила, что меня на мякине не проведешь - видела я таких добреньких и нежных.

- Товарищ генерал, это все газы! Пойдемте к моей тете. Она вон в том доме живет, она вас мигом приведет в божеский вид. Ну не тащиться же вам за сухим костюмом обратно в гарнизон, - уговариваю я, а напоследок услужливо подсказываю:

- Командующий, наверное, не любит, когда опаздывают?

Он искоса посмотрел на меня, плюнул самым что ни на есть хулиганским манером под ноги и сказал:

- Веди.

Мы двинулись к подъезду, впереди я, за мной - мокрый генерал. Уже в подъезде он останавливает меня.

- Тетка тоже пишет?

- Да нет, - успокоила я его, - она спектакли ставит. Зовут Муза Пегасовна.

- А нормальные люди в твоей семье есть?

Ну что тут ответишь: к сожалению, нет.

Мизансцена: генерал и Муза Пегасовна в прихожей ее квартиры. Я - тоже здесь. Уж не знаю, чем таким особенным Муза Пегасовна взяла генерала. Если я верно трактую увиденное, то она просто инсценировала условия, максимально приближенные к боевым, наиболее комфортные для человека военного. Как разглядела за моей спиной хоть и мокрого, но генерала, так тут же и нашла банальнейшее решение этюда с заданным героем: бей в барабаны, труби в трубы, будем делать войну! И если меня Муза Пегасовна оставила на задворках яростных атак, то себе самозахватом присвоила маршальское звание вражеской армии.

Генерал тоже не дурак, хоть и мокрый, а сразу в стан противника, прощупать: силен ли? Галантно протянул Музе Пегасовне руку и припал к ее ладони.

- Тетка-то красавица!

- Была красавица, а сейчас старуха.

- Ну что вы, какая же вы старуха? - Генерал все еще искал в Музе Пегасовне приметы женщины обремененной, способной на жеманное кокетство, но никак не на трезвый взгляд.

- Самая настоящая. И вообще, я не понимаю, зачем нужна старость? - не дрогнула под тяжелой артиллерией комплиментов Муза Пегасовна.

Генерал не был желторотым недопеском и оценил ее мужество. Поэтому и позволил Кармен на пенсии то, чего, видимо, давно и никому не позволял:

- Тимофей Георгиевич Чуранов, генерал-майор авиации. Для вас, Муза Пегасовна, просто Тима.

Я знаю, как Муза Пегасовна ценит свободу, отсюда и пренебрежение всеми подарками, особенно дорогими. Ей легче раздать все, чем взять.

- Нет, нет, - строго сказала она, - что это за недоносек "Тима"? Только Тимофей Георгиевич. В крайнем случае - Тимофей.

Я едва не пала смертью трусливых здесь же, в коридоре. Что эта взбесившаяся старуха себе позволяет? Эпатаж эпатажем, но где хоть минимальное уважение к чину? Генерал тоже ведет себя странно - вместо привычной нервозности, бросает какие-то странные реплики.

ГЕНЕРАЛ: Стрелялись?

МУЗА: Нет.

ГЕНЕРАЛ: Рубились?

МУЗА: Нет, нет...

ГЕНЕРАЛ: Так это против правил.

Маскарад, да и только.

Потом Муза Пегасовна кладет свою ладонь на запястье совершенно ручного генерала и говорит:

- Тимофей Георгиевич, сейчас вы примете душ, Варвара почистит ваш мундир, я угощу вас сигарой и коньяком.

- С удовольствием. - Генерал пробует галантно расшаркаться.

Где он только подцепил этот вульгаризм, не у гусей ли?

- Вы что, какой коньяк? К командующему подшофе поедете, Тимофей Георгиевич? - возмущаюсь я, и вовсе не из-за того, что мне выпала самая

незавидная доля: неужели генеральский китель – моя цель? Обидно за поколение: Сенькина била-била, я била-била, а престарелая Кармен даже мимо не бежала, а генерал – всмятку.

– При чем тут командующий? – обрывает меня генерал.

Действительно, при чем? Когда рядом – маршал.

– Мне всегда нравились мужчины, от которых пахнет дорогими сигарами и коньяком, – огласила приговор Муза Пегасовна.

Будь у генерала конь, он бы на нем гарцевал, были бы усы – он бы их залихватски подкручивал, но за неимением перечисленного генерал приосанивается. В таком виде и следует за Музой Пегасовной в ванную комнату.

Пока генерал принимает душ, я под руководством Музы Пегасовны мокрой тряпкой тру его китель.

– Ну, и зачем ты притащила его ко мне? – спрашивает она.

– Муза Пегасовна, вы же сами видели, – трясусь я кителем, – генерал весь в фанте...

– Варвара, я ведь не спрашиваю: как ты его притащила? Я спрашиваю: зачем? – настаивает Муза Пегасовна.

Меня прорывает, я бросаю ненавистный китель на пол, с остервенением топчу его ногами, бурные всхлипывания и слезы хлещут из меня рекой. Едва справляясь с голосом, я пишу Музе Пегасовне о Лелике, о том, как я встретила его, какой он настоящий, о подслушанном разговоре, о вероломстве генерала и Костомарова. И когда дохожу до Лелика, что как мертвый лежал на носилках, в горле перехватывает, рыдания душат меня, нет сил дышать. Безмятежная доселе как сфинкс, Муза Пегасовна вlepляет мне пощечину.

С красной строки: щека точно обожженная, я хватаю воздух губами и... прихожу в себя. Муза Пегасовна выуживает из темного угла бутылку "Зеленой феи". Для употребления абсента нужен особый случай, сегодня он есть. В узкие высокие прозрачные стаканы вслед за глотком абсента медленно, буквально по одной капле, Муза Пегасовна добавляет минеральную воду. Мы молча чокаемся, вкус полыни обжигает горло. И в тот же момент в гортани возникает ощущение ни с чем несравнимой свежести.

– Странно, – говорит Муза Пегасовна, – все, что ты говоришь, похоже на правду, но это так не стыкуется с Тимофеем Георгиевичем, полный диссонанс и дисгармония.

– Муза Пегасовна, вы же знаете его пять минут...

– Варя, не забывай, сколько мне лет, мне хватает и пяти минут, чтобы узнать человека.

С ее молчаливого согласия вытаскиваю из кителя генерала связку ключей, без лишних слов Муза Пегасовна приносит пластилин, и я вдавливаю в него ключи, один за другим.

Из солидарности с Леликом я отказываюсь курить в обществе генерала.

– Муза Пегасовна, я решила бросить курить.

– Не бросай, – протягивая коробку с сигарами, говорит Муза Пегасовна, – потеряешь компанию.

Мы дышим в полной тишине. На противоположной стене, едва не касаясь крышки рояля, висит внушительная и очень приличная копия картины Тьеполо "Пир Клеопатры". Похоже, Клеопатра, бросающая в бокал жемчужину, занимает не только меня, но и генерала – после длительного прищуривания он оставляет кресло и, походя брякнув на рояле несколько связных аккордов, без всякого почтения дымит египетской царице в лицо. Тимофей Георгиевич выуживает из кармана очки. По-моему, он взял след жемчужины. Интересно, укус в нос нешибает?

– Клеопатра, желая продемонстрировать римлянам свое пренебрежение к богатству, растворила в уксусе одну из крупнейших в мире жемчужин, – голосом уставшей императрицы, с той степенью обыденности, словно все происходящее на картине – из ее жизни, комментирует Муза Пегасовна и,

бросив в изголовье подушку с золотыми кистями, величественно раскидывается на диване цвета горького шоколада.

- Вам нехорошо? - спрашивает генерал у возлежащей Музы Пегасовны.

- Как раз наоборот, генерал, - говорит она, пуская в потолок кольца дыма, и добавляет: - Классическая литература допускает принятие гостей в лежащем положении.

Хмыкнув, генерал попеременно вглядывается то в Клеопатру на картине, то в Музу на диване, опять на Клеопатру и снова - на Музу... Сравнивает он их, что ли? Не знаю, находит ли он это сходство достаточным, но, бережно неся сигару, отросший пепельный ствол коей как любовник молодой жаждет пепельницу, возвращается в кресло, и мы опять дышим в полной тишине. В принципе при таком ассортименте табака, представленном в коллекции хозяйки дома, слова излишни. Выбор каждого - красноречивей любых тестов. Как самая мелкая, я мусолю во рту внушительную "Гавану" - Montekristo, генерал нашел отдохновение в Romeo у Yulietta, Муза Пегасовна заявляет о себе клубами Artist Line. На фоне столь разных пристрастий мы выказываем единодушное одобрение коньяку Hennessi, который и потягиваем, наслаждаясь ощущениями под завесой ароматного тумана. Пользуясь завесой, я незаметно исчезаю.

ЛОХМАТЫЙ МАЛЫШ И ДЕВОЧКА МАША

Который день, с тех пор как командование полком принял капитан второго ранга Иван Шкарубо, взвод женщин-военнослужащих узла связи проходил курс молодого бойца. Без роздыха, с редкими перерывами на обед, холостячки и матери семейств обучались нелегкой воинской науке: под "Прощание славянки", до кровавых мозолей, строем, шеренгами по три, печатали шаг. По команде "Противник с фронта. К бою!" слабый пол, облаченный в пятнистый камуфляж, беспрекословно валился на сырую землю и отражал нападение врага, существующего только в фантазиях командира, очередями из автоматов Калашникова. Приказом Шкарубо было запрещено на время учений передвигаться по территории части шагом, только бегом.

Нашла их и утренняя зарядка с ежедневными пробежками, отжиманиями от пола и подтягиванием на перекладине. Вис на перекладине особенно тяжело давался Бибигонше: ее мощное тело не могли бы поднять даже руки тяжеловеса, не то что ее собственные. От солдатских нагрузок адмиральша не только забыла о рюмке, не только стремительно сбавляла вес, но и значительно помолодела. Но беда не приходит одна - наряды из заветного чехомодана теперь болтались на адмиральше как на швабре. Впрочем, носить их не представлялось возможным. Как и все однополчанки, она знала теперь только одну форму одежды - уставную, злобный Шкарубо не делал никаких скидок званиям. А ведь сейчас Ева как никогда нуждалась в привлекательности.

Случилось странное. Впервые в жизни она поняла, как приятно подчиняться мужчине, этому медведю Шкарубо. Откровение, смутившее ее душу, постигло Бибигоншу в висячем положении. Мощным рывком командир подхватил куль ее тела и поднял до перекладины. Еще долго Ева не могла очнуться от захвата его сильных ладоней на своей талии. Да, да, у нее появилась талия! Вкупе с жировыми отложениями шла под откос и личная жизнь.

Прилетевший на побывку Жора так и не смог добиться от Наташи не только домашнего ужина, сдобренного нежными словами, но и ожидаемых ласк. Поздним вечером, измотанная беспределом начальника, она доползла до постели и свалилась замертво. Тихое дыхание да трепет каштановых ресниц подсказывали Жоре, что подруга пока только спит. Его поцелуи, на которые ее тело всегда отвечало желанием, теперь были не в силах пробудить в ней хоть проблеск такового. Наташа, чье женское начало было так близко, что он порой пугался ненасытности ее натуры, напоминала труп.

Всю ночь Жора мучил себя вопросом: "Может ли мужчина, неспособный разбудить женщину, считать себя мужчиной?" Вопрос остался открытым, более того, тяжким грузом лег в копилку его комплексов. Был дисквалифицирован и

будильник, загорлавивший под утро. Пришлось Жоре брать спящую красавицу на руки и, презрев рычащего Малыша, нести в ванную. Только струя холодной воды смогла сделать с Наталией то, что у А.С. Пушкина сделал обычный поцелуй. И если после пробуждения героиня классика рванула под венец, то путь прапорщика Киселевой, как и всех связисток, был заказан не поэтом, а служивым.

Шкарубо ввел новый порядок построений, привычный для него еще со службы на эсминце. Ровно в восемь утра, и ни секундой позже, под то же "Прощание славянки" над плацем взвивался Андреевский флаг. И если кто, кроме Шкарубо, получал удовольствие от сей церемонии, так это Малыш: развальясь у ног своей хозяйки, он запрокидывал голову к небу и с надрывом, перекрывая команды, выл на всю ивановскую. Да девочка Маша: присев на корточки в безопасной близости от отца, она вытягивала губы и корчила псу рожи.

Глядя на этот цирк-шапито, капитан второго ранга Шкарубо беленел от злости и бессилия. Не мог же он, боевой морской офицер, гонять собак по гарнизону. Под его взглядом, пронизывающим до печенки, как норд-вест, даже Наташе было неуютно. От этой неуютности она и шлепнула Малыша по морде. Но легче не стало. Живым укором лежал Малыш у ее ног, изредка поднимал на прапорщика Киселеву влажные собачьи глаза, словно не понимал: за что, ведь хозяйке всегда нравилось его пение, даже колбасой кормила, а теперь вот – шлепнула. В мертвой тишине, воцарившейся на плацу, капитан второго ранга обратился к строю:

– Здравствуйте, товарищи связисты!

Строй набрал воздух для приветствия и уже был готов достойно ответить своему командиру, как вдруг, неожиданно даже для себя, Наташа тихо, но внятно сказала Малышу:

– Голос.

В восторге от своей востребованности, от того, что хозяйка не сердится и, наверное, уже приготовила для него колбасный шмат, Малыш залаял во всю свою собачью пасть. Личный состав полка громогласным гоготом поддержал пса, сумевшего в такой лаконичной и доступной форме выразить общественное мнение по поводу всех этих реформ.

– Немедленно убрать собаку с территории части! – срываясь на крик, приказал Шкарубо.

Несколько офицеров бросились к собаке, но девочка Маша, шустрая такая девчонка, опередила всех. Раньше, чем отец успел прокричать, она схватила Малыша за ошейник и потащила за собой с плаца. Вслед маленькой девочке и большой лохматой собаке неся гневный командирский приказ, нашлись люди, готовые исполнить его. Нарушив строй, путаясь в тяжелой шинели, Наташа побежала за ними, но, сколько ни плутала среди домов, ни звала в подвальные окна, так и не откликнулись большая лохматая собака и маленькая девочка.

Ночью, когда взрослые, а тем более дети, спят, семья Шкарубо резалась в подкидного дурака. Чуть раньше Иван Шкарубо вернулся со службы и, приняв душ, с мокрой головой вышел на кухню. Поразительно коммуникабельный ребенок Маша сегодня собирала на стол молча.

– Чем это у нас пахнет? Муха, у тебя ничего не пригорело? – спросил Шкарубо, садясь к столу.

Маша лишь покачала головой. Она поставила перед ним тарелку с макаронами, в большую синюю кружку налила чай.

– Муха, достань колбасу, – сказал отец.

Вместо того чтобы распаковать холодильник, Маша спиной припала к нему, словно заняла оборону, и затараторила:

– Папочка, а ничего нет. Я съела.

– Целый батон? – удивился Шкарубо и даже подумал, до чего некалорийно он кормит ребенка, если дочь способна за один присест умять столько колбасы.

– Остальную выкинула, – бодро продолжала Маша. – Совершенно несвежий продукт.

Шкарубо взял дочь за руку, притянул к себе.

- Рассказывай.

И тогда, понутив голову после молчания и тяжелого вздоха, Маша крикнула куда-то в комнату:

- Малыш!

Вслед за шумом, будто кто-то двигал диван, и топотом на кухне появился лохматый, мокрый Малыш. Остановясь на пороге, он встряхнулся всей своей массой, от кончика хвоста до черного кожного носа. Капли брызг упали на стол, в тарелку с макаронами, на которой не было колбасы, дождем посыпались в синюю кружку.

- Так вот чем пахнет! - выдохнул Шкарубо, утирая лицо.

- Папочка, он чистый, я его мыла, - не давая опомниться, чистила Маша.

- Где?

- В ванной! - с радостной готовностью ответила она.

Малыш тем временем бесцеремонно развалился на пороге, перегородив путь отступления из кухни. Потрясенный видом мокрого чудовища, с которым пришлось делить ванну, Иван откинулся на стуле, закрыл лицо руками. Маша никак не могла понять по его вздрагивающему телу, по всхлипывающим звукам, плачет отец или смеется. Но ведь папа никогда не плачет. И когда он отнял руки от лица, Маша увидела, что нет, не смеялся, так строго звучал его голос:

- Понимаешь, Маша, я не могу оставить его. Командир не имеет права отдавать приказы, которые сам нарушает.

- А если приказ бестолковый?

- Значит, командир... - вздохнул Шкарубо и с горькой усмешкой добавил: - Приказы не обсуждаются.

Другой ребенок забился бы в истерику, требуя оставить собачку, но только не Маша. Как и положено хорошей хозяйке, она собрала со стола тарелку с недоеденными макаронами, синюю кружку с невыпитым чаем, поставила посуду в мойку и даже вытерла тряпкой стол. Оглядев, все ли в порядке, без единого слова, она переступила через развалившегося Малыша в коридор. Молчал и отец; руками подперев голову, он смотрел на собаку.

- Малыш! Малыш! - донеслось с улицы.

Шкарубо подошел к окну. Прищурившись, рассмотрел одинокую женскую фигуру, бредущую по ночному гарнизону, и даже узнал в этой фигуре прапорщика Киселеву. Отсюда, с высоты пятого этажа, не разглядеть, но он явно представил ее в тяжелой длинной шинели, вспомнил, как, путаясь в развевающихся черных полах, она бежала по плацу. И ветер дышал рыжей копной ее волос. Что-то в ней было от гимназистки, получившей незаслуженную двойку.

- Малыш! Малыш! - будоражила прапорщик Киселева спящую провинцию.

Шкарубо обернулся на звук шагов. Маша, тянувшая Малыша за холку, была полностью экипирована для дальней дороги. Помимо теплой куртки и ботинок, за спиной болтался набитый рюкзак.

- Отчаливаем, Малыш, - сказала она.

Он знал решительный характер своего ребенка; если что надумает - то раз и навсегда. Вот тогда капитан второго ранга Шкарубо, выдвинув ящик, кинул на стол колоду карт.

- Сыграем? - предложил он, кивнув на Малыша.

- А как же приказ? - еще не веря такому раскладу, спросила Маша.

- Карточный долг, долг чести, - сказал Иван, тасуя карты.

- Все равно я проиграю.

- Может, повезет. - Споро, руками опытного картежника, он раскидывал карты.

- Что-то до этого не везло, - заметила Маша, но карты в руки взяла.

Она знала своего отца, который предлагает только один раз. Не снимая рюкзака, Маша забралась с коленями на табурет и посмотрела на остатки колоды, лежавшие между ними.

- Что там козырь? Крести, дураки на месте.

Малыш словно почуял, от какой ерунды зависит его судьба. Поднявшись с насиженного места, пес долго, тревожными кругами ходил вокруг стола: наверное, из любопытства, чем сердце успокоится, смотрел на несерьезные

картонки с изображениями, которые игроки припечатывали к столу. И когда ожидание стало невозможным для чувствительного собачьего сердца, а картонки по-прежнему мелькали, Малыш подошел к Ивану и, добросовестно обнюхав со всех сторон, доверил свою великолепную львиную голову его коленям.

- Это не по правилам, - сказал Шкарубо, но уже не так эмоционально размахивал руками.

Маша перегнулась через стол и потрепала Малыша за ухом. Не меняя положения - животом на столе, - она и скинула последнюю карту, пиковую девятку.

- Сдаюсь, - объявил Шкарубо, стребая в охапку дочь и собаку.

Маша будила соседей восторженным визгом:

- Ура! Я выиграла! Малыш, ты наша собака!

Бескорыстно, на полную катушку, как умеют радоваться только собаки да дети, Малыш крутил хвостом аки пропеллером, словно собрался в полет. Возможно, от его оборотов пес взлетал, и тогда шершавый собачий язык проходил по лицам Ивана и Маши. А может, и не хвост вертел собакой, а что-то другое, более важное, о чем редко говорят люди, а собаки - знают. Отстранившись от отца, Маша спросила:

- А ты не жульничал?

Шкарубо покачал головой и для пущего эффекта произнес слова клятвы:

- Крест на пузе.

Но Маша не поверила и клятве.

- Чем ты не смог отбиться?

За спиной дочери боевой офицер совершил подлог и клятвopреступление: крестовый туз, зажатый в его руке, был тайно возвращен в колоду.

Говорят, возвращаться - плохая примета. А Наташа вернулась. Нет, с утра, вместе с зарей, она, как все, выскочила из дома на пробежку и даже подтянулась на турнике двенадцать раз. Потом опять был душ, и она вышла из него, закутанная в махровый халат канареечного цвета, особенно оттенявший ее каштановые кудри, потемневшие от воды. Перемолов ручной кофемолкой зерна арабики, Наташа поставила на огонь медную турку. И пока кофе стоял на плите, пока не зашелся коричневой пеной, она подошла к собачьей миске на полу и взяла ее в руки. Наполнила миску водой и вернула на то место, где она всегда стояла.

Уже после кофе, когда дом то и дело хлопал дверями, Наталия высушила феном шевелюру, натянула черную юбку и форменную рубашку с двумя звездами - оделась быстро, по-солдатски. Потом снова выскочила из дома и побежала к части. И опять она была как все: и слева, и справа, со всех сторон к плацу спешили женщины в черных шинелях.

Поравнявшаяся с ней Скоморохова бросила на бегу:

- Прекрасно выглядишь, Натали! - и побежала вперед.

Не было ничего обидного в этих словах, но Наташа остановилась. И словно со стороны увидела себя, здоровую, сытую, при погонах и должности, с надежным куском хлеба не только на завтрашний день, но и на всю неделю. На фоне Малыша, преданного людьми, скитающегося где-то в сопках, среди волков, ее благополучие было омерзительно. И тогда Наташа пошла не как все, наперекор толпе.

Она вывернула весь шкаф на пол и вытянула из груды вещей самый вызывающий наряд: расклешенные джинсы с бахромой - в таких завоевывают дикий Запад, - маленький алый топ, сшитый из одних лямок, и джинсовую шляпу с полями. Нарядившись ковбойкой, она вышла из дома. Алый топ, оголявший спину и плечи, был не по погоде, но Наташа не зябла, напротив, ей было и жарко, и весело. Широкими шагами меряя дорогу к штабу, она с вызовом смотрела в амбразуру командирского окна. Каждый новый шаг, приближающий к цели, наполнял сердце девушки отвагой и уверенностью, что все прерии и все мустанги ей по плечу. И даже кольт под сильной рукой казался реально существующим. И она положила руку себе на бедро, словно сжала его точеную рукоятку.

Без всякого стука, ударом ноги распахнув дверь командирского кабинета, она предстала перед Шкарубо. Тот поднялся из-за стола и подошел к ней.

– Что вы хотели? – спросил командир, и по его обычному тону было непонятно, заметил ли он революционные перемены во внешнем виде прапорщика.

Наталья, сняв руку с воображаемого кольца, занесла открытую ладонь и врезала ею по крестьянскому лицу Шкарубо. Гулко, наподобие выстрела, пощечина наполнила кабинет, и Наташа явственно почувствовала запах пороха. Перехватив на излете ее запястье, полыхая наливающейся кровью щекой, Шкарубо молча, как скала, на которую внезапно обрушился ураган, смотрел в ее серые глаза, прозрачные, словно здешние озера. Не предпринимая ни малейшей попытки освободиться, левой рукой она вытянула из кармана обтягивающих бедра джинсов смятую бумагу.

– Читайте!

Таким голосом, какой был у нее, обычно города берут, а уж если голос подкрепляется пощечиной, можно брать и морского волка. По-прежнему сжимая ее руку, Шкарубо зачитал вслух:

– Рапорт. Требую уволить меня из рядов вооруженных сил. Немедленно.

Со стороны, если бы внезапно появился третий, они смотрелись влюбленными голубками, даже во время службы не разжимающими объятий. Словно Наташа пришла к Ивану и он, лаская ее пальчики, зачитывает с листа очередной сонет, посвященный ей, и только ей. Едва Киселева успела подумать о третьем и о том, что сама не знает почему, но отнимает руку, как этот третий, а за ним и четвертый появились в кабинете. Вернее, они всегда были здесь и еще раньше, до ее вторжения, забрались под стол, теперь с радостными воплями и лаем бросились к Наташе.

Лохматый пес Малыш, повизгивая от обуревавших его чувств, облизал Наташины руки и лицо. В танце индейских аборигенов запрыгала смешная девочка Маша. И когда Наталия, желая обнять Малыша, свела руки, Шкарубо оказался столь близко, будто что-то тянуло его к ней. Или ее к нему. От того ли, что нашелся Малыш, живой и невредимый, а может, по другой, ей самой неизвестной причине, слезы подступили с такой стремительной готовностью пролиться озерами, что Наташе, переполненной этими непрошеными слезами, ничего не оставалось, как только запрокинуть голову.

– Разрешите идти, товарищ командир? – произнесла она, разглядывая белый потолок кабинета.

– Идите, Наташа, – сказал Шкарубо.

Она почувствовала, как нехотя он разжал пальцы.

"Или у него просто свело руку", – выходя за дверь, подумала Киселева, и не поверила себе.

Лохматый пес Малыш и девочка Маша бросились за ней. По пути Маша подхватила бесполезно валявшуюся под столом бумагу, которую несколько минут назад вытащила из тесных джинсов Наташа, а потом ее вслух зачитывал отец.

Капитан второго ранга Шкарубо смотрел в окно. По плацу, хохоча на все лады, размахивая руками и хвостом, шла экзотичная компания: высокая девушка с упругим, как у амазонки, торсом, в потертых джинсах и шляпе, достойных заправского ковбоя; старший матрос дошкольного возраста с неуставными косичками за спиной; огромный лохматый пес. Старший матрос протянул ковбойке лист бумаги, и она, пробежав его глазами, рассмеялась так, что Шкарубо даже через стекло услышал ее звонкий смех. Ковбойка разорвала лист на мелкие части и бросила его ветру. Ветер, обычно развевавший ее каштановые волосы, не смог отказать девушке и в этой услуге. Он подхватил раскромсанную бумагу и разнес ее по свету.

Шкарубо стоял у окна и думал, что где-то там, на далеком континенте, может, и в жаркой Африке, эти белые клочки просыплются снегом.

ОПТИМИЗМ ПРИВОДИТ К ПОТЕРЕ БДИТЕЛЬНОСТИ

Климочкин нашел меня в подъезде Музинового дома. Бегу вниз по лестнице, щелкая каблучками, и тут звонит мобильник, затерявшийся в глубинах фиолетовой торбы. От предчувствия, что могу пропустить кого-то, очень нужного мне, высыпаю все содержимое сумки на подоконник. Предчувствие не обмануло, телефон не подвел – нашелся, пока еще звенел сигнал вызова, а не позже.

– Варя, это Климочкин, – сказал голос, который я где-то слышала, – друг Алексея. Он просил найти вас.

– Так сделайте это, – с облегчением выпалила я.

Сразу после аварии, после того, что случилось с Леликом, я не только мозгами, но и животом осознала: мне есть чего бояться. А бояться одной – очень страшно. Намного легче, когда хоть кто-то рядом, особенно если ему можно доверять.

Климочкин подкатил на своем золотистом "Опеле" через несколько минут. Все вышло более чем удачно. Он оказался тем самым молодым зубром – майором, сопровождавшим меня на вышку КДП. И одновременно тем, кто провожал Наташу к вертолету. Два в одном, или двойное обеспечение гарантии.

– Я был у Алексея, он дал мне ваш телефон, Варвара, – сказал Климочкин.

– Вы были у него? Как он? – Волнение сжало тисками мое горло.

– Не так плохо, как могло быть: сотрясение мозга, вывихнута нога. Через неделю Власов будет бегать. Товарищ полковник приказал не спускать с вас глаз, а то, говорит... как-то он смешно вас назвал...

– Вака, – подсказала я.

– Точно, Вака, – улыбается Жора. – А то Вака наделает глупостей. – К нему поедem?

Из-за всех этих нападений, детективных опытов с генеральским секретом я вынуждена таскаться с Чурановым, обливать его фантой, вместо того чтобы лететь пулей к больному Лелику и своим присутствием врачевать его раны. Возможно, в моем положении, когда Лелик едва не погиб, когда надо не действовать, а рыдать, я поступаю вызывающе трезво. Но если сейчас не открою этот ящик Пандоры, не найду вонзившуюся в нас иглу, на конце которой, может, и не жизнь генерала, но определенно его тайна, больше ни я, ни Лелик не отделаемся тем самым "едва". В следующий раз все будет гораздо печальнее. Нам просто не дадут шанса на жизнь.

– Нет, – говорю я, – в госпиталь мы поедem потом.

Как я могу не верить человеку, которого Лелик посвятил в тайну моего имени? Уже на этом основании я доверяю Климочкину.

– Жора, мне надо побывать в штабе, но об этом никто не должен знать. Подумайте, Жора, я не заставляю. Хотя, не скрою, с вами мне будет легче проехать через КПП.

– Ну, раз легче, тогда я ваш, – засмеялся майор.

Вот так розовощекий Жора Климочкин влип. В смысле дал мне втянуть себя в авантюру по несанкционированному проникновению на генеральскую территорию.

Эта лояльная формулировка подходит только для меня, человека гражданского. Здесь остается лишь сказать: слава Богу, что я больше не служу. А вот майор Климочкин – служит, поэтому и судить его будет трибунал и не за невинную авантюру, а за воинское преступление. Но это в том случае, если нас поймут. Авиация, оказывается, прямо-таки кладовая настоящих мужиков. Стоило мне намекнуть Жоре о своем намерении вскрыть генеральский сейф, как он тут же заявил, что не оставит меня наедине с кабинетом комдива.

– Как ты туда попадешь? У тебя есть план? – засыпал он меня вопросами.

Плана у меня пока не было, зато был кусок завернутого в целлофан зеленого пластилина.

– Вот, оттиски генеральских ключей, – хваюсь я своей добычей. – Сейчас поедem к Кулибину...

И тут же противоречу самой себе. А как не делать этого, быть логически последовательной, если вся моя жизнь – сплошное противоречие, раздирающее меня по кускам, и при этом каждый кусок старается успеть в нужное место в

нужное время. "Зато тебе никогда не бывает скучно", - говорит мне Муза Пегасовна. "Да, - отвечаю я ей, - мне всегда весело, порой - до слез".

- Слушай, Жора, давай ты сам закажешь ключи, - без всякого стеснения предлагаю я.

Если человек вызвался мне помогать, так пусть пашет на всю катушку. В противном случае это не помощь, а сочувствие. А я не советская власть, чтобы мне сочувствовать.

- Сто лет сына не видела, он разучится звать меня мамой, - поясняю я.

- Давай, - безропотно соглашается он. - Да и кабинет лучше вскрыть вечером, когда все разойдутся из штаба.

После приема-передачи вещдока он по-товарищески хлопнул меня по плечу и, скорчив строгую физиономию, выдохнул:

- А Шуйского меж нами нет?

До боли знакомые интонации, да и вся мимика генеральская. Здорово это у Климошкина получается. Стыдно сказать, но мы как безумные ржем всю дорогу: кого только Климошкин не пародирует! Досталось даже Сенькиной. Ого! Оказывается, она девушка известная в наших краях. Надеюсь, это у меня нервное, если же нет, то я - сука. Или жертва неадекватной реакции: Лелик погибает на больничной койке, а меня трясет от смеха. Дико завидую девушкам правильным, рыдающим в горе, веселящимся в радости. Я же порой сама себя пугаюсь.

Я тронута благородством Климошкина, у меня действительно долгов по горло, прежде всего перед Василием. Прямо-таки физически ощущаю свою постыдную кукушечью сущность. Вижу человека первый раз в жизни, а такое редкое понимание. Шутка ли - друг моего любимого, любимый моей подруги! Между прочим, у него и своих неприятностей достаточно: на утро был запланирован перелет в Моздок, но генерал отстранил Климошкина от полетов.

- Надолго? - спросила я.

- Пока сам не вылетит, - зло сказал Жора и как-то необычно посмотрел на меня, от чего мне стало не по себе. Я не уточняю, куда должен вылететь генерал, лишаящий летчиков самого дорогого - возможности летать. И так понятно, не в небо. От возникшего невзначай нюанса миссия по захвату генеральской вотчины, дабы отомстить за всю авиацию в лице Лелика и Климошкина, окончательно приобрела благородную окраску. "Опель" затормозил на углу детского сада. Я только успела выставить из-за дверцы ногу на асфальт, как с шумом распахнулась калитка и любимый очкарик в два прыжка повис на моей шее. Я едва не разрыдалась от стыда. Бедный ребенок, дал бог такую непутевую мамашу!

- Я жду тебя, жду, а ты... - не разжимая рук, укоризненно шептал Василий.

Я расстегнула сумку, достала продуктовый набор и купленную по дороге машинку. Сын, одной рукой катая игрушку по песку, с удовольствием впился в еще теплый хот-дог.

- Тебя плохо кормят? - спросила я, сидя на краю песочницы.

- Плохо, - промычал Василий набитым ртом, - папа заставляет есть кашу.

Он вытащил из сумки утреннюю газету, прочел по слогам заголовки.

- "Ка-ка-я не-прав-да ху-же?" Хуже всего экономическая неправда. Если будет экономическая неправда, то все умрут от голода, - вздохнул упитанный Василий с измазанным кетчупом носом. - Только ты никому не говори, что я разбираюсь в экономических вопросах.

Из-за вездесущего мобильника я не успела пообещать сыну даже такую малость. Где-то вдалеке, как из погреба, кричала Наташа:

- Варя, приезжай к нам. Приезжай немедленно.

- У Малыша несварение желудка? Его пучит? - весело съязвила я. Сколько можно дергать меня как марионетку, имею я право хоть на грамм общения с сыном?

- Борис...

Невообразимый писк и треск в трубке не позволил мне расслышать, что же произошло с Борисом. Да и что с ним может произойти? Ушел на боевое дежурство? Так это я и без вас знаю. Делать им нечего на отшибе земли,

вот и маются пустяками. Но и замолкший телефон, лежащий на деревянном каркасе песочницы между мной и Василием, который уже не возит машину, не дает мне покоя. Не такая Наташа девушка, чтобы маяться пустяками, Малыш – не в счет. Что же произошло с Борисом?

– На, – говорит Василий и протягивает мне машину.

– Не нравится? – Могла бы и не спрашивать, сын давно мечтал о такой.

– Просто не хочу. – Он смотрит на меня увеличенными линзами глазами.

– А что ты хочешь? – Я прижимаю к себе его детское тело. Сын пахнет молоком и сеном.

– Тебя, – безнадежно произносит Василий, уткнувшись мне в плечо, и добавляет: – Тебя и собаку.

Я беру своего мальчика на колени как маленького я укачиваю его. Василий стойко, невзирая на вертящихся вокруг нас шумных подружек из группы, терпит неудобное по всем параметрам положение. Я благодарна ему, что хоть изредка он дает мне возможность почувствовать себя настоящей матерью. Не знаю, обязаны ли дети родителям, но вот то, что сын – единственный человек в мире, которому я обязана всем, знаю точно. Потом приходит Сеня и собирает его.

Проводив их по улице, целую Василия на прощание.

– Бросила ребенка на совершенно чужих людей, – сердится он.

– Это же твой папа, – возражаю я. Звучит наигранно, мне самой неловко за патетичность моих слов.

– Все равно, – говорит сыночек.

Я согласна с ним. Безусловно, Сеня – отец Василия, но просто в таком возрасте ребенку нужна мать, мать и еще раз мать. Все остальные родственники пока из второго ряда.

Я жду Климошкина в кафе, за бокалом пива. Домой идти боязно: мало ли кто там, склонный к физической расправе, поджидает меня – а я сейчас нужна живая и здоровая. Сажу терпеливо, под действием золотистого напитка мне не остается ничего иного, как думать. Стараюсь упорядочить свои мысли, но отовсюду навязчивой шарманкой звучит: "Бедный, бедный Лелик".

Ближе к восьми, когда от заката небо стало багрово-красным, приехал Климошкин. Разнаряженный. Взамен джинсов и свитера, в которых выглядел вольным художником, к тому же благоухающим краской, он облачился в серый костюм. Я нашла этому два объяснения: помирать, так с музыкой и ограбление – всегда праздник.

Конечно, эксплуатировать в детективе один и тот же прием – дурной тон. Но что поделаешь, если путь в генеральский кабинет лежит через окно. Вход в штаб охраняется дежурным. Скушает, бедняга. За разговором куда угодно можно проникнуть, но сегодня публичность мне ни к чему. Не будь Климошкин двухметровым богатырем, карабкаться бы до вожаемого окна на втором этаже по пыльной водосточной трубе, а так – он вскидывает меня вверх, и я почем зря топчу майорские плечи, потом вцепляюсь руками в подоконник, подтягиваюсь.

Дабы не выдохнуться на полпути, стараюсь не думать о Лелике и Борисе. Выйду из генеральского кабинета своим ходом, а не под белы ручки, тогда и буду думать.

Закидываю ступню на подоконник, по прутьям оконной решетки ползу вверх, к форточке. Стемнело. Едва угадываю внизу, в тени здания, силуэт стойкого майора Климошкина. "За друга готов я пить воду, да жаль, что с воды меня рвет..."

Большая удача, что наша армия так скудно финансируется. Какая-нибудь вшивая забегаловка давно стоит на сигнализации в областном УВД, а кабинет комдива всего лишь на решетке. Между прочим, в исполнении "для толстых". Девушка, для которой вся жизнь – диета, в форточку вполне может нырнуть. Ныряю.

По логике событий, именно в кабинете генерала должно было произойти героическое деяние, способное очистить меня от скверны, грехов и несвоевременного смеха. Топоча ногами, прибежали бы вооруженные до зубов

охранники, а я бы отстреливалась до последнего патрона в пистолете: за Лелика, ну, и тому подобное.

Увы, увy! Без всяких затей ключ два раза щелкнул в замке, и дверь сейфа медленно отъехала. Зеленая папка переключалась в мои руки; в углу под стопкой газет я нашла дискету. Даже не пришлось попотеть. В поисках эмоциональных потрясений я принялась за содержимое генеральского стола. И уже в верхнем ящике, как на блюдечке с голубой каемочкой, обнаружила лист бумаги, заполненный быстрой рукой. При попытке отойти от стола к окну, дабы при свете фонаря прочесть выуженный лист, оказываюсь пойманной вылезшим из столешницы гвоздем.

Зацепившаяся за гвоздь юбка трещит от пронзительного желания высвободиться. Я чуть ли не припадаю к ней глазами, не видно ни зги, только на ощупь определяю дырку, под пальцами она кажется внушительной. Но сейчас это не имеет никакого значения: подумаешь, юбка! Наташка сошьет мне сто юбок. Лелик купит мне двести юбок, если все обойдется. Бедный, бедный Лелик.

Важны только улики, их никак нельзя оставлять. Как слепая, обшариваю стол и пространство вокруг, везде, где только может затеряться кусок юбки. Наконец-то под генеральским креслом обнаруживаю кусок ткани с лохмотьями, аккуратно, чтоб не упала и ниточка, засовываю лоскут в карман.

Я горда собой: даже в крошечной тьме блюду все каноны идеального преступления. У окна разбираю подпись: полковник Власов. Забыв об опасности разоблачения, о том, что под стенами штаба Климошкина, отодвигаю штору и сажусь на подоконник, спиной к фонарю. Рапорт генералу, командиру гарнизона. "Прошу прописать на мою жилплощадь, по адресу: улица Героев-Североморцев, 10, кв. 28, мою невесту Сенькину Ирину Ивановну", - написано в центре листа.

Как баран на новые ворота, я пялюсь на каждое слово и все равно не въезжаю. Так, значит, Сенькина - невеста Лелика? А кто же тогда я? Или у Лелика невест немерено? Может быть, герой Лелик - магометанин? И ведь никаких вторичных признаков: обрезания, например. Рапорт недельной давности, в тот день, когда я спрятала у него кассету, когда он страстно и нежно любил меня, а потом при полном стечении гарнизона посадил в автобус.

В левом углу рапорта, по косой, генеральская резолюция: разрешаю. Как гадко! А я самонадеянно считала себя большим знатоком человеческого материала, особенно его мужской части. Еще сегодня я была уверена в своих сверхспособностях, основанных на набитых шишках: мне достаточно одного взгляда, одной фразы, чтобы понять, чего стоит мужчина. И стоит ли вообще. Оказывается, набитые шишки - не иммунитет от обмана. Как там говорит Муза Пегасовна? "Оптимизм - плохое качество, при нем теряешь бдительность".

Раненой птицей я сползла с подоконника. Как стыдно! Из-за какого-то низкого типа, из-за вульгарной похоти забыла ребенка, копаюсь в испачканном генеральском исподнем. Зачем мне все это? Только любовь способна оправдать все. Но ее-то и не было. Мой бедный, брошенный ребенок...

Тихий свист заставил подойти к окну. Я высунулась из-за шторы: забытый Климошкин призывно махал руками. Пора лезть обратно в форточку.

Спрыгнула с верхотуры прямо ему в руки.

- Ты что так долго?

Он тревожно вглядывался в мое лицо. Как хорошо, что в темноте, да и лицом к лицу лица не разглядеть.

- Да сейф еле открыла, - сказала я.

- А в столе смотрела? - спросил он и протянул мои туфли.

Только тут я вспомнила, что стою босиком. Если б не хозяйственный Климошкин, бережно сохранивший мою обувь, а главное - напомнивший о ней, шлепала бы я дальше босоногой, не чувствуя сырой земли под собой. Он подставил мне свою руку, но я не хочу никакой помощи: ни от него, ни от

его друзей. И вообще, я жалею, что позволила Климошкину знать так много. Если я не верю Лелику, как я могу верить его другу?

- А зачем мне стол? - Не выпрыгни я из окна с зеленой папкой, то и про сейф промолчала, сказала бы, что ключ не подошел.

- Ну мало ли, там ведь тоже важные бумаги лежат. - В его голосе мне послышалось смущение.

Конечно, я не та, что прежде, и это смутило его.

- А для чего тогда сейф? - Не могу же я признаться Климошкину, что именно в столе обнаружила самый важный документ.

Через кусты, минуя фасад штаба, где под фонарем стоит дежурный, мы выбрались к машине.

Не знаю, зачем я поехала с ним в гараж, зачем не рассталась там же, на дороге. Наверное, все еще надеялась, что Климошкин скажет что-то, ведь он его друг, и все прояснится. Я готова верить, я хочу верить, что Лелик не просто так со мной, что рапорт - обман зрения, и только. Но Климошкин говорит не о том, ни одного слова, способного возродить меня.

- Куда ты теперь с этими документами? - спрашивает он.

Лучше бы рассказал, когда Власов определил Ирочку Сенькину своей невестой. И чем это Сенькина лучше меня? У нее вообще глаза тупые. Наверное, когда определялся, темно было - не разглядел. Конечно, у Сенькиной формы! Дура, говорила тебе: жри меньше. Боже, при чем тут "жри"! Это он обманывал меня, и Сенькину, между прочим, тоже. Это его собственные проблемы, а не проблемы моего целюллита и Ирочкиных мозгов. Это я любила его, это я люблю его. Любовь - не рынок. Я вам три копейки, вы мне - пучок редиски. Можно отдать все, вывернуть наизнанку всю душу, до мелочи, до полной нищеты - и ничего взамен. Он не обязан любить меня, он волен не любить меня, но врать-то зачем?

Слезы подкатили к горлу, ручьями скорби потекли по щекам. Враз умолкший Климошкин протянул мне сигарету. Я не прятала лицо, я смотрела в окно и следила за холодной каплей, катившейся по моей шее.

- Варя, - Климошкин взял меня за руку, - ты из-за Алексея? Не переживай, там ничего страшного, через неделю он будет дома.

- Власов хороший друг? - спросила я.

- Да ты знаешь, какой он! Да он на все способен, он никогда никого не предаст, он кремень! Ну, ты разве не поняла, что это за человек? - пафосно размахивая руками, закричал Климошкин.

Как же не понять - поняла. Жаль, что только сейчас. Смешно, но ведь Климошкин не врет. Я охотно верю, я на все сто уверена, что Лелик настоящий друг и никогда, ни под каким соусом не предаст друга. Но ведь женщина не может быть другом. А если может, то она - не женщина. В кодексе чести даже настоящих мужчин измена - в отличие от предательства - не возбраняется. Женщин не предают, нам просто изменяют. Тошнит от их снисходительности.

Тоже новость: гараж Климошкина изнутри выглядел этаким "ню-Третьяковкой". Оказывается, весельчак Климошкин недурно пишет картины, ими заставлено все помещение. Но мне сейчас не до художеств.

- Тут можно умыться?

Он поливает мне на руки из ведра с тупой тщательностью. Желая только одного - смыть с себя всю грязь, я мылю ладони. Климошкин кивает на кучу тряпья в углу.

- Вытри чем-нибудь руки.

Пока он выносит на двор грязную воду, я копаюсь в ветоши, здесь же и синие джинсы. По-моему, в них Климошкин был при нашей первой встрече. Теперь понятно, почему он переоделся: в районе колена зияет большая рваная дыра.

Жора тактично отказался идти со мной по адресу, указанному в рапорте Лелика. Мне не приходится взламывать дверь, я открываю ее ключом, подаренным щедрой рукой Лелика. А вдруг в его квартиру въехала уже прописанная Сенькина? То-то повеселимся: повыдергаем космы, от души

помутузим друг дружку. Лежит Ирочка на диванчике и не предполагает, что это ее смерть ключик в замке поворачивает. О диванчике думать почему-то особенно больно.

Меня встречает бездыханная квартира, диванчик пуст, но, судя по рапорту, ненадолго. Если б я могла ориентироваться в темноте, я бы не щелкала выключателем лампы, я бы закрыла глаза, чтобы не видеть стол, на котором люблю сидеть верхом и курить, а он слушает. Его чашку, из которой он пьет по утрам кофе. Его рубашку, брошенную на спинку стула. Я прижимаюсь к ней лицом, от его запаха в моей груди вспыхивают раскаленные угли. Я опускаюсь на пол и вздохнув реву в рубаху, пропитанную его потом. Я должна его ненавидеть, и я ненавижу его, но вместе с тем еще сильнее, как никогда прежде, люблю.

Я презираю себя за полное отсутствие гордости и в таком униженном состоянии ползу под диван. Уже при первом броске, когда под диван влезла только половина меня, я понимаю: это то, что мне надо. Именно здесь, в этом тесном, пыльном, лишенном света месте я способна найти покой. Я готова лежать здесь вечно, лежать, опустив голову на ладонь, лежать без мыслей и воспоминаний.

Здесь, под диваном, я забуду всех, все – забудут меня. Пройдут годы, старуха Сенькина случайно заглянет под диван и найдет молодую красивую мумию, завернутую словно в кокон в пыль десятилетий. Узнает ли Лелик в этом ссохшемся тельце меня? Или время как ластик сотрет из его памяти мое имя, мое лицо? И он постоит возле того, что останется после меня, боясь прикоснуться, и, может быть, еще минут десять помучает свой склероз – мол, где-то, когда-то он видел эти смуглые руки, тонкие щиколотки и, кажется, даже целовал. Мол, звали ее как-то нелепо – то ли Мака, то ли Бака. Вообще она вся была нелепой, надо же, залезла под диван и забыла вылезти. Очень, очень похоже на нее.

Потом Сенькина позовет его ужинать, а может, и обедать, и после первой ложки, отправленной в рот, он окончательно забудет меня, ту, что когда-то была на диване, а потом – под диваном. Вот такая перемена участи.

Я передвигаюсь ползком по диагонали и в самом дальнем углу обнаруживаю кассету, она немного пыльная, но, в общем, целая и невредимая. Рядом с кассетой натываюсь на что-то круглое. Ввиду невозможности опознать предмет непосредственно на месте обнаружения тащу его на свет божий. В другое время я бы побрезговала брать в руки неизвестную мне гадость, но сейчас чувствую себя на задании, провожу следствие.

Предмет оказался серьгой, австрийская бижутерия, на позолоченном кольце прожилки белого перламутра. У кого-то я видела похожие серьги, одно точно – не у Лелика. Я вспоминаю Сенькину и калейдоскоп ее нарядов: совершенно нереально запомнить, что есть в ее гардеробе.

Так как серьга – парная деталь туалета, приходится вновь обследовать поддиванное пространство. Но, сколь ни глажу ладонями пол, так и не обнаруживаю ничего, за исключением чего-то небольшого, сминающегося под пальцами. Уже на поверхности я понимаю, что последняя находка – а это кусок зеленого пластилина – не стоит и гроша.

Итак, можно подвести итог розыскным мероприятиям под местом преступления. Преступником у нас будет Лелик. Найдены: заявленная ранее кассета и не заявленная ранее серьга. Кусок зеленого пластилина к делу не относится, поэтому летит прочь, под диван. Я не собираюсь облегчать Сенькиной ее домохозяйственную участь, пусть сама, голубушка, выметает мусор.

Что следует из найденного? Только одно: у Сенькиной была пара сережек, а теперь нет, потому что одна сережка – это не сережка, а кошке шляпа. О том, как могла упасть сережка под диван и где в это время лежала ейная хозяйка, а главное – с кем, лучше не думать. В общем, я не только извалялась в пыли, но и нашла важную улику того, о чем меня известили заранее, самым доподлинным образом.

Отряхивая свою юбку, увешанную клочьями пыли, словно новогодняя елка кусками ваты, я детально разглядела то, что определило конец ее эксплуатации. Разрыв с лохмотьями по краям был внушителен. Желая хоть

как-то реанимировать секс-символ своего гардероба, я вытащила из кармана лоскут, подобранный под генеральским креслом. Но соединить лоскут с юбкой было невозможно: они оказались изначально разными. Она – как леопард, рыжая в пятнах, он – синий, джинсовый. После некоторых размышлений пришлось лезть обратно под диван за куском зеленого пластилина. Больше не отряхиваюсь – надоело. И не реву – по той же причине.

Глубокой ночью, проскочив на четвертой передаче полосу трассы от гарнизона до города, Климошкин выгрузил меня у моего дома. Подъезд был пуст, наверное, потому, что при мне находился охранник. Жора проводил меня до самой квартиры и благородно не стал напрашиваться на чашку чая. Но чайник кипел и в эту ночную пору. Не могу же я проспать великие дела. Пока огонь доводил воду до точки кипения, я успела просмотреть документы из зеленой папки.

Любопытно, особенно для прокуратуры. А впрочем, ничего нового из того, что я знаю о генерале: ворует братец, ворует. Цистерны с соляровкой, списанные самолеты, летное обмундирование – из всего этого генерал делает звонкую монету, которая и капает на счет коммерческого банка. Судя по банковской книжке из той же зеленой папки, выписанной на предъявителя, сумма накапала солидная – 230 тысяч долларов.

Эта маленькая книжка перевернула мое сознание, ведь предъявителем могу быть я! Доехать до Москвы, снять деньги – и прощай все мои проблемы, в первую очередь финансовые. Интересно, сколько всего полезного и бесполезного можно купить на 230 тысяч долларов? Для меня, журналиста средней руки, чьи доходы не выходят за пределы среднемесячной зарплаты, наворованные генералом денежки рисовали самые радужные перспективы. Наяву я видела коралловые рифы и Багамские острова, где я, загорелая и бесстыже нагая как папуаска, провожу в неге и полусне свои дни.

Безнравственно ли грабить грабителя? Не знаю, не знаю. Для меня, как и для всех, воспитанных в нашей стране, существуют две нормы морали. Украсть у конкретного человека стыдно. А обворовывать государство – не очень: общественное мнение не порицает. Помните: "Мне принес с работы папа настоящую пилу"? В другой стране папу отправили бы в каталажку, у нас – мужик домовитый, заботится о семье.

Может, я не прущу с работы только потому, что мне нечего, кроме подшивки старых газет, тащить? Работай я на мясокомбинате, неужели бы побрезговала палкой колбасы или хотя бы не надкусила? По-моему, я стала понимать генерала, мало того, оправдывать.

В голове полный кавардак от дилеммы: на работе я или дома? Если же на работе, не загрызет ли меня под знойным багамским солнцем злобная волчица – моя совесть за то, что я запустила руку в карман частного лица?

Я взяла эту маленькую высокоплатежную книжку в руки и сделала первый шаг к нравственному падению: пристроила ее в самый тайный карман сумки. В любом случае мне надо в Москву, хотя бы для того, чтоб отдать статью о генеральском беспределе в столичную прессу.

Кстати, где там визитка пионера столицы Виталия Бонивура? Мне вообще надо спешить: если утром генерал недосчитается в сейфе зеленой папки, то спешить будет некому. При такой спешке, с учетом того, что утром все ходы и выходы будут оцеплены, ни машина, ни железная дорога не подходят, нужен самолет, желательно военный, на борт которого можно пройти, не предъявляя документов. Я набрала номер Климошкина.

– Жора, мне нужен борт на Москву, как можно быстрее.

Он перезвонил через несколько минут; время в ожидании звонка я провела в стиле подпольного миллионера Корейко. Я прижимала к себе фиолетовую торбу – с появлением банковской книжечки она стала мне еще дороже. Медленно я открывала замочки, перебирая все свои богатства. Сначала доставала пистолет, гладила его железное ледяное тело, потом, закрыв глаза, расстегивала "молнию" потайного кармана, вытягивала книжку и вожаделенно пялилась на счет: 230 тысяч долларов. Особо настаиваю на долларах! Между прочим, скажу я вам, на фоне денег статус пистолета померк. И значительно.

- Борт на Москву запланирован в десять утра, я подъеду к твоему дому.
- Нет. - Я вспомнила о странных личностях, шастающих у подъезда.

Конечно, можно покинуть дом по привычной мне схеме - через окно, но даже при моей сноровке четвертый этаж - дело рискованное. - Встретимся в восемь у Кулибина.

- Как к нему ехать? - спросил Жора.

- Ты же делал у него ключи! - удивилась я.

- А, Кулибин? - что-то там проглотив, неестественно бодро сказал Жора. - Я не расслышал, Кулибина, конечно, найду. Значит в восемь.

Мы попрощались, Климович пошел досыпать. Спокойно ли? И если он не был у Кулибина, то кто смастерил ему такие точные ключики, идеально, как родные вскрывающие генеральский сейф?

Я вытащила из кармана куртки ключи - под лупой они не выглядели глянцево-новенькими - и сравнила их с ключами от своей квартиры; на взгляд дилетанта, степень износа одинаковая. Не становлюсь ли я излишне подозрительной? Определенно пора пить кофе.

Несмотря на беспорядочную жизнь, есть в ней нечто долговечное, способное привести в порядок хаос, творящийся в голове. Чашка кофе - тому пример. Достаточно было выпить его горькую, густую влагу, сдобривая каждый глоток сигаретой, и все устоялось в моем сознании. Деньги у генерала воровать не будем, почему-то расхотелось. Я даже вознамерилась вернуть банковскую книжку в зеленую папку, а потом подумала: к чему эти театральные жесты, к чему эта патетика, успею еще выкинуть - и не стала лишний раз тревожить сумку. А вот статью напишу.

Я включила компьютер, вставила дискету из сейфа. С приходом умных машин люди перестали доверять бумаге самые главные тайны, их хранят компьютеры. На мой взгляд, бумага ничуть не болтливее дискеты. Последняя поведала о грузе X. О характере груза ни слова. Листы заполнены столбцами: слева дата, справа вес и еще, напротив каждой даты - координаты четырех точек с градусами, минутами, десятиями. Таблица дополнена картой, где пунктирной линией связаны три точки: Моздок, наш Заозерск, район Северной Атлантики. Последняя запись датирована шестнадцатым сентября, ПЛ К -130, далее - четыре координаты, в графе вес - 50 килограммов, сумма - 700 тысяч долларов.

Интересно, за что это так классно платят? Какую золотую жилу откопал в Моздоке наш старатель? Одно понятно: таинственный груз X доставляется в точку, расположенную на семидесятой параллели, посредством подводного флота, ведь именно так звучит система адресования во всех документах: ПЛ К, цифры, следующие за этой аббревиатурой, номер проекта, не будь я бывшей женой бывшего подводника.

Неужели генерал обошелся без командира дивизии подводных кораблей? Может, поэтому Библинг топил генерала глупыми Люськиными записками? Что же было шестнадцатого сентября? В тот день я прилетела в гарнизон, генерал общался с народом в Доме офицеров, Киселева получала форму... безумная ночь с безумным бегом, сначала за Борисом, потом - за Титовым. Матрос, умерший от передозировки наркотиков, обгоревший штурман Миша. И что же произошло с Борисом? Все дороги ведут в гарнизон.

Я бы немедленно, вытащив свою заначку, взяла такси и отправилась туда, трясясь по узкой колее дороги, перескакивая с сопки на сопку, но в этот момент зазвонил телефон. Не Климович ли в очередной раз забыл адрес Кулибина? Нет, звонила Сенькина, я сразу узнала ее, хотя говорила она тихо-тихо, словно из преисподней, тихо и быстро, ни одного лишнего слова, что для женщины не характерно:

- Жду тебя в редакции.

Что-то новенькое! С каких это пор Ирошка вот так, запросто, среди ночи может располагать моим свободным от работы временем? Неужели штатные перестановки последнего дня, в которых она - невеста, дают ей на это право?

Иногда мне казалось, что Сенькина говорит о ком-то другом, но только не о Лелике, которого я знала. Да и называла она его официально: Алексей. По-моему, близких людей зовут как-то иначе.

- Он всегда мне дарит цветы и фрукты, недавно привез хурму. Представляешь, целый ящик. Он говорит, что я божественно хороша и даже поет мне серенады, - вздыхает Сенькина. - Его любимая: "Ах, какая женщина, какая женщина, мне б такую..."

Поющий Лелик - это же нонсенс, абсурд, противоестественное явление. Интересно, у него бас, тенор или - дискант? Может, герой неба Лелик - преемник кастрата Фаринелли? Доводит дам до обморочного состояния посредством контр-сопрано? До чего же надо искалечить нормального мужика, чтобы он запел, да еще под балконом? Как много в этом грусти.

- Вы скоро поженитесь? - Сдерживая себя от всевозможных извержений, я глушу пакостный вкус измены сигаретами.

- Наверное, но сейчас он очень занят...

- Медсестер в госпитале охмуряет, - цинично говорю я.

А что, пусть знает правду жизни; если он изменял мне, почему бы ему не изменить Сенькиной, хоть она и божественно красива и даже достойна серенады.

- Да, он в госпитале, - повторяет Сенькина.

- Почему ты, божественно красивая, сидишь со мной, а не у постели раненого? - допытываюсь я.

Самые изуверские чувства питают мою злость. Как бы я хотела, чтобы эта безупречная, с точки зрения Лелика, Ирочка разрыдалась, размазывая тушь по мокрому щекам, некрасиво захлюпала носом.

- А зачем? - спокойно говорит Сенькина, плевала она на мой сарказм. - Врачи говорят, ничего серьезного, всего лишь сотрясение мозга да что-то с ногой, скоро выпишут.

Действительно, зачем, впереди у них целая жизнь. Никто никогда не унижал меня так, как эта рассудительная, уверенная в Лелике Ирочка. Я ненавижу ее и его. Особенно его. За все время наших отношений он сказал мне несколько ласковых слов, я загибаю под столом пальцы: "Ты для меня близкий, родной человек" - раз, "Я тебя изнасилую" - два. И тут я подпрыгиваю: как я могла забыть самое значительное, что слышала от Лелика?

- А он говорил тебе: "Ры-ры-ры, мы храбрые тигры"? - говорю я, дрожа от разных предчувствий. Если он говорил Сенькиной "Ры-ры-ры, мы храбрые тигры", крепко прижимая ее к себе одной рукой, то я - умру. Немедля, даже не оттягивая момент остановки сердца вставанием со стула.

- Нет, не говорил. - Ирочка смотрит на меня как на ненормальную. - Мы же не в зоопарке. Он поет мне серенады.

- Один ноль в мою пользу, - говорю я.

Я не знаю, что это может означать, но ощущаю: что-то да значит. С чувством законного превосходства, как богач нищему, бросаю на стол серьгу с перламутровой вставкой. Зигзагом она катится к Ирочке. Изящными пальчиками Ирочка берет серьгу и, зажав в ладони, долго рассматривает ее, словно поражена не столько наличием, сколько узнаванием. И уж никак я не могла предположить, что Ирочка, увидев серьгу, разрыдается, горько, по-бабьи, некрасиво хлюпая носом, размазывая по лицу тушь, и я буду ее утешать, будто пренебрегли ею, а не мной.

Взрывная волна, содрогнувшая город, выкинула нас с Ирочкой из редакции. В толпе, стекающейся из всех окрестных домов, мы бежали туда, куда бежали все. Ирочка, продолжавшая некрасиво хлюпать носом, на бегу пыталась что-то сказать мне, но суeta людей и машин развела нас в разные стороны; в этом гомоне я потеряла ее. Шумный людской поток вынес меня к моему дому. Подпираемая телами, я оказалась у самого подъезда. В доме, освещавшем ночную улицу всеми окнами, уже работали пожарные, брандспойты были направлены на четвертый этаж, в выжженный провал окна. Пенная струя била в эту рваную дыру.

- Что вы делаете, там же компьютер! - совершенно неожиданно для себя крикнула я, но крик увяз в общем гвалте.

Только тут до меня дошло, что эпицентром взрыва стала моя квартира. Еще час назад я сидела за компьютером и пила кофе. Что стало бы со мной, не будь Сенькиной? Нет, все-таки соперницы иногда оправдывают свое существование. Что стало бы со мной, не будь при мне зеленой папки с документами, дискеты с координатами, а главное - банковской книжечки на предъявителя? Без них моя жизнь не стоит и гроша, а с ними - еще поторгуемся.

Судя по тому, что бабахнуло на моей территории, генерал уже обнаружил опустошенный сейф. Надо срочно вывозить себя из-под обстрела! Уговор с Климовичным о вылете звучит теперь, при внезапно возникших обстоятельствах, гениальным предвидением. Кто-то, схватив меня, выворачивающую голову на обугленный проем окна, за шиворот, выволок из толпы и долго в таком неудобном положении тащил по улице, пока дом не скрылся из поля зрения.

- Доигралась, Варвара? - проворчал бывший муж, когда мы отъехали на приличное расстояние от пожарища. - В какое дерьмо ты опять влипла?

- Не знаю, Сеня. Экскременты в наличии, а чьи они, покажут анализы, - с веселой наглостью сказала я.

Когда мне страшно, я всегда наглею, такая порода. Сеня знает об этом.

- Не хнычь, придет к тебе личный киллер, ты, главное, копай, - съязвил Сеня. - Ладно, не трусь, я тебя спрячу.

Я положила руку на руль.

- Я сама себя спрячу. Сеня, может быть, я уеду, ненадолго. Василий... ты присмотри...

Удивительно, Сеня научился различать мои интонации, он научился быть достойным.

- Конечно, Варя. Ты всегда можешь рассчитывать на меня. Не волнуйся за Василия, я же отец.

- Да, ты отец, - говорю я искренне, без иронии. - Спасибо тебе.

Вот сходятся мужчина и женщина, и они никто друг другу, потом рожают ребенка, потом расходятся - и решают, что они снова чужие. Но не чужие они, а родственники и никогда больше не будут чужими, из-за ребенка. Даже если они поставят двести штампов о разводе, забудут имена и разъедутся по разным полусам: он - на Южный, она - на Северный или наоборот. Это я о себе и Сене.

Он подвез меня к дому Музы Пегасовны. Мы помолчали на дорожку. Чтобы не тратить попусту время, которого и так в обрез, - до самолета, направлявшегося в Москву, оставалось чуть меньше четырех часов, - я пишу по памяти на клочке бумаги несколько координат с дискеты, стараясь не забыть буквы, сопровождающие градусы и минуты: Ш, Д, СД, ЗД.

- Чьи это шапка-добро? - вглядываясь в написанное, спрашивает Сеня.

- Шапка-добро! Какая шапка? - кричу я.

Его слова как землетрясение, так ясно я вижу перед глазами обугленного штурмана Мишу, слышу его надрывный стон: "Шапка-добро, шапка-добро".

- Ну, ты же сама написала. Смотри, - обняв меня за плечи, надеюсь, только для того, чтобы было сподручней объяснять, говорит Сеня. - Ты написала координаты квадрата, каждая точка - его вершина, Ш - широта, Д - долгота, СД - северная долгота, ЗД - западная долгота. Все вместе на языке моряков: шапка-добро.

- И для чего нужна эта шапка?

- В море, Варенька, нет дорог и указателей, а вот передаст командный пункт на борт "шапку-добро", и пойдет лодка в заданный район или по заданным координатам, найдет цель, которую потом поразит торпедой.

- Какой торпедой?

- Учебной или боевой, в зависимости от политической обстановки. - Голос Сени, клонившегося все ближе ко мне, затух на последних словах, превратился в интимный шепот. - Варька, ты помнишь, как ждала меня из похода?

- Покойники не помнят, - как из могилы прошептала я.

- Какие покойники? - не понял Сеня. Он всегда игнорировал разговоры о смерти, но я знаю точно, старуха с косой не такая зазнайка, она приветит каждого.

- Мертвые и холодные, - сказала я.

Сеня обиженно отпрянул: он для меня все, а я - ни в какую. Смешно так надул губы, как даже Василий в младенчестве не надувал. И все-таки до чего они похожи, только за одно это я готова мириться с Сеней. За то, что он похож на моего сына. Моя рука легла на его плечо.

- Сеня, ты же не некрофил, зачем тебе покойник?

- А кто покойник? - забеспокоился он.

- Я.

Действительно, живые не должны так много знать. Я вышла из машины в темноту, утратившую кромешность, на сонном небе лениво занималась заря.

- Надо же, как живая, как живая, - всплеснув руками, произнесла Муза Пегасовна, пустив меня на порог.

Впрочем, я и не ожидала от нее слез по поводу трагического конца моей квартирки. Но ведь в ней могла быть я!

- Сочувствовать может каждый, - говорит Муза Пегасовна, - и только редкие индивидуумы умеют радоваться. Заметь, Варвара, не только за себя, но и за другого.

После этого Муза Пегасовна обычно цитирует Доризо, аккомпанируя себе же на рояле маршем юных пионеров:

- Говорят, что друзья познаются в беде, но порой, только в счастье ты друга узнаешь.

Уникальность Музы Пегасовны очевидна, и если она не сочувствует моему бездомному состоянию, то лишь потому, что радуется, что я еще дышу и бегая.

- Варвара, не все ли равно, где нагонит тебя смерть? Одна моя соседка каждое утро мерила давление - и что же? Умерла от гипертонического криза, - успокаивает меня за чашкой горячего какао Муза Пегасовна.

- Рановато как-то, мне бы еще жить да жить.

- С точки зрения Монтеня - он берет за основу бабочку-однодневку, - не так важно, когда она сложит крылышки: в полдень или на исходе дня, - философствует Муза Пегасовна.

- Хотелось бы после ужина, - сопротивляюсь я ее желанию порадоваться на моих поминках.

Я даже предвижу, как это будет. Торжественная Муза Пегасовна сядет за рояль, ведь она не может жить без музыки, и возвышенно запоет: "Старец Харон над темной той рекою ласково так помахивал мне рукою" - после чего хор провожающих меня туда, откуда не возвращаются, подхватит: "Жизнь все равно прекрасна!"

Из непрдуманного: одна моя знакомая, узнав, что я дружу с Музой Пегасовной, пришла в восторг:

- Она так понравилась моему мужу! Такая хорошая, веселая!

- Где же они познакомились?

- На похоронах, - на голубом глазу выдала знакомая.

Я поверила влет: где еще дикая старушка может быть хорошей и веселой, как не на поминках? Теперь вы понимаете, зачем ей моя смерть? Парадокс, но народ обожает Музу Пегасовну за жажду жизни, даже на чужих похоронах.

- Борщ хочешь? - спрашивает она.

Как это по-русски: на завтрак, после какао, борщ. Не дожидаясь ответа, она наливает тарелку до краев.

Я не кочевряжусь, после утраты пристанища я решила есть и мыться впрок, ведь неизвестно, где еще будут мне стол и душ.

- Чтобы выйти из окружения, мне надо переодеться до неузнаваемости. Да, для бомбистов я очень приметная мишень, - глубокомысленно говорю я, глотая борщ. - Через три часа улетаю в Москву.

Престарелая Кармен делает широкий жест в сторону гардероба.

- Бери, что хочешь.

На мелкие, скупые жесты она просто не способна. Как не способна предать, даже невзначай, по-бабьи, посредством языка. Муза Пегасовна умеет хранить чужие тайны, здесь она – просто кремень. Если иногда и сплетничает, то исключительно о себе самой и великих мира сего, почивающих на сегодняшний день на погостах. Мы, живущие рядом, со своими игрушечными интрижками мало занимаем ее воображение.

Без всякого опасения быть выданной, я рассказываю ей обо всех прегрешениях генерала, более того, для наглядности, чтобы мои слова не выглядели оговором, включаю кассету. Возможно, сейчас ей будет больно узнать, что человек, с которым она курила сигары, казнокрад, государственный преступник, зато потом не будет рвать волосы. На мне. Возможно, благодарить будет, что я уберегла ее доброе имя.

Сфинкс, имя которому Муза, развалилась на бархатном диване цвета горького шоколада, в окружении диванных подушек с золотыми кистями, слушает кассету не шелохнувшись. Так же, без единого вздоха, с холодным выражением раскосых глаз, листает документы из зеленой папки. Царственной рукой она бросает папку на ковер, к ногам, затем направляется к комоду, где хранится коллекция табака, по пути снимает с рояля пепельницу. Судя по набору жестов, настало время курения.

– Варвара, – говорит Муза Пегасовна, обрезая кончик сигары, – человек, записанный на кассету, – не Тимофей Георгиевич.

– А кто же он? Моя бабушка? – От волнения я кромсаю сигару сверх нормы.

– Если я сама не только слышала, но и видела генерала в туалете...

– Варвара, ты утверждаешь, что Тимофей Георгиевич при тебе справлял нужду? – Муза Пегасовна пронзает меня взглядом.

– Нет, конечно. Я слышала его голос из туалета, а видела – у туалета, понимаете?

"У" или около – эти долгие объяснения, способные только запутать вещи очевидные, выводят меня из себя.

– Варвара, послушай меня, у Тимофея Георгиевича голос на полтона ниже.

– А документы тоже не его? И сейф не его? И подпись не его? – Угрожающе, как Змей Горыныч, я пускаю клубы дыма в сторону Музы Пегасовны. – А 230 тысяч долларов вашему Тимофею Георгиевичу наш трудовой народ выделил в качестве гуманитарной помощи?

– Единственное, в чем я не сомневаюсь, так это в сейфе – он действительно числится за Тимофеем Георгиевичем, – говорит Муза Пегасовна и добавляет: – Единственное, в чем ты не заблуждаешься, так это в том, что генерал – мой. Остальное, как мне подсказывает интуиция – абсурд.

– Что же хваленая интуиция не подсказала вам оставить Тимофея Георгиевича на ночь? Выпустили шалуна из-под ручки, а он – ну гранаты метать в незащитных девушек.

– В тебя, Варвара, никто ничего не метал.

– Но ведь целились! Дорогая Муза Пегасовна, гоните свои меха, улетаю, – мстительно говорю я и, не выпуская сигару изо рта, лезу в шкаф. – И если вначале я хотела обойтись халатом, то теперь, раз вы на вражеской стороне, обойдусь шубой.

Презрев бабье лето, коим встретит меня столица, я, движимая желанием отомстить по-крупному, накидываю на плечи шикарную соболью шубу, мечту всех теток гарнизона, и гордо запахиваю ее. У меня никогда не было такой шубы, а у Музы она есть, теперь я понимаю природу ее королевской осанки. От такой роскоши и горбунья выпрямится. В мехах редкой породы, струящихся до пят, я пялюсь на нестигаемую Музу. Но даже покушение на самую дорогую и любимую вещь гардероба не умаляет ее царственного величия.

– Не замерзнете зимой, Муза Пегасовна, голубушка? – беспокоюсь я.

– Главное, чтобы ты не вспотела. – Она окидывает меня взглядом и говорит: – Ты знаешь, Варвара, эта шуба тебе к лицу.

Я понимаю, что Муза Пегасовна отдает мне шубу без боя, как Кутузов – Москву, спаленную пожаром. Она встает и, пока я изучаю шубу относительно подпалин, решая: вспотею или замерзну – возвращается из кухни с чашкой кофе.

- Варвара, милая, выпей перед дорогой. - Слова Музы Пегасовны звучат угрожающе, особенно пугает "милая".

Я принимаю чашку из ее рук и медленно по причине абсолютной сытости, преследуя единственную цель - наестся впрок, тяну в себя глоток за глотком.

- Меня ждет Климошкин, полдень я встречу на Красной площади.

Муза Пегасовна в знак согласия кивает.

- Ты пей, пей.

- Какой-то кофе у вас странный, где вы нашли такую гадость? - говорю я, выливая в себя последние капли. Я не узнаю собственный голос: как на заезженной пластинке, он подвывает на оборотах.

- А что ты хочешь от нищей старухи, у которой даже шубы нет? - из туманного далека, смеша меня своим раздвоением, произносит то ли лев с Музиным лицом, то ли Муза с лицом льва.

Дальше - темнота. С невыразимым наслаждением я погружаюсь в ее ласковые волны.

ЧЕРНАЯ КОРОЛЕВА

Все подводники вернулись из похода. Они стучали в двери своих квартир, звонили в двери своих квартир, своими ключами открывали двери своих квартир. И жены бросались им на шею.

И только Борис не позвонил, не постучал, не открыл. И никто не бросился ему на шею. Он не вернулся из похода.

И как-то сразу Люся поняла, что нет больше Бориса, как нет и надежды на возвращение. За что Бог лишил ее даже надежды? Люся сидела в своей квартире, куда больше никогда не войдет Борис. Она не была одна, вокруг толклись люди, но ей казалось, что, подобно отколовшемуся куску льдины, ее относит все дальше в открытый океан, в мутные воды, в которых сгинул Борис навсегда.

Люся повторила это слово:

- Сгинул.

Кто-то принес, будто она просила, стакан воды. Люся смотрела на воду за стеклом и чувствовала, как погружается в ее толщу, как смыкаются волны над головой. Мир, лишенный голосов и запахов, мир без чувств воронкой затягивал ее. Она поднялась со стула, и все замолчали, словно вглядывались в ее горе, примеряли его на себя, и ей стало противно от их любопытства. Она хотела закрыть глаза - ведь все это дурной сон, - а затем вынырнуть и вновь оказаться с ними. С красавицей Наталией, сумасбродной Бибигоншей, подозрительной Титовой, запасливой Скомороховой. Но льдина горя, с которой невозможно убежать, уносила ее.

Люся подошла к шкафу, достала альбом с фотографиями; за его толстой бархатной обложкой покоилась их с Борисом жизнь. Как сейчас он покоится где-то в глубине океана. Она переворачивала страницы, и с каждой на нее смотрел Борис. Смотрел виновато, смущаясь, будто хотел сказать: "Прости, Люся, что так получилось".

Но она не помнила его голоса. Казалось, все его интонации, смех и даже ласковые слова, которыми он ее называл, навсегда погрузились в глубину вместе с ним. Люся закрыла глаза, она хотела вспомнить его руки, но вместо его рук перед глазами мелькали ее же обкусанные пальчики и аристократические пальцы Гужова, переставляющие шахматные фигуры. Шахматная доска стояла тут же, на столе, стояла с тех времен, когда Борис был рядом, а она и днем и ночью, не принимая его в расчет, вела бесконечные шахматные баталии.

Люся раскрыла доску и беспорядочной кучей, как бы символизирующей апофеоз войны, высыпала фигуры на стол. Черная королева, решившая избежать страшной участи, скатилась по столешнице и упала на пол.

Все, кто был рядом, переглянулись, никто ничего не понял. Люся долго, хлопая ящиками, что-то искала на кухне и вернулась с топором. Методично, как на гильотину, она клала на клетчатую доску фигуру за фигурой и

взмахом топора разрубала вдребезги всех этих пешек, офицеров, коней, ну, что там еще...

Никто не решился подойти к ней, вырвать из рук оружие казни. С каждым ударом, когда топор нависал над новой жертвой, она набирала силы. Странной улыбкой освещалось ее лицо, когда очередная шахматная фигура превращалась в труп.

Красавица Наталия, сумасбродная Бибигонша, подозрительная Титова, запасливая Скоморохова сжались от ее дикого удовольствия, сидели, не шелохнувшись, словно стоворились, что надо молчать для своего же спасения.

Никто не заметил, как явился Гужов. Он подошел к Людмиле со спины, на самой высокой точке, когда она замахнулась, и перехватил топор. Но Люся, тщедушная Люся, которая только и могла рубить игрушечные войска, показала свою недюжинную силу. Сжимая обух двумя руками, она тянула топор на себя. Поддавшись ей, лезвие полоснуло по руке Гужова – хлынула кровь, забрызгав все вокруг.

И не было при этом ни единого стога. Ни одного звука не услышали присутствующие во время их борьбы. Всем, кто вжался в стену, виделся какой-то странный танец без музыкального сопровождения; с каждым поворотом головы, с каждым па на полу расцветали красные маки.

Обхватив неистовую в своем азарте Люсю, Гужов развернул ее лицом к себе, и топор с окровавленным лезвием отлетел к ногам зрителей. Никто не посмел двинуться в сторону, тем более поднять топор.

– Это ты, ты во всем виноват! – дыша желчью, исходившей из глубины ее раненого сердца, прокричала Люся.

– Я отдал команду "Задрать верхний рубочный люк" только после того, как на центральный пост прошли доклады из всех отсеков, что присутствуют все. Я не знал, что он не спустился в свой третий отсек. Последний раз Бориса видели на мостике перед погружением, когда все курили, – тихо сказал Гужов и разжал руки, сжимавшие ее тело.

– Уходи, – обронила она.

Он не сказал ни да, ни нет, кровь тонкой струйкой текла из его ладони на пол. Он смотрел на Люсю, словно хотел разделить ее безбрежное горе. Никто не слышал, хлопнула ли за ним дверь. Борьба двоих – теперь, увы, не за шахматным столом – и кровавая рана на руке одного из них заставили всех забыть о черной королеве, чудом сохранившей свою венценосную головку от неотвратимого удара. Но, оказывается, Люся не забыла о ней, избежавшей общей участи. Нагнувшись, она вытащила беглянку из-под стола, и долго рассматривала ее, словно примеривалась, куда направить стальное лезвие.

И тогда Наташа, выдавив себя из стены, схватила топор, прижала, словно ребенка, окровавленное топориче к груди. Сумасбродная Бибигонша, подозрительная Титова и запасливая Скоморохова заслонили красавицу Наташу собой. Маленькая, хрупкая Люся, сжимавшая детскими обкусанными пальчиками черную королеву, опустилась на пол и тихо заплакала. Это были первые слезы с той самой минуты, когда она узнала, что Борис не вернется.

Ночью они уложили затихшую Людмилу в постель и, не включая свет, сидели у изголовья кровати. Свет фонаря пробивался с улицы осторожно, словно боясь нарушить ее сон, и они видели ее скорбное лицо, ее ладонь, прижавшую к щеке черную шахматную фигуру. Никто из них не мог оставить Люсю одну, даже спящую, в этой темной комнате, в этой пустой квартире.

– Как странно, – тихо, как бы про себя, сказала Наташа.

– Что странно? – шепотом спросила Бибигонша.

– Все странно, – повторила Наташа, – очень странно.

– Три смерти за одну неделю, – кивнула Скоморохова, – такого у нас еще не было.

– Ну, с Борисом еще не известно, – вымолвила Наташа.

– Да все известно, – возразила Титова и, помолчав немного, добавила: – Море не отпускает. Сначала лодка плыла в надводном положении, все курили на мостике. Мой Титов говорит, что Борис прикуривал у него.

– Борис ведь не курил, – заметила Наташа.

- Много ты знаешь! Значит, закурил. Сигареты "Вог"... - повысила голос Титова и осеклась, будто проговорились. - Потом была команда: "Все вниз, погружаемся". Все разошлись по отсекам и только когда погрузились, обнаружили, что нет Бориса. Титов говорит, он не успел спуститься в прочный корпус...

- Почему не успел? - спросила Скоморохова.

- С сердцем могло стать плохо, - предположила Бибигонша, - или зацепился за что, упал, а никто не заметил. В экипаже 150 человек, угляди здесь за каждым.

- Остался в ограждении рубки. А никто не заметил, потому как рядом же был, его видели. Вероятно, его смыло водой, - подтвердила Титова. - Так что ты, Наташа, хотела сказать?

- Я отправила криптограмму на лодку, помимо других цифр, она состояла из трех шестерок.

- Это число дьявола, - согласилась Титова.

- В адресной группе был номер ПЛ К-130, а потом с этой лодки привезли обгоревшего штурмана, - продолжала Наташа.

- Миша. Мой сосед. Двое мальчишек осталось, - сказала Скоморохова.

- Там тоже было три шестерки, - слышался чей-то тихий голос.

Он отозвался эхом в глубинах коридора, словно из могилы, и все покрылись холодным потом. Наташе даже почудился скрип половиц, будто кто-то стоял за приоткрытой дверью. Липкая струйка ужаса покатилась по ее спине. Боясь пошевелиться, с противной дрожью в коленках, они вглядывались в темноту. И только когда голос повторил: "Три шестерки" - они поняли, что он исходит от Людмилы. От ее неподвижного взгляда, устремленного в ночь, стало не по себе. Но только Люся, приподнявшаяся на постели, могла восстановить мирное течение беседы. Поэтому даже не ради нее, а прежде всего из желания проверить реальность ее пробуждения, Наташа подошла и подложила ей под спину подушку.

- Ты помнишь? - Горячей рукой Люся вцепилась в Наташину руку. - Ты помнишь, там тоже было три шестерки...

- Когда? - разом выдохнули остальные полуночницы.

- Пари. Ты помнишь, Наташа? Помнишь? - судорожно, страхась Наташиной забывчивости, повторяла она.

- Помню, Люся, ты успокойся, - гладила ее по руке Наташа, - ты ложись.

- Какое пари? - спросила Титова.

- Да глупое пари, - отмахнулась Наташа.

Высвободив руку, Люся зачатила:

- Она пришла к нам с Варькой... Варька приезжала с генералом, потом Наташа вспомнила, ну... это... такую загадку... Боря ее потом отгадывал, - замялась Люся, подбирая нужное слово. - Ну, как это, Наташа?

- Криптограмму, - выдавила Наташа.

- В криптограмме было шесть шестерок, Варька еще сказала, что это число дьявола, - все больше распалялась Люся. - Тогда все началось, с этих дьявольских шестерок. Утром в медсанчасти скончались двое, сначала матрос, обколосся наркотиками, потом Михаил - от ожогов. Сейчас Борис.

- Надо вызвать священника, чтобы освятил гарнизон, - голосом, полным ужаса и восторга от того, что так страшно, сказала Бибигонша.

- Надо вызвать, - смиренно повторила Люся. - Батюшку.

Они еще долго говорили о том, что с утра поедут в город, - Бибигонша обещала взять у мужа машину, - и привезут попа, чтобы окропил святой водой каждый дом, изгнал бесовскую силу из гарнизона. Что Люсе надо поставить свечку Николаю Угоднику, защитнику всех странствующих и воинов, а Борис и странствующий, и воин. Скоморохова стала читать по памяти молитву "Спасение на водах", Люся с Бибигоншей вторили ей.

Только Наташа молча вслушивалась в пугающую неизвестность за дверью. Она посмотрела на Титову и по ее напряженной спине даже в темноте разглядела, что Света за монотонными словами молитвы тоже слышит чье-то тихое дыхание за дверью, от которого сосет под ложечкой.

Позже, когда ночь пошла на убыль и страх утратил свою липкость, Наташа встала и беззвучными шагами прошла по квартире; все двери были

нараспашку. За ней в полутьме следовала Титова. Ни на кухне, ни в коридоре не было того, кто пугал их своим дыханием. Они остановились на кухне, у подоконника. За окном занималось утро.

- Как хорошо, что эта ночь кончилась, - сказала Наташа, закуривая сигарету.

- Хорошо, - подтвердила Титова, бросив окурок в форточку. - Еще чуть-чуть, и у меня бы сердце остановилось. Смотри, кто это?

Отодвинув штору, они припали к стеклу. Крадущейся походкой от дома отходил адмиральский адъютант. Внезапно, словно почувствовал их взгляды на своем затылке, адмиральская подушка развернулся и посмотрел прямо в окно. Они рухнули на пол. И долго еще, сидя на полу под подоконником, не могли прийти в себя.

- А я-то думала, мне пригрезилось, думала, нервы лечить пора. - Сигарета дрожала в Наташиной руке.

- Наверное, ждал под дверью, когда на него Бибигонша свалится, - заметила Света.

- Нужна ему Бибигонша как приложение к звездам, - изрекла Наташа.

- Для него все одно. Все загадывают желание на падающую звезду, адмиральская подушка - на падающую Бибигоншу, - уточнила Титова.

- Что характерно - сбывается, - усмехнулась Наташа.

На кухню, шлепая босыми ногами, в одной сорочке, зашла Люся.

- Не курите, - сказала она, разгоняя дым рукой, - у меня же аллергия на дым, - и, помолчав, добавила: - Боря сразу после свадьбы бросил курить.

Прибежавший утром посыльный взял скопом всю компанию. Приказом самого Бибигона прапорщик Киселева, матрос Титова, прапорщик Скоморохова были срочно откомандированы на запасной аэродром, затерянный в глуши, среди непроходимых лесов и сопок. Не пощадили и сержанта Чукину. Из всей компании в гарнизоне оставили только Бибигоншу, оказавшуюся, как всегда, вне правил.

Собрав сумки, Наташа и Люся одновременно вышли из квартир на лестничную площадку. Люся оставила свою дверь приоткрытой, спустилась по ступенькам и ждала, пока Наташа закроет квартиру.

- Если Боря вернется, - объяснила она, заметив Наташин взгляд.

После утраты Бориса все остальные возможные потери казались Люсе мелочью.

СОБАКА, КОТОРОЙ КРУТИТ ХВОСТ

Так сладко, так хорошо, с такими замечательными снами, в которых мы с Леликом гуляли рука об руку по цветущему яблоневому саду, я давно не спала. словно из мягкой уютной норки, оттягивая момент пробуждения, я медленно вылезала из объятий Морфея.

И вылезла. Прямо передо мной стоял генерал. От ужаса я захлопнула глаза. Где я, что я, как я? Вопросы копошились в моей голове, как червяки в яблоке. Неужели ничто, кроме яблоневого сада, не зацепилось за мою память?

Из-под чуть приоткрытых ресниц я увидела серое сияние, окутавшее мое тело. Как можно незаметнее я потрогала это сияние лежавшей на груди рукой. Пальцы погрузились в шелковый ворс, и я вспомнила. Вспомнила все: прежде всего шубу Музы Пегасовны, в которой лежу здесь и сейчас. Вспомнила, как она принесла мне чашку кофе, который я, проигнорировав мерзкий вкус, запасливо выпила. Я даже вспомнила, как погрузилась в темноту, как смеялась мне из этой темноты Муза с лицом льва или лев с лицом Музы.

Значит, она меня усыпила и тепленькой приволокла к генералу. Ничего себе старушка-подружка. А вот шубу, которую я спросонья приняла за теплую норку, не сняла. Отдала так отдала. Очень даже в ее стиле. Чрезвычайно благородная дама, сдавшая меня неприятелю вместе с шубой.

- Проснулась, Варвара? - полюбопытствовал генеральский бас.

Пришлось открыть глаза. Настоящие герои умирают стоя, возможно, и сидя, но никогда – лежа. Пришлось сесть. Вокруг меня стояла казенная обстановка казенного общежития, подо мной скрипела казенная кровать с синим солдатским одеялом и проштампованной простыней. В небольшое замызганное окно я разглядела одинокий вагончик на фоне леса, раскрашенного осенними мазками. По каким-то невнятным признакам я поняла, что это глубинка и находится она далеко в тундре. Какие-то люди бродили около вагончика, в одном я узнала Наташу, в другом – Люсю.

После Титовой, выросшей как из-под земли, я положила ладонь на лоб: температуру или схожу с ума? Музино снотворное определенно как следует ударило по мозгам. Откуда здесь Наташа, Люся, Титова, да еще всем отрядом?

Когда на крыльце вагончика показалась Скоморохова, мне стало ясно как день – надо лечиться. Я отвернулась от окна, дабы избавиться от посетивших меня видений, способных доконать ослабевшую психику. Дверь каземата распахнулась, и появилась Муза, дочь коня с крыльями. Руки стареющей Кармен сжимали икебану из веток с пестрыми листьями.

– Варвара, это тебе, – не удивившись моему пробуждению, без всякого стыда за содеянное сказала Муза Пегасовна и положила мне в ноги букет.

Я взглянула на ветки, тронутые увяданием, и разгадала тайный смысл икебаны: дни мои сочтены. Внутри у меня все сжалось в комок – неужели я так чудовищно ошиблась в Музе Пегасовне? А ведь я считала ее подружкой.

– Как прекрасно все, что создала природа! К чему не прикасалась рука человека! – воскликнула она. – Варвара, ты находишь?

Она потрепала меня по щеке.

– Какая ты бледная.

– Не трогайте меня, – отпрянула я от ее руки. Каждый жест Музы был наполнен для меня особым, зловещим смыслом. – Предательница, – прошипела я.

– Тима, сделай-ка ей кофе.

– Муза, может ей лучше бутерброд? – послушно гремя посудой, спросил генерал.

– Гоните сразу свой яд, кофе и бутерброд! Не надо, закусите ими на моих поминках, – произнесла я.

Муза с генералом вплотную приблизились ко мне. Я вжалась в металлическую спинку кровати, поверх шубы до самого подбородка натянула на себя валяющееся в ногах одеяло.

– По-моему, девочка ничего не поняла, – сочувственно сказал генерал.

– Сейчас поймет, – завершила его Муза и села на постель.

В кино после таких жалостливых фраз в непонятливого выпускают всю обойму, до последнего патрона. Перед моими глазами поплыли мерзкие круги, в животе затряслись поджилки. Никогда не думала, что они такие мерзкие. Это я о Музе и генерале.

– Начнем сначала, – пробасил генерал. – С кассеты. Муза говорит, что ты записала меня, когда я был в туалете. Конечно, я там был, но один, без Костомарова. В этом деле мне не нужны помощники.

– Но я же видела вас с редактором, – возразила я, радуясь тому, что долгие препирательства могут продлить мне жизнь.

– Где видела? В туалете? – спросила Муза.

– Ну, не в самом, а около. Они сидели в холле на диване. Костомаров тогда еще сказал, что у меня нюх как у собаки. Помните?

– Припоминаю, – ответил генерал. – С нюхом они не прогадали.

– А перед этим я слышала ваши голоса и записала на диктофон вашу исповедь – о том, как вы воруете и в каких количествах. – Я полосовала генерала голосом словно бритвой.

– Ты это когда-нибудь видела? – Он протянул мне на ладони какой-то запекшийся кругляш.

Несмотря на обуглившиеся пимпочку и кнопочку, я узнала в нем модулятор голоса, таким пугала меня Наташа. Я поднесла оплавленный, будто побывавший в топке, модулятор ко рту.

– Откуда он у вас? Вы что, расстреляли Климовича?

Даже в таком потрепанном состоянии он изменил мой голос до неузнаваемости.

- Так, так, значит, все-таки Климошкин... Между прочим, он вышел из мужского туалета сразу за тобой, - задумчиво произнес генерал. - Нашли на месте падения самолета.

Именно после этих слов все предыдущие события выстроились в четкую логическую цепочку. Модулятор нашли в самолете, на котором потерпел аварию Лелик. Кто-то пробил трубопровод, и этот кто-то забыл там модулятор. Я сразу вспомнила Климошкина, вспомнила ключ, открывший сейф как по маслу, вспомнила, что Климошкин забыл адрес Кулибина. Или он у него не был? Тогда откуда же такой замечательно подходящий к замку сейфа ключ?

- У вас только один ключ от сейфа? - дрожа от близости разгадки, крикнула я.

- Один, - кивнул генерал. - Дубликат был в дежурке, но месяц назад он пропал, я хотел сменить замок, да все недосуг.

Лавиной хлынули на меня все доказательства вины Климошкина. И эта его редкая способность имитировать чужие голоса, которой он веселил меня всю дорогу. Чего стоит одна только фраза, перепетая с генеральского голоса:

- А Шуйского меж нами нет?

Только ли из-за Лелика Климошкин с такой готовностью помогал мне? И не было ли у него в этом своего интереса?

- Муза Пегасовна, вы не забыли мою сумку? - стора от приступа подозрительности и близости развязки, спросила я.

- За кого ты меня принимаешь? - Муза выудила из-под кровати фиолетовую торбу.

Судорожными движениями я вытащила зеленую папку, протянула ее содержимое генералу.

- Ваши документы?

- Нет, впервые вижу, - сказал он, вглядываясь в бумаги.

- Но я нашла их в вашем сейфе!

- Муза, дай-ка ручку! - велел генерал.

С несвойственным ей послушанием Муза Пегасовна принесла ручку. Под моим бдительным оком генерал исписал всю бумагу росчерками автографов. Проведенная здесь же экспертиза - хотя какой из меня эксперт, я сама каждый раз расписываюсь по-разному - показала: заглавная "Ч" и росчерк хвоста, напоминающий у генерала петлю Нестерова, на документах из зеленой папки были не такими лихими. Словно у копииста не хватило духу черкнуть ручкой легко и свободно. Перед глазами возникла "ню-Третьяковка", изобилующая полотнами Климошкина.

- Зачем это ему? - спросила я.

- Пока не знаю, - ответил генерал, - догадываюсь только, что документы в сейф подложили специально для тебя, Варвара.

- Почему для меня? - встревожилась я, словно сама была под подозрением.

- Из-за твоего легендарного нюха. Они хотели, чтобы ты нашла эти документы, и ты нашла.

- Кто они? Климошкин - раз, а два... - Я вопрошающе уставилась на него.

- Климошкин - раз, но будут и два, и три, - пообещал генерал.

Меня оскорбила его скрытность: мы в одной связке или нет?

- Подумаешь, секрет! - высокомерно бросила я. - Знаю я ваше два. Два - это Бибигон. Или он шулки ради кидается записками о девушке, обещанной вами?

- Какие глупости ты говоришь, Варвара, - укорила меня Муза Пегасовна.

"Опять двойка", - грустно подумала я.

На что только потрачена жизнь? Ну, написала бы я статью, ну до выяснения обстоятельств отстранили бы генерала от занимаемой должности, в губернаторы как пить дать не выбрали бы. Интересно, зачем это Бибигону? Совершенно опечаленная ошибочностью своих изысканий, я спросила:

- А дискета? Дискета тоже не ваша?

- Дискета моя, - признался генерал. - Буквально накануне, перед твоим приходом, мне скачали ее с адмиральского файла.

Оказывается, месяц назад генерал поймал на самолетной стоянке, возле самолета, на котором майор Климошкин прилетел из Моздока, двух техников, пребывающих в странном состоянии, вроде бы и не пьяные, а зрачки расширены, и сразу видно – с ними что-то неладно. Через неделю история повторилась, и опять по прилете майора Климошкина. Не было никаких доказательств, поэтому и техники, и майор упорно отнекивались от всех высказываемых предположений.

Генерал заподозрил, что Климошкин доставляет из Моздока в гарнизон наркотики. После этого он отстранил его от полетов. Вместо него на ближайший полет был запланирован полковник Власов, но его самолет потерял управление и рухнул. Теперь известна причина аварии – пробитый трубопровод. Хорошо, что Власов успел катапультироваться. Между прочим, отстранение Климошкина от полетов привело к конфликту между генералом Чурановым и полковником Власовым.

– Я же не балаболка какая, разглашать непроверенные факты, – рычал генерал, – а этот Власов прицепился ко мне: "Почему лучшие кадры отстранены от полетов? Доложу обо всем командующему". А что я ему мог сказать, когда сам толком не знал?

– Знали, – сказала я. – Здесь действительно замешаны наркотики.

И я рассказала, как Малыш, натасканный на таможенной границе на поиск наркотиков, бросался на Климошкина. А я подозревала Наташу в съехавшей крыше.

– На месте у твоей подружки крыша, можешь сама посмотреть. – Муза Пегасовна указала рукой на окно. За ним среди осеннего пейзажа гуляли все, кого я сочла пригрезившимися. Только теперь я узнала запасной аэродром. Так вот куда привезла меня Муза, спасая от Бибигона!

– Главное – не дальность побега, а надежность укрытия, – сформулировала Муза Пегасовна.

Неплохая, скажу вам, мысль, спрятаться в зоне командования нашего преследователя. Как правило, меньше всего ищут у себя под носом.

– И долго мы будем сидеть здесь? – любопытствовала я.

– Пока не найдем транспорт, – ответил генерал.

– А где же машина? Вы же как-то привезли меня сюда?

– Вот именно как-то, – хмыкнула Муза Пегасовна.

Оказывается, Музин драндулет, припрятанный ею еще с дозовских времен, застрял в болоте, последние километры генерал и Муза тащили мое бесчувственное тело на руках. Я едва не прослезилась: ведь могли оставить одну шубу, а меня выкинуть посреди болота как ненужную начинку.

– Почему же вы не вызовете машину? Здесь что, нет телефона?

– Нашлась умная. Мы уже вторые сутки думаем, как нам выбраться, а корреспондентка только очнулась – и сразу за телефон. Да Бибигон по одному звонку обнаружит наши координаты, он же как кот у мышиной норы сидит и слушает, где мы пискнем, – ворчал генерал.

– И слопает, – резюмировала Муза Пегасовна, кровожадно хлопнув прекрасно сохранившейся челюстью.

– А вдруг генералом подавится? Тимофей Георгиевич, надеюсь, вы первый в его меню? – сыронизировала я. – И вообще, зачем я ему? Во-первых, я сделала все, как он хотел, во-вторых, я не удовлетворю изысканный адмиральский вкус, уж больно костлявая. И еще, я очень не люблю, когда меня кусают, особенно – жуют. Предупреждаю, буду плевать, испорчу адмиралу обедню.

– Ничего, девчонки, прорвемся! – хлопнув рукой по Музиному колену, с боевым задором произнес Чуранов. – Муза, перед тем как ехать к тебе, я позвонил командующему, предупредил, мол, надо в Питер по предвыборным делам. Возможно, Бибигон взял ложный след. Словно почуял, ты говорила таким голосом...

– Я всегда таким голосом говорю, – закатив глаза, томно прошептала Муза Пегасовна.

– А я всегда понимаю, когда ты так говоришь, – в тон ей произнес генерал.

Обнявшись, они закатились от смеха. Хорошо им, их двое, им не страшно.

- Ты говорила Климовичу, что нашла дискету? - переведя дух, спросил генерал.

- Нет, он же не спрашивал. Но раз они узнали, значит, кто-то сказал. Для того чтобы тайна стала явной, достаточно открыть рот, - по-моему, вполне логично заключила я. - Может быть, рот открыл тот, кто принес ее вам?

- Исключается. В этом случае они бы метали гранаты в мою квартиру. Где ты открыла дискету?

- Дома. Потом меня вызвала Сенькина...

- Зачем? - спросила Муза Пегасовна.

- Ну, просто так вызвала, - замялась я.

- Просто так ночью никого не вызывают, - буравя меня взглядом, отчеканила Муза Пегасовна.

Знаю я ее манеру докапываться до самой сути, в которой и себе самой стыдно признаться, не то что публично. Желая покончить с этой скользкой темой, я вспомнила о банковской книжке. К моему глубокому сожалению, она оказалась такой же подделкой, как и генеральские автографы на документах.

- Очень неплохая копия, сделана на цветном ксероксе, но где ты тут видишь водяные знаки? - Старушка с криминальным прошлым усердно демонстрировала мне страницы на свет.

Действительно, как я могла пропустить столь важный признак? Ужель богатство так застит глаза? Столько потерь за ничтожный срок - это уж слишком! Сначала я потеряла Лелика, потом квартиру, теперь лишилась возможности хоть раз в жизни посетить Багамы. А еще раньше - рубль Константина, по первоначальной оценке, он тянул на 30 тысяч, а потом оказался фуфел. Всю жизнь я считала себя собакой, которая вертит хвостом, а оказалось, что хвост вертит собакой. И я дала себе слово найти хвост и купировать. И грустно добавила: если хвост первым не обезглавит меня.

- Так ты говоришь, открыла дискету на домашнем компьютере? - переспросил генерал.

Я кивнула и уже вознамерилась поделиться впечатлениями об информации, записанной на дискете, как вдруг где-то над нами раздался неимоверный шум. Муза Пегасовна и генерал бросились из вагончика. Я последовала за ними, однако ноги путались в длинных полах конфискованного мехового изделия и, как предсказывала его прежняя владелица, пот катил с меня градом. Пришлось скинуть шубу в домике. Прямо над нами, пригибая деревья, шел на посадку вертолет.

Что посылают нам небеса? Спасение или гибель? Вертолет опустился на площадку за деревьями. Мы с Музой спрятались за генералом; в его руке невеста откуда появился пистолет.

В моей руке пистолет возник из фиолетовой торбы, но даже с ним я предпочла остаться в тени генерала. Всего один раз Тимофей Георгиевич повернулся к нам и дотронулся до Музино плеча, как приласкал. Она одарила комдива голливудской улыбкой, властной и нежной. Даже в такую минуту я не смогла сдержать удивления - надо же, как быстро генерал приручил дику пенсионерку! Из вертолета вышли какие-то фигуры, они медленно приближались к нам. В этот момент кто-то прыгнул мне на плечи; от неожиданности я лягнулась.

- Ты что, обалдела? - заорала на весь лес Наташа, упав на траву.

Нас окружили Скоморохова и Титова. Их лица светились счастьем. Наверное, оттого, что не они, а Наташа первой зашла с тыла. Девчонки наперебой радовались тому, что я наконец-то пришла в себя, оклемалась, очухалась. Хорошо им, не ведающим тайн. При любой посылке с небес их жизнь не претерпит изменений.

- Здоровая как конь! А мы еще переживали, что не очнешься, - сердилась Наташа, потирая ногу.

Поодаль, в стороне от общих восторгов, на крыльце бункера сидела Люся. Я уже знала, что произошло с Борисом. Забыв о безопасном положении за генеральской спиной, о тех, кто выйдет из кустов, я подошла к ней. Мы обнялись и долго-долго стояли так, прижавшись друг к другу. Все слова, какие я хотела сказать Люсе, казались мне фальшивыми, да она и не нуждалась в них. Мы обе, как одно целое, чувствовали свою вину перед

Борисом, которого знали еще мальчишкой в курсантской форме, когда он травил пошлые анекдоты и восхищался девушками, а они затыкали уши от этих анекдотов. И если б нас спросили, в чем наша вина, мы бы не ответили. Ее не объяснить словами и никогда не искупить.

- Люся, - окликнул ее кто-то.

Нагруженный пакетами, перед нами стоял Гужов.

- Люся, - повторил он.

Вместе с Гужовым на запасной аэродром высадился и Иван Шкарубо. По всей видимости, он прилетел проведать своих подчиненных. Наташа ходила как именинница. В тревожном повороте ее головы, в том, как она, закусив губу, бросала на Шкарубо полувзгляд, я угадывала зарождающийся брыз влюбленности.

Я обернулась: Люся и Гужов, не приблизившись ни на шаг, стояли и смотрели друг другу в глаза. От такой вакханалии чувств я как пень в весенний день загрустила о Лелике.

Еще один вопрос занимает меня: интересно, если б Лелик мне не изменил, убивалась бы я по нему так же горячо или на порядок ниже? Думаю, что - последнее.

Я достала из сумки телефон и набрала его номер. Вместе с ответом оператора "Абонент вне зоны досягаемости" на меня налетела Муза - дочь крылатого папаши.

- Варвара, куда ты звонишь? Ты хочешь, чтобы враги засекли наше месторасположение? Дай нам спокойно улететь!

Оказывается, генерал успел договориться с летчиком о доставке нас вертолетом в район большого аэродрома. Уже через полчаса, после дозаправки, мы поднимемся в воздух.

- Нам надо кое-кого прижать, - подошла ко мне Киселева.

- Шкарубо? - выпалила я первое, что пришло на ум.

- Его я сама прижму, - сказала Наташа, двинув меня плечом. - Надо прижать Титову.

Ласковыми речами мы заманили Светлану в бункер. Это из него, будто из-под земли, она явилась мне, когда я смотрела в окно. Как под конвоем, чтобы не сбежала, Наташа - впереди, я - сзади, мы вели жену особиста по узкому, слабо освещенному коридору. Миновав приоткрытую дверь, за которой брошенный Титовой коммутатор, - сейчас была ее вахта, - мы загнали нарушительницу трудовой дисциплины в тупик. По-моему, на последних метрах до нее дошло, что не просто так мы заманили ее в этот темный угол.

- Ну давайте, выкладывайте свою тайну, - волновалась Титова, пытаюсь обойти нас, но мы держали позиции.

- Нет, Светочка, сначала ты, - предложила Наташа.

Не ведая о сути ни сном ни духом, я не осталась в стороне от Натальиных притязаний и поддержала подругу:

- Давай, давай, выкладывай!

- Что "выкладывай"? - нагло, руки в боки, сжигая меня уничижительным взглядом сверху вниз благодаря ощутимому преимуществу в росте, вопрошала Титова. Так смотреть на Наталию у нее просто не получалось.

- Что-что? Все! - грубым голосом, пристав на цыпочки, прорычала я.

И посмотрела на Наташу: что это за тайна, ради которой мы должны зажимать Титову в темном бункере?

- Света, откуда тебе известно, что Борис курил сигареты "Вог"? - начала допрос Наташа.

- Да ничего мне неизвестно, отстаньте.

Сильные руки жены особиста расталкивали нас по противоположным стенам. Прорвать оборону Титовой помешал мой пистолет. Оказывается, слившись в единое целое, я носила его незамеченным в своей руке с той самой минуты, как спряталась за генеральскую спину. Вырвав пистолет из моей руки, Наташа направила дуло на Титову.

- Лучше по-хорошему говори.

Даже в темноте бункера были видны капли пота, тотчас выступившие на лице нашей жертвы.

- Титов пришел с похода. Перебирая его вещи, я нашла в кармане кителя пустую пачку "Вог". Подумала, что здесь замешана баба, надавала Титову по морде, ведь сигареты "Вог" женские, сам же Титов курит всю жизнь "Приму", - по-военному четко докладывала Титова. - Но Константин сказал, что перед погружением они курили с Борисом на мостике. Борис курил "Вог", потом бросил пустую пачку под ноги, а Костя поднял. Вы же знаете, какой он аккуратный. Выбросить не успел, потому что дали команду на погружение.

- И куда ты дела пачку? - не опуская пистолет, спросила Наташа.

- Выкинула, выкинула на помойку, - подозрительно охотно сказала Титова.

- Не ври. Ты ведь не поверила ни одному его слову. Что бы он ни плел, ты-то знаешь, что там замешана баба. И пока не припрешь всех теток этой пачкой, не вычислишь ту, что курила на брудершафт с Титовым, ты не выкинешь пачку. Так? - жестко произнесла Наташа, и дуло пистолета воткнулось в грудь Титовой.

- А-а, - блеяла Светка, кивая в знак согласия.

- Гони пачку! Нашлась твоя соперница, в наших краях только Варвара курит "Вог". Гони, а то нажму курок! - приказала Наташа.

На счет два Титова вытащила из бокового кармана форменного платья белую с узким ребром пачку с зеленой веточкой на лицевой стороне. Я взяла эту белую коробочку в руки и даже здесь, в этом темном углу, вспомнила запах Борькиного одеколona, которым был наполнен тот вечер.

Вот записанная его торопливой рукой криптограмма, а в ней три шестерки; с них начались все несчастья. В самом центре, словно пачку пробили кинжалом, темнела узкая косая прорезь. Если б я была криминалистом, то сделала бы два противоречивых вывода: кинжал, вонзившийся в пачку, был острый, но ржавый. Тончайший рыжеватый срез напоминал росчерк твердого стержня на белом ватмане.

Пока мы изучали пачку, Титова испарилась.

Наташа протянула мне пистолет.

- Хорошо, что не заряжен.

- Хорошо, заряженным я его сама боюсь.

Я отодвинула Титову; после промывки мозгов она примерно караулила молчащий коммутатор.

- Иди погуляй, я за тебя посижу.

Мне не пришлось повторять дважды, после демонстрации пистолета преимущество было на моей стороне. Надев на голову гарнитуру, я вставила шнуропару в гнездо, надавила тумблер вызова.

- Власов слушает, - ответил голос Лелика.

- Здравствуй, Лелик, - сказала я в микрофон.

- Вака, ты где? - выдохнул Лелик, изображая, будто давно ищет меня и вот наконец нашел.

Презрев его фальшивые вздохи, я спросила, как спрашивают о погоде или о времени. Может, чуть громче, дабы он расслышал все, что я хочу сказать:

- Как пишется: "дЕрьмо" или "дИрьмо"?

Он ответил не сразу, за молчанием я почувствовала соленый вкус пощечины на его щеке.

- Через "Е", - с горечью вымолвил Лелик. - Где ты?

Я не ответила. Вместо того чтобы выдернуть шнуропару из гнезда, оборвать связь, оборвать его голос, даже сама не зная почему, я слушала его крик: "Где ты, Варя? Где?"

Потом он тоже замолчал, и я испугалась, что вот так, внезапно, все оборвалось, и нет больше Лелика на том конце провода, но вдруг услышала его дыхание, как он слышал мое. Я - в бункере с гарнитурой на голове, Лелик - с телефонной трубкой в своем кабинете; через километры больших и малых дорог, через тундру с карликовыми березами и валунами, заросшими мхом, мы слушали друг друга.

- Ну что ты молчишь и дышишь в трубку? - тихо сказал он.

- Ты хочешь, чтобы я задохнулась? - в тон ему ответила я.

- Да ну тебя, - печально произнес Лелик.

Произнес так, что слезы защипали глаза. Я выдернула шнуропару. Меловой круг любви и ненависти сжимал сердце. Могла ли я улететь, улететь навсегда из этого города, в котором есть он, не сказав, как я его ненавижу?

МЕЛОВОЙ КРУГ ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

Выйдя из бункера, мы с Наташей устроили совет в Филях; генерал был Кутузовым, Музу пришлось исключить из списка. А пусть не поит бедных девушек гадким кофе!

Я отвела генерала подальше от его Музы, в сторону, и продемонстрировала проткнутую кинжалом пачку "Вог". Рассказала, как отдала ее Борису, как он написал на ней три шестерки, как с этих шестерок в гарнизоне началась черная полоса. Сначала погиб рыжий матрос, потом штурман Миша, потом Борис.

Наташа вспомнила, что за день до гибели Михаила она посылала на ПЛ К-130 криптограмму с тремя шестерками, именно с этой лодки доставили обгоревшего штурмана.

От названной аббревиатуры ПЛ К-130 в моей голове что-то щелкнуло.

- Мозги, - впоследствии язвительно подытожит так и не простившая изгнания Муза Пегасовна. И добавит: - В пустой голове они всегда стучат.

- У меня щелкнуло, - возражу я.

- А это уж в совсем пустой, - останется при своем мнении Муза Пегасовна.

Но это будет потом, а сейчас, в страшном возбуждении от близости разгадки, схватив своих визави за плечи, как больной, внезапно излечившийся от амнезии, я выдаю все, что знаю о ПЛ К-130 с дискеты, найденной в генеральском сейфе. Лучшее всего в моей голове зафиксировались цифры: 50 килограммов и 700 тысяч долларов. Наташка ахает. Муза Пегасовна, совершенно не умеющая быть в стороне, бодрой походкой нарезает круги вокруг нас и стремительно уменьшает радиус колеса обозрения.

- Не говорите так громко, - кричит нам Муза Пегасовна, стремясь хотя бы номинально сохранить честность в своем коварном приближении, - я все слышу!

Генерал просит припомнить координаты, сопутствующие ПЛ К-130. Но в моей голове крутятся только доллары и килограммы. Генерал разочарованно разводит руками.

- Ничего, - говорю я, - главное, до компьютера долететь. Но я уверена, что с координатами было что-то не то, погибший штурман Миша кричал перед смертью "шапка-добро".

- Значит, Титова нашла пачку у мужа, - промолвил генерал, не отрывая глаз от коробочки "Вог".

- Да, она всегда его обыскивает. Вот и получается: он следит за всеми, она - за ним, - сказала Наташа.

В подтверждение я припомнила, как мы всю ночь носились за Титовым по гарнизону.

- Думали, он к любовнице, а оказалось - в ангар торпедо-погрузочной базы, - сообщила я.

- Представляете, мы, наверное, были последние, кто видел рыжего матроса живым. Он вышел из ангара покурить. А утром скончался от передозировки наркотиков.

- Так, значит, ангар, - задумчиво произнес генерал.

- Товарищ генерал, пора, - напомнил подошедший к нам Шкарубо.

Муза Пегасовна, генерал и я залезли в вертолет, оставшиеся махали нам на прощание. Взглядом я выхватила из группы провожающих Люсю и Наташу, подмигнула всем вместе и персонально самым близким. Когда я их еще увижу? Пилот запустил двигатель, винт уже начал свое движение, и если бы не крик Музы Пегасовны, мы бы взмыли в воздух, но тут неугомонная пенсионерка не обнаружила на мне шубу.

- Шуба где? - крикнула Муза Пегасовна.

В этом страшном шуме было совершенно невозможно вести нормальную беседу, и я ограничилась жестами – мол, там, в домике. Муза Пегасовна, назвав меня безответственной раззявой, которая не умеет ценить подарки, выскочила из вертолета. Бросилась спасать шубу, с которой вообще-то по причине дарения должна была проститься всерьез и надолго. Генерал помчался за ней. Они скрылись за деревьями, разошлись по объектам и те, кто нас провожал. Для них я уже улетела. Вот так, помахали ручками и, посчитав свою миссию исчерпанной, оставили меня одну на залитой солнцем вертолетной площадке. Вертолетчик – не в счет, пока он только приложение к машине.

Стоял тихий, ясный день. Такие дни бывают только на стыке лета и осени, когда в воздухе неспешно плывет паутина, а мне кажется, что это грусть застилает глаза. Я вспоминаю самые возвышенные слова, которым верю лишь сейчас, на стыке лета и осени: благодать, отдохновение. Я опускаюсь в траву – она уже пахнет сеном – и, обхватив колени руками, закрываю глаза, лицом ловлю солнце, неяркое, увядающее вместе со всей природой. За спиной, как шмель, на малых оборотах жужжит вертолет. За его жужжанием я улавливаю чье-то стрекотание. Открываю глаза. Прямо по солнцу, в нимбе лучей, идет Лелик. Медленно, припадая на одну ногу, он приближается ко мне. За его спиной я различаю вертолет "Ми-8". Лелик подходит и протягивает книгу.

– На, Вака, чтобы не путалась в правописании.

После яркого солнца я с трудом различаю надпись на книге: "Орфографический словарь".

– Как там Ирочка? – спрашиваю я, не поднимаясь с травы.

– Она приходила ко мне, – отвечает Лелик, нависая надо мной.

– Ха-ха-ха, – невесело говорю я. – Она не должна вылезать от тебя, эта сладкая, вкусная Ирочка.

– Вака, ты дура. – Его слова звучат как объяснение в любви.

– С девушками так нельзя.

– С дурами можно, – утверждает Лелик. – Той ночью она была у Климовкина, услышала его разговор по телефону, он с кем-то договаривался о гранатомете для тебя. Под каким предлогом ты бы еще вышла из дома среди ночи? Сейчас Сенькина в больнице, напилась каких-то таблеток из-за этого гада Климовкина.

Волна любви к Лелику и сострадания к Ирочке поднимает меня с травы. Бедная, бедная Ирочка, так вот почему она так плакала, увидев серьгу с перламутровыми прожилками. Рваные джинсы Климовкина, синий лоскут, найденный мною у генеральского стола, замечательно подходящий к сейфу ключ, кусок зеленого пластилина, выуженный из-под дивана – из этого ряда. Климовкин давно хотел оторвать меня от Лелика, вместе мы казались ему непреодолимой силой. Он уговорил Сенькину сказать, что она невеста Лелика, для вящего подтверждения ее слов подложил в генеральский стол сфабрикованный рапорт о прописке. А под диван – серьгу, которую Сенькина накануне забыла у него на подушке. Если б мужчина, с которым я была близка, не ведая стыда, воспользовался моей серьгой, забытой у него на подушке, я бы плакала не меньше Ирочки. И наверняка бы травилась.

Почему-то принято считать, что если девушка дарит свою любовь не одному мужчине, то она какая-то бесчувственная и ее можно использовать безо всякого стеснения, тем более – моральных обязательств. Но я все-таки склонна верить, что даже самые распущенные среди нас, впервые обнимая мужчину, надеются – это он.

В одном прогадал Климовкин: Сенькина исполнила его волю не ко времени. И спасла меня. Теперь я обязана ей по гроб жизни, обязана хотя бы тем, что могу вот так протянуть руку, ладонью коснуться щеки Лелика, а Лелик будет стоять и смотреть на меня. И моя ладонь ощутит его прохладную, шершавую от щетины кожу.

Наверное, мы перегрелись на солнце, если не слышали, как подошли к нам Муза Пегасовна и генерал. С шубой.

Лелик выразительно посмотрел на меня.

– Она?

Я качнула ресницами. Так Лелик самолично узрел легенду моего устного творчества. Да и трудно было не признать. Кто, как не Муза Пегасовна, эта экзальтированная Кармен, способен в погожий, почти летний день неспешной походкой выйти из глухой тундры в шикарной собольей шубе, с генералом под руку?

- Как вы здесь оказались, Алексей? - Генерал протянул Лелику руку.

- Интуиция, товарищ генерал. - Лелик кивнул на вертолет, который доставил его сюда, одновременно пожимая генералу руку.

- Я сейчас этой интуиции дам по шее, - сказала Муза Пегасовна, обжигая меня взглядом.

Быть бы мне битой, если б не безумолчное сегодня небо. Прямо на нас стремительно шел на посадку еще один вертолет.

- Вертолеты пошли косяком, - следя глазами за раздувающейся на глазах тушкой, прокомментировала я.

Из иллюминатора нависшего над нами вертолета смотрел Бибигон.

- На счет три! - крикнул Лелик и бросился, припадая на ногу, к своему вертолету.

- Варвара, на твоей могиле поставят бюст с телефонной трубкой, - грозила Муза Пегасовна, запикиваемая генералом в салон.

И когда вертолет Бибигона коснулся земли и из него выскочил сам адмирал, а за ним группа автоматчиков, наша машина и машина, за штурвалом которой - Лелик, одновременно, как по команде, взмыли в небо. Припав к иллюминатору, я смотрела, как Адам Адамович неуклюже карабкается обратно в салон, как кинулись за ним автоматчики. Вертолет адмирала забил лопастями, набирая обороты, подъемная сила уже оторвала его от земли, и в этот момент над ними навис Лелик, не давая взлететь. Из открытых иллюминаторов автоматчики целились вверх, в вертолет Лелика. Трассирующие очереди пунктирными линиями прошивали воздух вокруг "Ми-8".

- Уходи, они с автоматами! - кричала я, будто он мог меня слышать.

Вертолет Лелика, сделав стремительный круг, пошел над машиной противника на бреющем полете. "Ми-8" стойкой шасси врезался в хвостовой винт нижнего вертолета, круша и разбрасывая лопасти. Лишенный направляющей тяги, вертолет Бибигона юлой завертелся вокруг оси и тяжело плюхнулся оземь.

От ужаса я закрыла лицо руками. А когда открыла, увидела, как далеко мы оторвались от своих преследователей. На параллельном курсе шел вертолет, из него мне махнул рукой Лелик. Внизу, вокруг обездвиженной машины, черными горошинами бегали автоматчики, посылая очереди, не способные достать нас.

- К ангару торпедопогрузочной базы! - крикнул генерал в кабину пилота. - Вызови по радиации прокуратуру!

Оттаявшая от переживаний, Муза Пегасовна обняла меня за плечи.

- Окрасился месяц багрянцем, где море бушует у скал, - грудным голосом, насыщенным красками, запела моя подружка-старушка.

- Поедем, красотка, кататься, давно я тебя поджидал, - подхватили мы с генералом.

Смеясь, обернулся пилот: давно он не возил таких веселых пассажиров.

Наш вертолет приземлился на взлетно-посадочной площадке гарнизона подводников. Именно по этой взлетной полосе шагали мы с генералом, прилетев на его первую встречу с избирателями. Между двумя посадками в одну и ту же точку одного и того же гарнизона - всего неделя, а событий - на целую жизнь хватит.

Муза Пегасовна, генерал и я выскочили из машины; над нами беспомощно завис двуногий "Ми-8", за штурвалом которого - Лелик. При ударе о хвостовой винт Бибигонова вертолета была вырвана основная, передняя стойка шасси.

- Давай баллоны! - скомандовал генерал.

Споро и слаженно, как единый механизм, нацеленный на спасение, техники катили по полю огромные резиновые круги, выкладывали их в ряд, прямо туда, где была тень от вертолета, за штурвалом которого - Лелик.

- Сколько он сможет продержаться? - спросила я Музу Пегасовну.

Она не ответила, только взяла меня за руку.

- Пока не закончится керосин. - Я сама знала ответ.

И я молила Бога, в которого обычно не верю, а сейчас верила истово и свято, как паломник у гроба Господня, не отбирать у Лелика керосин, а значит, саму жизнь. И Бог услышал мою молитву, а может, таким профессионалам, как он, не только Бог - в помощь? Держа "Ми-8" в висячем положении, Лелик правой задней ногой шасси коснулся земли, затем обрела точку опоры левая нога. На двух ногах, как слон в цирке, навис вертолет над рядами баллонов. Казалось, достаточно слабого ветерка под брюхо, и туша завалится на спину. Аккуратно, словно боялся смять, вертолет всем корпусом опустился на баллоны.

- Ура! - кричали все и бросали в воздух пилотки.

Муза Пегасовна, принципиально не закрывающая голову какими-либо шляпками, за неимением оной бросилась в объятия генерала.

- Тима, - сказала она, смачно целуя его в обе щеки, - это так необыкновенно, что мне хочется немедленно сесть за рояль и написать специально для тебя новый гимн.

- И выкурить, Муза, по хорошей бразильской сигаре, из отборного табака, года эдак 94-го, - согласился генерал, обнимая Музу Пегасовну за талию.

- И обязательно шампанское! Целый ящик, и чтобы пробки били в потолок! Обожаю, когда громко! - восторженно голосила Муза Пегасовна. Потом, обернувшись ко мне, крикнула: - А ты что стоишь?

И подтолкнула меня к Лелику, покинувшему вертолет. Не знаю, с ее ли подачи, но только неожиданно для самой себя, я повисла на его шее. Вот уж не думала, что способна на такое бурное проявление чувств! А может, прежде у меня были одни эмоции, а теперь впервые - чувство?

- Какой ты настоящий, - говорю я, глядя ему в глаза.

- Тебя, Вака, не понять. То ты называешь меня псом, то гадом, то вообще заблуждаешься: "Е" или "И" ставить в моем случае. Ты уж определись, - советует Лелик, всем телом прижимая меня к себе.

- Так ты же во всем настоящий, даже в тех случаях, где нечеткая гласная, - настаиваю я.

- Вака, я тебя изнасилую, - угрожает мне Лелик, сжимая меня в объятиях.

- Я не буду сопротивляться.

Он смеется.

- И как тогда я буду тебя насиловать?

- Страстно, - шепчу я и бесстыдно запускаю ладонь ему под куртку.

Ледяные от дующего с побережья ветра пальцы добиваются до горячего тела. Разница температур обжигает нас. Я вижу, как сжимается зрачок - до точки, как желтеет глаз. Ногти царапают нежную ложбинку на его спине, граничащую с бедром. Его руки напрягаются, сжимают мои плечи до синяков. Колкучим подбородком он трется о мой лоб.

- Вака, твоя испорченность сбивает меня с ног, - с трудом подбирая слова, изрекает Лелик. Его рыжие глаза смотрят мне прямо в сердце.

- А по моим сведениям, Лелик, с устойчивостью у тебя нет проблем, - голосом верховной жрицы, знающей, что он со всеми потрохами в моей власти, лениво мурлычу я.

Понятный лишь ему одному смысл сказанного выводит Лелика из себя, и он раздраженно рычит:

- Варвара, ты понимаешь, что я на службе?

С легкой улыбкой я наблюдаю, как он отдирает свои ноги от моих ног, глаза от моих глаз, руки от моих рук, себя от меня, и не понимаю: зачем надо ломать себя? О какой службе можно помнить сейчас? Сейчас для меня - только ты, а я для тебя - не только... Ты даже видишь стоящих поблизости, они смущают тебя. Самому не противен тупой материализм? Я молчу, я неподвластна ситуации. Куда ты спрыгнешь с подводной лодки, когда все твоё естество голосует за меня?

ЦЕНА ВОПРОСА

Вместе с сотрудниками прокуратуры, сопровождаемыми вислоухим спаниелем, мы зашли в ангар торпедопогрузочной базы. Поглядывая на генеральские

погоны комдива, дежурный по ангару лейтенант вытянулся по струнке, как-то невнятно пробормотал:

- Ваши документы.

Все было полезли за документами, но Муза Пегасовна упредила действия масс лозунгом революционного звучания:

- Дорогу генералу!

И по тому, как она первой, распахнув тяжелые ворота, шагнула в тоннель ангара, стало понятно, кто здесь генерал. Муза Пегасовна не из тех сублильных особ, что ждут, когда мужчина распахнет перед ними дверь.

С такой ерундой она способна справиться сама и если ждет чего-либо от мужчины, так только двери, распахнутой в мир. В мир возможностей и наслаждений.

Вместе с дверью ангара была открыта и последняя карта из колоды Бибигона: в пустующей при учебных стрельбах боевой части торпеды, уже готовой к погрузке на лодку, оперативники с собакой обнаружили мешок, набитый порошком цвета слоновой кости.

- Героин, - нюхая и разминая порошок в пальцах, констатировал сотрудник отдела по борьбе с контрабандой наркотиков.

В этот же день по героиновому следу задержали всех членов преступной группы, возглавляемой Бибигоном. В ходе проведенного следствия, закончившегося приговором трибунала, были раскрыты все составляющие данного преступления.

Пять лет назад Бибигон посетил с дружественным визитом Голландию. Но не голландские красоты, не флот страны тюльпанов поразили тогда контр-адмирала Мотылевского, а вполне рядовой ужин в семейном кругу контр-адмирала голландского происхождения. Именно там, в этом шикарном доме, где коридоров и комнат столько, что можно заблудиться и никогда не выйти наружу, Бибигон понял: его благосостояние на фоне благополучия голландского коллеги так же эфемерно, как смехотворна и незначительна вся коллекция собранных им монет.

А коллекция у Бибигона была внушительная: общий вес дензнаков многих континентов и летосчислений, на которые сначала курсант, а затем офицер Мотылевский тратил все свое денежное содержание, зашкаливал за пять килограммов. В первый год женитьбы, когда сияющий как медный грош Бибигон вместо ожидаемой полочки принес домой замшелый крейцер, вышедший из обращения полтора века назад, - на него и куска хлеба не купишь, - Ева, схватив папку с монетами, вознамерилась было выкинуть в форточку "весь этот мусор". Возможно, и вылетела бы коллекция россыпью из окна, да внезапно на нее снизошло прозрение - так случаются подземные бури и тайфуны, - и Ева поняла, что вслед за антиквариатом всегда покладистый и ведомый муж отправит в свободный полет ее. Наутро у нее распухла рука, рентген выявил трещину, и еще долго она помнила, как щуплый Адам с остервенелым лицом, вырвав из руки папку, грубо толкнул ее на пол. Коллекция вошла в ее сознание комнатой синей бороды: приближаться к ней - опасно для жизни. Потом, по мере накопления житейского опыта, Ева пришла к выводу: в перечне всевозможных прегрешений, допускаемых мужчинами, нумизматика относится к особо легким. Ей мог достаться дебошир, бабник или алкоголик. Можно сказать, расплатилась за брак малой кровью - мужик всего лишь цацки складирует да любителю на них, как ни разу не любовался на нее, Еву.

Правда, однажды было просветление - Бибигон забросил коллекцию в дальний угол, перестал ездить в клуб и даже впервые принес в дом всю зарплату, до копеечки. Тут бы и радоваться, а Ева испугалась: слишком уж злым и ядовитым был муж в период отлучения коллекции. Случилось это после того, как Тимофей Чуранов, которого Бибигон по дружбе сам затащил в клуб, этот "чайник нумизматики" показал там одну-единственную монету, зато какую - рубль Константина! Монету, коих в мире всего семь - и одна из них у Тимки Чуранова!

Добил Бибигона Роман Юнечев. Этот наглый, коротко стриженный лейтенантишко вытащил из кармана талер с Палладой. Он мог так небрежно

достать носовой платок или смятую пачку сигарет, но таскать в кармане монету, о которой Бибигон не загадывал и в самых смелых мечтах, это – слишком.

Волна зависти, разбудившая в Сальери злодея, поднялась в нем и оголила самые мерзкие наклонности. С семнадцати лет он отказывал себе во всем, отказывал в девушках и удовольствиях, из-за коллекции прибыл на Север девственником, из-за нее же – достался Еве. Она единственная не требовала от него ни кино, ни мороженого, напротив – сама кормила котлетами. Уразумел тогда Бибигон: нет справедливости в мире, как нет равных возможностей. Ты можешь изо дня в день, изматывая себя до кровавых мозолей, совершать марафонский забег, но финиш возьмет тот, кому бог дал дышалку вкупе с резвыми ногами. Дал просто так, не по праву – по неразумению. Как достались этим двум талер с Палладой и рубль Константина? Достались по наследству, Юнееву – от отца, Чуранову, еще комичнее, какая-то тетка по матери отписала в завещании.

И если верил Бибигон в судьбу и ее предначертания, то лишь в образе Фемиды с завязанными лентой глазами, дарующей без разбора, вслепую.

Пугая галландских хозяев мрачной решимостью, русский гость стремительно уничтожил спиртосодержащие напитки, представленные за ужином, и принялся за бар. Коллекция спиртного всех стран мира пала бы в ненасытной утробе адмирала, если б не дух отечества. Бутылка "Столичной", высосанная до капли из горла, сбила его с ног. Подкошенный приветом с родины, Бибигон рухнул на пол. Хозяева отметили его падение вздохом облегчения, после чего в спешном порядке вывезли бесчувственное тело в отель.

Утро приветствовало Бибигона не только раскалывающейся головой. Если вы подумали, что в номере была женщина, то ошиблись. Открыв глаза, сквозь туман похмелья он обнаружил троих мужчин, сидевших напротив его кровати. Если вы подумали... то и здесь вы тоже ошиблись. Эти респектабельные джентльмены, один из коих записывал все происходящее на видеокамеру, кинули на постель чемодан, принадлежащий Адаму. Он подтвердил это в объектив. Затем они высыпали из чемодана ворох белья, и он опять признал его своим.

Далее началось непонятное. Чемодан, который Бибигон знал как облупленный, ибо путешествовал с ним с незапамятных времен, внезапно для хозяина оказался с секретом. Секрет – небольшой, замотанный скотчем сверток – покоился под двойным дном, его наличие тоже явилось откровением для Бибигона. Но самым большим откровением стал героин, обнаруженный в пакете. Адам уже не помнил, когда он кивал: "Мое, знаю" – просматривая кассету, записанную респектабельными джентльменами. Выходило так, что все содержимое чемодана, вкупе с героином, принадлежало ему, Бибигону.

Из двух предложенных джентльменами вариантов – тюрьма или деньги – он выбрал второй.

"Вот ведь, не чемодан, а со вторым дном", – обреченно подумал Бибигон о самом себе.

И когда новенькие купюры закладывали кирпичиками второе дно, он отчетливо различил за их хрустом звон монет. Он знал: так заманчиво могут звенеть только две монеты.

Потом, как хорошие друзья, за бутылочкой коньяка, окончательно отрезвившей Бибигона, они обсудили – один из них сносно говорил по-русски – подробную схему доставки товара.

К транспортному самолету, прибывающему с Севера в Моздок, их человек приносит груз героина, упакованный под обычную передачу от доброго дядюшки любимому племяннику. Вместе с грузом Бибигон получает и записку с координатами выгрузки. Наркотик закладывается в боевую часть торпеды, пустующую во время учебных стрельб. Подводная лодка, выходящая на стрельбы, выпускает начиненную героином торпеду, но не на полигон, а, согласно полученным координатам, в район активного промысла, где ее, определив свою погрузку, вылавливает сухогруз. Сухогруз джентльмены брали на себя, Бибигон же – командира транспортного самолета, коим стал Климовкин, и командира подводной лодки К-130.

Была обговорена и финансовая сторона проекта: с каждой удачной поставкой будет расти счет в голландском банке, открытый на предъявителя. Тут же за столом Бибигону вручили банковскую книжку, в которой уже сейчас фигурировала солидная сумма. Так, не вставая с места, Адам Адамович Мотылевский стал состоятельным человеком.

Было бы ему счастье, и не только в голландском интерьере, если б не командир авиационной дивизии генерал-майор Чуранов – упертый чурбан, не желавший и за две цены расставаться с рублем Константина. Устав от долгих уговоров, Бибигон воспользовался новоделом – им и заменил экспроприированную у Чуранова монету.

Сначала Бибигон мучился из-за вульгарного способа разрешения вопроса и даже порывался пойти покаяться, но потом, когда разоблачения не последовало, решил, что судьба наконец-то скинула повязку с глаз и привела распределение в равновесие.

Второй подлог дался ему значительно легче. А уж после того как качок Юнеев душил его, да недодушил, окончательно уверовал в справедливость сущего. Тогда и освободил свою совесть от всяческих угрызений.

Словно почуяв нечто неладное, генерал-майор Чуранов отстранил от полетов Климошкина, вдобавок лично проверял каждый прибывающий из Моздока борт.

Тут уж Бибигону ничего не оставалось, как принять решение избавиться от генерала. В силу чувствительности своей натуры, не переносящей крови и силовых методов, он лично разработал изящный план устранения генерала: с помощью бескомпромиссного пера журналистки Синицыной. Для этого Климошкину был выдан модулятор голоса, посредством которого он говорил в туалете за двоих: генерала и Костомарова.

Костомаров ничем не мешал Бибигону, он просто попал под колесо машины, наехавшей на генерала. Не мог же генерал говорить сам с собой о своих же преступлениях. Дабы поторопить Синицыну со статьей, был устроен переполох в ее квартире. А чтобы госпожа Синицына не сомневалась в виновнике переполоха, под стол был брошен рубль Константина. Разве мог предположить адмирал Мотылевский, что из двухсот нумизматов нашего города я выйду именно на Романа?

Когда же и это не помогло, для ускорения процесса пришлось ударить журналистку по голове и умыкнуть никому не нужную сумочку.

Превентивные меры возымели действие, журналистка бросилась по следу, проложенному Бибигонем, с усердием натасканной борзой. В одном просчитался контр-адмирал: буквально перед тем, как я вскрыла сейф, Тимофей Георгиевич положил в него дискету с файлом груз "X". Тогда я не знала, что мой домашний компьютер подключен к удаленному доступу. Когда наркобарон увидел на мониторе своего компьютера, какая информация оказалась у меня в руках, забыв о своей чувствительности, он приказал Климошкину убрать меня с помощью гранатомета.

Дальнейшее известно: меня спасла Сенькина, оказавшаяся в ту ночь под боком у Климошкина.

Вместе с Бибигонем, Климошкиным и командиром ПЛ К-130 на скамье подсудимых оказался и особист Титов. Его нашли по пустой пачке "Вог". Помните ночь, когда мы все с Гужовым и Люсей бежали за Борисом? Тогда он скрылся от нас в подъезде Бибигона, но не затем, чтобы жаловаться на Гужова. Борис действительно был хорошим шифровальщиком. И когда он расшифровал криптограмму, то понял, что торпеда, которой выстрелила лодка, пошла не на полигон, а в район активного промысла. Бывает же так: из всех криптограмм, приходящих на телеграф пачками, Наталья запомнила именно эту.

Как только экипаж по команде "Все вниз, погружаемся!" спустился с мостика, где накануне наслаждался свежим воздухом, Титов ударил Чукина кортиком прямо в сердце. Потом, обшарив одежду Бориса, вытащил у него из нагрудного кармана тужурки то, что искал: пачку с криптограммой. Пачка лежавшая у самого сердца, была пробита насквозь. Следствие установило идентичность следов крови на кортике, найденном у Титова при обыске, и сигаретной пачке. Те же показатели крови были записаны в медицинской карточке Бориса.

Бросив истекающего кровью Чукина на мостике, Титов спустился в отсек, откуда и доложил на центральный пост командиру лодки Гужову о присутствии всего личного состава на борту.

После команды Гужова "По местам стоять, к погружению!" лодка опустилась на глубину. Волны смыли тело Бориса с ограждения рубки, заполняющегося при подводном положении водой.

Кроме убийства, трибунал инкриминировал Титову и участие в организованной преступной группе, занимающейся сбытом наркотиков: под руководством особиста рыжий матрос, скончавшийся от передозировки, закладывал героин в торпеду.

Из-за координат квадрата, в который отправлялась героиновая торпеда, погиб и штурман Миша. Командир ПЛ К-130 убрал его после того, как штурман стал много говорить о районе активного промысла.

Осужденный на солидный срок, Бибигон каменной рукой командора еще раз попытался дотянуться до генерала. Возможно, и сделал бы из Тимофея Георгиевича труп, хотя бы политический, если б не Муза Пегасовна. Ввергнутый в круговорот всех этих следствий, очных ставок и показаний свидетелей, генерал отошел от предвыборной борьбы за губернаторское кресло. Казалось, окончательно.

В один из последних дней предвыборной кампании "Пионер столицы" напечатал статью журналиста Виталия Бонивура "Генерал в дамках". Обвинительный лейтмотив звучал довольно-таки примитивно: генерал-де человек плохо образованный, обучен только одному языку – как он будет искать инвесторов для нищей области? Чтобы доводы выглядели еще убедительнее, к статье был приложен аттестат зрелости о среднем образовании будущего генерала, где в каждой строчке – только тройка.

В дело разрушения политического имиджа генерала запустили и судебный процесс над наркодельцом, бывшим контр-адмиралом Мотылевским. Мол, рука руку моет, все генералы одним миром мазаны, просто этого еще не поймали.

Вопреки ожиданиям Бибигона, заказавшего статью еще в хорошие для него времена, все изложенное лихой рукой столичного журналиста не привело генерала в уныние. Напротив, вдохновленный пламенными речами Музы Пегасовны о чести и достоинстве, генерал, рейтинг которого после длительного отсутствия на политической арене был близок к нулю, встретился в последний день предвыборной кампании с избирателями.

По совету Музы Пегасовны, для этой встречи генерал зафрахтовал самый большой зал города. Не ограничившись советами, ради такого мероприятия Муза Пегасовна заложила в ломбард переходящую, как красное знамя, соболью шубу. Взамен потребовала единственное: рояль должен стоять на сцене, а не в кустах. Счастливые соперники, с коими трудно было не согласиться, – через день выборы, – находили потуги генерала абсурдными и вне всякого сомнения запоздалыми. Но только не Муза.

Мало того, отринув все разумные доводы, день перед встречей с избирателями Муза посвятила музыкальному образованию Тимофея Георгиевича. С утра до вечера, пока партитура не покорила целиком и полностью генералу, они в четыре руки и соло штудировали единственную мелодию – "Прощай, любимый город". Генерала уже тошнило от "любимого города" и "седого боевого капитана", но Муза вновь и вновь, игнорируя стуки соседей по батарее, требовала безупречного исполнения. И она добилась своего: генерал клевал клавиши носом, но бацал грамотно, без фальши.

Оснащенная огромным букетом желтых георгинов, Муза Пегасовна первой вошла в пустой концертный зал и заняла место в первом ряду. Всегда безупречно одетая, в этот день она превзошла самое себя. И если раньше я повторяла "Кармен на пенсии", то сегодня решила исключительно на "Кармен". Настолько несовместны были эта красавица, с горящими глазами, прямой спиной, белозубой улыбкой, в шикарном брючном костюме красного цвета, и пенсия, да еще такая жалкая, как у наших стариков.

– Что он говорит! – громко шептала мне Муза Пегасовна, слушая речи генерала, обещавшего наладить жизнь области в пределах истинных

возможностей. – Ну кому интересны дороги, отопление и наличие рыбы в магазинах? Надо обещать глобально, врать по-крупному.

Видимо, в ее словах была сермяжная правда, а может, электорату окончательно наскучило однообразие предвыборных обещаний, но зал сидел как заторможенный, словно пустой, ни вздоха, ни выкрика.

– Кого могут возбудить эти занудливые речи?

Муза Пегасовна поднялась с места и, тряхнув головой, встала на сцену.

– Отправилась возбуждать, – шепнула я сидевшему рядом он.

– От этого бывают дети, – заметил Лелик.

– От этого бывают губернаторы, – поправила я его.

Я знаю Музу Пегасону, как знает бессменную руководительницу всевозможных хоров треть жителей нашего региона, певшая под взмахи ее властных рук. Попробуйте пройти с Музой Пегасовной по широкому проспекту города и не встретить того, кто открывал рот под ее руководством. Желаю вам успеха!

Стремительной походкой проследовав на сцену и вызвав восторг уже от одного узнавания, она вложила генералу в руку желтые хризантемы и ненавязчиво отодвинула его от микрофона на полуслове.

– Я старуха! – с вызовом бросила она в ряды.

От ее низкого, завораживающего тембра проснулись все.

– Я старуха! – громко повторила Муза Пегасовна.

– Сколько старухе лет? – крикнул чей-то молодой голос.

– Мне еще нет девяности, – гордо ответила Муза.

Заскучавший было народ развеселился.

– А дети есть? – несло с галерки.

– Дети есть, и внуки тоже, – сообщила Муза Пегасовна. – Я предводитель стада в девять голов.

– В десять голов, – наклонясь к микрофону, поправил ее генерал.

По его выразительному взгляду, брошенному на Музу Пегасовну, все поняли – генерал посчитал себя.

– Десятая голова пока под вопросом, – не растерялась Муза Пегасовна. – Беру только губернаторами.

Зал восторженно взвыл от такой санта-барбары, развернувшейся на их глазах. словно фокусница, она раскрыла газету, непонятно каким образом оказавшуюся у нее в руках.

– Здесь пишут, – сказала она просто, без всякого надрыва, с мягкой душевной интонацией, – что Тимофей Георгиевич не знает иностранных языков, владеет только родным – русским.

Газета плавно полетела в зал.

– Я хочу поклониться генералу. Поклониться до земли за то, что он знает наш могучий, богатый русский язык. Спасибо вам, Тимофей Георгиевич, за любовь к родной земле, ее народу!

Муза Пегасовна отвесила благородный поклон в сторону генерала, тот растроганно поцеловал ей руку.

– Надо ли нам, гражданам России, живущим на одной восьмой части суши, знать иностранные языки? – торжественно спросила она у зала, ловившего каждое ее слово. И сама ответила: – Надо! Но, прежде чем штудировать английский или японский, следует научиться полноценно изъясняться на своем родном языке. Может ли губернатор, не умеющий ясно выражать свои мысли на русском языке, быть губернатором? Представляете, в какие коллизии он может ввергнуть область! Так что, если губернатору, – Муза Пегасовна сделала жест рукой в сторону генерала, – положен по протоколу переводчик, у него будет переводчик!

На последних словах своей пламенной речи Муза Пегасовна махнула залу рукой, и он, послушный ее воле, бурно и страстно зааплодировал. На волне публичного признания она села к роялю. Затихшая аудитория вздохом расположения откликнулась на первые аккорды, летящие в зал из-под прекрасных Музиных рук.

– Спойте, друзья, – обратилась Муза Пегасовна к собравшимся.

– Ведь завтра в поход, – облокотясь на крышку рояля, с улыбкой продолжал генерал.

- Уйдем в предрассветный туман, - пели генерал и его Муза. - Споем веселей, пусть нам подпоет...

- Седой боевой капитан, - хором Пятницкого слаженно грянул зал.

- Прощай, любимый город, уходим завтра в море. И ранней порой, мелькнет за кормой знакомый платок голубой.

На этих словах Муза кивком приглашает генерала присоединиться. Следуя приглашению, генерал элегантно делит с ней стул и клавиатуру. От их игры в четыре руки, когда он - на басах, она - в скрипичном диапазоне, когда их руки летают над клавишами, перекликаясь нотами, народ восторженно стонет.

"Да, с роялем Муза в яблочко, - думаю я. - Ну кто теперь, после того как Тимофей Георгиевич продемонстрировал свое умение музицировать, посмеет назвать его необразованным солдафоном?" Не знаю, как другие, но человеку, играющему на фортепиано, я ставлю зачет автоматом по всем другим предметам. Даже знание сора, из которого выросла нынешняя музыка, не лишает меня удовольствия делить коллективное ликование.

Не прекращая петь, Муза оставляет рояль на попечение генерала и направляется к центру сцены, вдохновенно дирижируя поющим электоратом. Вверху над ней, как символ венценосности, горит сотней лампочек огромная восьмьярусная люстра. Словно понимая это, Муза Пегасовна нет-нет, да и бросает взгляд под самый потолок.

Я только успеваю подумать, что Муза, прочувствовав ситуацию, складывающуюся в пользу генерала, уже позирует для фото- и кинокамер, фиксирующих победу, потому и голову задирает: ведь именно такой ракурс наиболее выгодно отражает шею и другие коварные места женской наружности - как светящаяся громадина поползла вниз.

Нет, люстра не рухнула, не вломила в сцену и размахивающую руками Музу, не взорвалась на глазах онемевшего зала гирляндой осколков. Она медленно, с точностью снайпера сжимала пространство между собой и Музой, стоящей на ее пути.

И так же медленно, словно угроза нависла не только над Музой, истлела песня, лишь генерал продолжал бить по клавишам. И от этого все происходящее за его спиной наполнялось ужасом. Кто-то сдавленно ойкнул. Генерал обернулся. В безмолвии, словно это не лучший дворец города, а пустыня, лишь раздавался скрип троса, скрип отчетливый, до зябких мурашек; трос скрипел, быстрее и быстрее раскачивая люстру и повергая ее вниз.

И когда сноп света, направленный падающей восьмьярусной кометой, сжался до маленького круга, за пределами которого - тьма, а внутри уже едва помещалась Муза, когда круг вот-вот разрешится точкой, генерал бросился, опрокинув стул, - как-то неловко, спиной, но отчаянно - к Музе в красном полыхающем костюме, чарующей и трагической от близости опасного светила, и вытолкнул ее из опаленного круга.

От последовавшего за его резким броском режущего стеклянного грохота я в ужасе закрываю лицо ладонями, Лелик прижимает меня к своему плечу. Я не хочу открывать глаза, я не хочу видеть, что стало с Музой Пегасовной и генералом после того, как на них упала люстра.

- Вака, ты что? Вот дурочка! - трясет меня Лелик, отнимая мои руки от лица. - Вака, открой личико, все живы.

По тому, как он нервно смеется и совершенно необоснованно целует меня то в макушку, то в лоб, я понимаю: Лелик напуган не меньше меня.

Люстра теперь мирно качается на тросе у самой сцены, на излете, но все же она пометила лоб того, кто метит в губернаторы. С перевязанной бинтом, на котором проступает кровь, головой генерал - герой всех героических эпосов, да и только.

Сцена уже заполнена людьми, Муза Пегасовна принимает комплименты по поводу ее самообладания под падающей люстрой, генералу оказана первая медицинская помощь. И вместе - восторги всех и каждого. Нет в зале ни одного равнодушного, неспособного оценить поступок настоящего мужчины Тимофея Чуранова, спасшего на глазах у всего честного народа любимую женщину Музу Пегасовну.

Безоглядно и доверчиво, словно под Новый год, люди верят в любовь и благородство. Невесты откуда на сцене появляются ящики с водкой, и все как одна семья, все как родные, плача и смеясь одновременно, поднимают тосты, главный из которых "Горько!", и уж потом – "За губернатора".

Сквозь праздничность толпы, будто сегодня новогодний карнавал, мы с Леликом протискиваемся к Музе и генералу. Кармен с энтузиазмом целует нас, генерал наполняет стаканы водкой.

– За люстру! – произношу я тост. – Если б ее не было, то следовало бы придумать.

– Тогда за газировку, которой ты меня окатила. – Генерал трогательно обнимает Музу за плечи.

– Что газировка! – снисходительно говорю я. – Это не случайность, там было все выверено до мелочей и проведено в жизнь лично мною.

Генерал отстраняется от Музы и довольно подозрительно пялится на нее.

– Что-то не так? – спрашивает Муза, заботливо поправляя бинт на его голове. – Болит, Тима?

– Муза, если б ты не стояла там, куда летела эта дура, я бы подумал, что ты подпилила трос, – несколько обескураженно, однако с хитрым прищуром заявляет генерал.

Как институтка, пойманная со шпаргалкой, Муза выдыхает горячо и обиженно:

– За кого ты меня принимаешь?

– За тетку этой журналюги, – кивая на меня, не верит генерал.

И следует признать – обоснованно. О, я знаю эту ее горячность, я знаю, когда Муза Пегасовна сама честность и благородство. Только при полном отсутствии и того и другого. Привстав на цыпочки, через плечи и головы я смотрю на люстру, вокруг которой суетятся рабочие. Черт возьми, как Муза сумела ее оторвать от потолка и приблизить к сцене? Может, методом гипноза? А что, с нее станется!

Я легко, без лишней аффектации подношу сжатую в кулак ладонь к самому лицу генерала и раскрываю пальцы.

– Вот.

На ладони покоится рубль Константина. Настоящий.

– Откуда он у тебя? – Взяв монету, генерал пристально рассматривает ее. Я не хочу отвечать на его вопрос и посему немедленно перехожу к следующему пункту.

– Можете не сомневаться, ваша.

– Муза, ты только посмотри, что принесла Варвара.

Обняв Кармен за плечи, генерал поясняет:

– Это очень редкая монета, рубль Константина, их было отчеканено всего семь штук.

Водрузив на нос извлеченные из сумочки очки, Муза Пегасовна повернувшись к свету, изучает рубль.

– Неужели только семь? Это же раритет, антиквариат, культурная ценность мирового масштаба! Рубль, чей ты сказал?..

– Константина, – говорит генерал.

– Везет же этому Константину, – тускнеет Муза Пегасовна.

– У меня был когда-то такой рубль, тетка оставила. Очень похож, – задумчиво произносит генерал и, словно встряхнувшись, обращается к Музе: – А Константин – один из несостоявшихся царей, я тебе потом расскажу. Между прочим, очки тебе к лицу, ты в них похожа на гимназистку.

Смущаясь, Муза Пегасовна поглубже усаживает очки на переносицу, но из контекста выхватывает реплику про тетку.

– И какая тетка делает тебе такие подарки?

– Сводная сестра моей матери, – хохочет генерал, нежно сжимая Музину ладонь. – Все называли ее Лили, я тоже. Ее дед был резчиком монетного двора в Петербурге. Семья считала, что у Лили в голове ветер: я думаю, они ошибались: там был ураган. Девчонкой она отморозила пальцы на ногах во время похорон Ленина и до старости заплетала косы. Страшно стеснялась своей хромоты и очень хотела выйти замуж. Так и прожила всю жизнь старой девой. Меня Лили обожала. Между прочим, рубль она стащила у своего

папеньки – хотела отдать на нужды революции, но после ампутации пальцев разочаровалась и в революции.

Радуюсь тому, что генерал увлечен хроникой своей семьи, я делаю шаг в сторону, но Лелик, читающий на аверсе через плечо Музы Пегасовны, хватает меня за рукав.

– 1825 год. И сколько он сегодня стоит?

– Дорого стоит. Иногда такую цену заломят... – отвечает генерал. – Оказалось, за него можно продать друга, честь. У тебя минус?

Он берет у Музы очки и, держа их на весу, как пенсне, изучает монету.

– А ведь действительно, очень напоминает мою. Ты видишь, Муза, характерная неровность гурта. Варвара, так где ты взяла рубль?

Смыться не удалось. И все из-за Лелика, вцепившегося в меня в самую неподходящую минуту. В ожидании исповеди меня буравят три пары глаз. Ладно бы один генерал, с ним бы я еще справилась, а вот с Музой Пегасовной не забалуешь, хватка у нее мертвая.

Почему я не хочу отвечать на этот вопрос? Мне стыдно. Это черный квадрат моей совести. Как дурно мне от того, что я обманула Еву. Воспользовалась доверием ничего не подозревающей Бибигонши. Возможно, клад под пальмой отыскала бы следственная группа, которую я опередила буквально на несколько минут. В их действиях не было бы вероломства, а в моих есть: я обманула Еву, верящую мне. Даже если бы в ее квартиру ворвался Роман и, угрожая ножом или пистолетом, вскрыл паркет под пальмой, он не был бы так подл, потому что не демонстрировал дружелюбие. А я – демонстрировала. И пока Ева разливала чай, нарезала яблочную шарлотку, я взяла монеты, не принадлежавшие Бибигону.

Воровать стыдно, воровать ворованное – не очень. Но почему-то, когда я вспоминаю великаншу Еву, радостно распахнувшую мне дверь, Еву, еще не ведавшую о грядущих переменах, которые разлучат ее с мужем, разрушат ее жизнь, этот постулат не утешает меня.

– Да ваша это монета, ваша! – От злости я перехожу на крик. – Юнеев уже успел получить заключение экспертов.

– Спасибо, – не находя других слов, неловко бормочет генерал.

С силой, расталкивая толпу, я тяну Лелика со сцены. Мне не нужна никакая благодарность, я хочу забыть гостеприимную Еву и ванильный запах шарлотки.

Наутро вся область твердила о мужественном поступке генерала. Как на дрожжах росли слухи, что спасение дамы – не первый подвиг в его послужном списке. Телевидение и газеты пестрели интервью с людьми, которых генерал вытащил своими руками из воды и пламени. Сюжет о самоотверженном броске генерала под люстру, без устали транслирующийся региональными телеканалами, затмил, особенно в среде домохозяек, все мыльные сериалы. В день выборов народ слаженно, с первой попытки, отдал свои голоса Чуранову Тимофею Георгиевичу. В первый же день губернаторства он, собственноручно забив в стену своего кабинета гвоздь, повесил портрет Музы Пегасовны.

Тимофей Георгиевич Чуранов пропал. Конечно, губернатор не пуговица и не иголка, чтобы теряться, тем не менее все обстояло именно так. Может быть, для администрации области, для штата помощников и секретарши он безотлучно восседал в губернаторском кресле, но для Музы Пегасовны отсутствовал четвертые сутки. Особо настаиваю на сутках, так как именно в этот период она отсчитывала каждый час без него, исключив даже перерывы на сон и обед.

Это случилось после того, как генерал, ставший губернатором, вбил гвоздь. Он, между прочим, любезно пригласил нас с Музой полюбоваться на его новый кабинет, и молодая секретарша, прелестная и значительная, что свойственно девушкам ее профессии, расположив нас за столом, под портретом моей подруги, принесла кофе.

После того как мы распили кофе, одобренное коньяком, генерал-губернатор пропал. Звонок Музы Пегасовны застал меня на редакционной планерке. Я не узнала ее голос, такой он был потерянный.

- Варя, приезжай, мне плохо, - услышала я.
- Скорую вызвали? - переполошилась я.
- Скорая не поможет, - печально изрекла она.
- Владимир Николаевич, мне срочно надо, - заканючила я.
- Синицына, - постукивая паркером по столу, нахмурился Костомаров, - вы работаете в нашей газете почти месяц, из них я видел вас, дай бог, раз пять.

- Может быть, в этом ваше везение. - Я уже просачивалась в приоткрытую дверь.

- Чтобы завтра пришла с готовым материалом, - раздавалось за моей спиной ворчание редактора.

Так я узнала об исчезновении генерала из жизни Музы - длиной в четыре дня.

- И четыре ночи, - подсказывает мне бедолага.

Она возлежит на своем бархатном диване, на другой половине комнаты - рояль, над ним - Клеопатра, бросающая жемчужину в бокал. Еще неделю назад я признавала за Музой Пегасовной сходство с возлюбленной Антония. Но сегодня она - обычная российская женщина на пенсии, о завершающем жизненном этапе которой говорит не пенсионное удостоверение, а потухший взор. Видимо, для того чтобы быть Клеопатрой, необходим Антоний. Сигары - единственное, что осталось от прежней Музы Пегасовны, их она смолит не переставая.

- Я вышла в тираж...

Тяжело поднявшись, Муза Пегасовна подходит к зеркалу.

- Варвара, ты посмотри, какие у меня брыльки, - говорит она как о смертельной болезни, постукивая при этом ладонью подбородок, - прямо как у бульдога.

- А у кого их нет? - утешаю я старушку.

- У тебя. Когда мне было тридцать, как тебе, я чувствовала себя девочкой, и ни один мужчина не смел тогда обращаться со мной подобным образом. Между прочим, большие брыльки - признак породы. С годами я становлюсь породистее.

Вернувшись на диван, она кутается в одеяло.

- Конечно, я могла бы заплакать, но это будет жалкое зрелище - старуха, рыдающая из-за мужчины. И потом, я отеку, у меня распухнут глаза. Как в таком виде прикажешь идти на сцену? Нет, рыдать я не буду, лучше достань "Зеленую фею". И поставь "Реквием".

В полутьме, когда мы с Музой Пегасовной обжигаем свои внутренности напитком, культивированным артбогемой, ее слова звучат как исповедь уходящего в иной мир.

- Я не понимаю, Варя, зачем живу. Когда на горизонте шестьдесят, существование утрачивает смысл. Меня уже пора заносить в красную книгу как реликт... За его здоровье. - Она звонко ударяет своим бокалом по моему и залпом опустошает его. - Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться, - философствует она.

- Это вы про люстру? - бесцеремонно требую я пояснений. - Муза Пегасовна, как вы это сделали?

- Не говори глупостей, при чем тут люстра? - обрывает она меня.

Но уже по тому, что сразу, с одного слова понимает, о чем идет речь, я делаю вывод: это только яблоки падают произвольно, а люстры - по заказу. Я бы еще полюбопытствовала, но Муза Пегасовна душит в зародыше мой профессиональный рефлекс.

- Довольно об этом, - безжалостно резюмирует она.

Здесь можно поставить точку. Муза Пегасовна навсегда исключила генерала - пусть даже сегодня он губернатор - из своей жизни. Я знаю, что больше мы не вспомним о нем. Во всяком случае, вслух. После длительного молчания, протекающего под музыку Моцарта, она говорит:

- И хватит, Варвара, подымать меня на дыбу жизни.

- При чем тут я?

Ну вот, за неимением других виноватых моя подружка вычислила крайнего.

- При всем. Хотя бы потому, что хочется мне есть. С сегодняшнего дня я буду доживать свой век, как подобает старухе: чинно и благородно. Не буду суетиться, усмирю свои желания и перестану красить волосы...

- О, седеющая брюнетка - это очень модно. - Развалясь в кресле, я неучтиво смеюсь. И уж совсем вне всяких приличий закидываю ноги на стол. Отчего-то мне совсем не грустно, напротив - весело как от щемотки. Наверное, под влиянием абсента. - Такие волосы называются соль с перцем, их носят самые продвинутые модницы.

- Тогда я буду краситься, - угрожающе произносит Муза Пегасовна, - но никаких стрижек, только старческий пучок. Поддай-ка мне вон ту шкатулку. Без зеркала, на ощупь, она сооружает на своей голове извлеченными из шкатулки шпильками недоразвитую бабетту.

- Заметь, Варвара, я даже не спрашиваю тебя, как я выгляжу, меня это теперь не интересует.

- Я бы промолчала, даже если б вы и спросили. Сказать-то о новом прическе нечего, - куражусь я над Музой Пегасовной, насильно загоняющей себя в старшую возрастную группу.

- А ну, мотай отсюда! - негодует она; запущенная ее рукой подушка с золотыми кистями, врезавшись в голову, откидывает меня в кресло.

От порывистого движения, свойственного скорее метателю молота, но никак не примерной старушенции, Муза Пегасовна преображается. И хотя она еще норовит восстановить на голове рассыпавшийся пучок, я вижу, как горят ее глаза, хотя комната уже погрузилась в сумерки.

- Узнаю вас, Муза Пегасовна! - на полном серьезе радуюсь я: если она состарится здесь и сейчас, что будет с нашей дружбой?

Из-за пронзительного звонка, корабельной рындой ворвавшегося в величественные аккорды "Реквиема", я не успеваю закончить спич о здравии, зато получаю индульгенцию. Муза Пегасовна больше не гонит меня, мало того - распорядительным жестом возвращает в изголовье подушку с золотыми кистями. С грациозностью львицы, совсем не так, как прежде, она располагается на диване.

- "Реквием" выключи, - спокойно, не пытаясь перекричать настырный звонок, говорит она, - и открой дверь.

Предчувствие нас не обмануло: так настойчиво терзать кнопку звонка и наши уши мог только Тимофей Георгиевич. Сегодня он больше генерал, чем губернатор. В белом парадном мундире, на погонах - шитые золотом звезды, на черных брюках - голубые лампасы, на фуражке - золотая кокарда, в руках - немыслимый букет желтых хризантем. Он переступает порог, неся с собой запах хорошего одеколона и осенней свежести. От сочетания офицерской выправки с природной роскошью цветов я охаю. Хорошо еще, не очень громко - Муза Пегасовна, объявившая мораторий на генерала, мне бы этого не простила.

- Здравствуй, Варя!

Генерал всучивает мне в руку фуражку.

- Где? - спрашивает он.

Я киваю в сторону комнаты. Ужасно интересно, что сейчас будет: сразу Муза прогонит генерала или для порядка помучает? И что я вижу, выглядывая из-за генеральской спины? Представляете, моя старшенькая, минуту назад божившаяся стать бабушкой, уже успела выкинуть шпильки из прически и накрасить губы. Не знаю, что она там еще успела, пока я встречала генерала, но ее проворности в создании имиджа можно позавидовать: двадцать, конечно, не дашь, но выглядит на все сто. В смысле сто процентов, когда каждый прожитый год - во благо. Если вы скажете: так не бывает - значит, вы просто не знаете Музу Пегасовну. Мужчины не могут устоять перед такой женщиной. Вот и наш генерал опускается на колено. На Музу, возлежащую на диване с длинным узким бокалом абсента в руке, это не производит ни малейшего впечатления. Запрокинув голову, она смотрит на коленопреклоненного генерала через стекло и смакует вкус полыни.

- Я думал, ты потеряла меня, а ты пьянствуешь, - обескураженно говорит генерал.

- Что ты хочешь? - спрашивает Муза голосом инквизитора.

- Пригласить тебя в ресторан, - смущается генерал.

Рука Музы, прекрасная в своей зрелости, униженная кольцами, ласкает восковые лепестки хризантем. Я вижу, как замер генерал в ожидании вердикта, как ждет он ее ответа.

- Так не отказывай себе в этом, - шепчет Муза Пегасовна.

- Что? - словно не расслышав, переспрашивает генерал.

- Не отказывай себе в этом, - четко повторяет Муза Пегасовна.

- Что?! - не унимается генерал, едва удерживаясь от смеха.

- В ресторан! - Крик Музы Пегасовны оглушает нас.

И пока она вот так победно голосит, генерал, приговаривая: "Так это против правил" - закидывает ее хризантемами, цветок за цветком.

О, как божественно красива ликующая Муза Пегасовна на диване цвета горького шоколада, усыпанная лоскутным одеялом из желтых хризантем! Я чуть не вою от зависти. Вскочив с дивана, она ступает по цветам, устлавшим пол. Потом распахивает крышку рояля. Проехавшись всей ладонью по клавишам, как по катку, она наяривает "Мурку".

- Здравствуй, Ляпидевский, здравствуй, лагерь Шмидта, здравствуй, лагерь Шмидта, и прощай, - голосит Муза Пегасовна.

- Мы пошухарили на полярной льдине, а теперь награду получай, - аккомпанирует генерал в басовом ключе.

Я не знаю слов, поэтому сдабриваю свое "ля-ля-ля" постукиванием пальцами по крышке рояля.

- Шмидт сидит на льдине, словно на малине, и качает длинной бородой, - самозабвенно, в блатной манере, горланит дуэт.

Оторвав левую руку от клавиш, генерал достает из внутреннего кармана узкую коробку.

Внутри на белом атласе - солидный WATERMAN; корпус ручки инкрустирован серебром и трехкартатным золотом. Такой крутой в нашей редакции нет даже у Костомарова. Оказывается, это - подарок мне. Не знаю, поднимется ли моя рука применить столь роскошный подарок по его прямому назначению? Интересно, с чего бы? Муза Пегасовна смолкает, вместе мы вопросительно смотрим на генерала.

- Рубль Константина действительно оказался моим, столичные эксперты подтвердили его подлинность, - говорит генерал, продолжая наигрывать воровской гимн.

Мы с Музой Пегасовной переглядываемся: так вот где долгих четыре дня пропадал генерал.

- Спасибо, Тимофей Георгиевич, это вы слишком, - растерянно говорю я, не выпуская ручки из рук, - даже не представляю, как можно просто так писать этой уникальной вещью! Может, сразу под стекло замуровать?

- Брось свои комплексы, Варвара! - рубит сплеча генерал. - Ручка не стоит и сотой доли рубля Константина. Так что нечего на нее любоваться: не мы для вещей, а вещи для нас. Пиши статьи, чтобы каждая - на вес золота.

- Тима, ты не представляешь, как щедрость украшает мужчину! - Обняв генерала, Муза горячо целует его в щеки и уточняет: - За тебя, Варвара.

- Я и сама могу, - слабо протестую я.

- Не шали, - грозит пальчиком подружка-старушка.

- Между прочим, Муза, нас ждет машина, - прерывает наш диалог генерал.

Все вместе мы выходим на крыльцо. Уже стемнело, и зажглись фонари. Роскошная Муза, в каком-то немыслимом белом кардигане, в туфлях на высоком каблуке, рука об руку с генералом, направляется к машине.

- Ну, я пойду, - говорю я.

- Подбросить? - спрашивает генерал.

- Спасибо, - мотаю я головой.

Почему-то мне ужасно тоскливо, хочется нырнуть в темноту и долго идти под фонарями, которые ночью кажутся звездами. И чтобы мелкий дождь стекал по лицу как слезы. Прямо над нами нарастает гул самолета, вечернее небо стремительно бороздят сигнальные огни невидимой машины.

- Ночные полеты? - спрашивает генерал.
- Ага, - вздыхаю я.
- Не расстраивайся, Варя, - подбадривает меня Муза Пегасовна, - вот станет Леша генералом, и вы тоже сходите в ресторан.
- Муза, ты не знаешь Власова, - замечает генерал. - Для того чтобы он окончательно пошел на посадку, ему надо как минимум выйти на пенсию.
- В общем, сходила, Варя, в ресторан, - хохочет Муза Пегасовна.
От обещанной перспективы я с досадой развожу руками: ресторан светит мне лет через двадцать. А сейчас Лелик мне кажется ребенком, без спроса забравшимся в кондитерскую лавку. Пока не стрескает все сладости, до аллергии, не успокоится.

Музе Пегасовне пришла в голову мысль устроить из посещения ресторана нечто экзотическое.

- Требую оргию! - провозгласила она, осушив бокал шампанского.
Дабы претворить эту идею в жизнь с полным блеском, генерал заказал официанту Б-52.

- Будем гасить бомбардировщик, - улыбнулся генерал Музе.
Ради оргии, по которой исстрадалась мятежная душа, загнанная в возрастные рамки, Муза была согласна на все. Ее даже не напугал вид горящего синим пламенем коктейля. Подбадриваемая генералом, обладающим большими познаниями в искусстве питья, она опустила на самое дно пожароопасного бокала трубочку и на едином вдохе осушила Б-52 вкупе с пламенем. Так родилась традиция. Еще при первом появлении сей блестящей пары музыканты оставили смычки и клавиши, присутствующие - закуски. Публика, узнавшая нового губернатора, рукоплескала. Генерал раскланялся, он явно был растроган. Роскошная Муза, сопровождаемая кавалером под руку к столу, ломящемуся от яств, не могла оставаться лишь тенью и ответила залу воздушным поцелуем. Грянули продолжительные аплодисменты. Музыканты заиграли туш. И если женские взгляды с некоторым пристрастием бороздили спутницу губернатора вдоль и поперек, то мужчины откровенно сворачивали шеи.

- Ей нет соперниц, нет подруг, красавиц наших бледный круг в ее сиянье исчезает, - произнес генерал первый тост.

А уж когда Муза Пегасовна, ощущавшая себя под прицелом множества глаз как рыба в воде, заявила о своем желании оргий, их возжелали все. Не потому, что Муза говорила громко - просто так уж получается: где бы она ни появилась, ее слышат. Накрахмаленные официанты не успевали разносить по столам бокалы с полыхающими Б-52. Дамы взахлеб демонстрировали склонность к отчаянным поступкам, и ни одна, склонившаяся над пламенем, не ойкнула. А ойкнули все в ту минуту, когда музыканты взяли первые ноты какой-то лирической мелодии и пианист произнес в микрофон:

- Губернаторский вальс - для губернатора и его дамы.
Как все и ожидали, генерал, протянув руку Музе, повел ее в центр танцевальной площадки. Посетители ресторана, особенно те, что помоложе, скусившись, вернулись к застольным беседам: кому охота смотреть на показательные выступления стариканов, что были когда-то рысаками, а сегодня, с трудом передвигая копыта, способны только на вялое топтанье в ритме вальса? Генерал уже хотел закружиться в объятиях подруги, но Муза, оставив его, взошла на сцену.

- Нет, нет, - обратилась она к музыкантам, обрывая мелодию властным движением руки, - никаких занудливых музык.

Взяла у пианиста микрофон, приблизила его к губам и как бы нехотя, сквозь истому, произнесла:

- Две гитары за стеной жалобно заныли...
Застонала скрипка, заговорила гитара, всплеском аккордов откликнулось фортепьяно, страстно встряхнула плечами Муза, и зал вздрогнул от изысканного тембра ее голоса. Ее низкий грудной голос нельзя назвать концертным, но в нем есть все, что так близко русской душе: и кураж, и свобода, и тоска о чем-то безвозвратно ушедшем. От таких голосов щемит сердце, а ноги наперекор тоске рвутся в пляс.

- Сердцу памятный мотив, милый, это ты ли?
Муза спустилась со сцены и широко, на отлете протянула генералу руку.
И генерал принял ее ладонь. Покачав головой, - мол, я это, я, - он хрипло и озорно запел в микрофон:

- Эх, раз, еще раз, еще много, много раз.
- Лучше сорок раз по разу, чем ни разу сорок раз, - орала и хлопала в ладоши публика, окружившая площадку с генералом и Музой плотным кольцом.
Кто-то взял у Музы микрофон, а она, шелкая пальцами, сотрясая на груди и запястьях рук воображаемые бусы, цыганочкой прошла перед Тимофеем Георгиевичем. И тогда, скинув белый парадный мундир кому-то на руки, он разухабисто, наперегонки с огневой мелодией, забил каблуками, застучал ладонями по груди, по бедрам: вот, мол, какой я гоголь!

Заведенная публика, распахнув настежь двери ресторана, провожала их в ночь. Смычок в руках длинноволосого скрипача ласкал струны, и скрипка пела:

- Скажите девушки, подружке вашей, что я ночей не сплю, о ней мечта.
- И где наша машина? - спросила Муза Пегасовна.
- Уже едет, Муза, - ответил генерал.

И она тотчас услышала доносящийся из темноты цокот копыт, и в полосу света въехала карета, запряженная тройкой гнедых.

- Вау! - сказал народ.

И только Муза Пегасовна не выказала ни малейшего потрясения - приняла карету как должное. Все потому, что сегодня она играет королеву, а королеве подобает передвигаться гужевым транспортом. Генерал подал ей руку, она поднялась вслед за ним, и, когда кони тронулись, Муза Пегасовна помахала подданным рукой.

Карета неслась по пустынному городу, ее догоняла полная луна.

- Муза, - тихо сказал генерал и взял ее ладони в свои.

Он держал их бережно, как нечто драгоценное, и трогательно смотрел ей в лицо. По одному только слову она поняла, что он хочет сказать, и от смущения не знала, куда деть глаза. Она радовалась, что в карете, освещаемой пробегающими уличными фонарями, не видны ее пылающие щеки.

- Я хочу жениться на тебе.

- Не смейся, - нервно засмеялась Муза. - Какой брак может быть на исходе жизни? Нам пора думать о вечном. Но это не мешает нам просто встречаться...

Он опустил голову и губами дотронулся до ее запястья.

- Нет, - сказал генерал, - просто встречаться мы не будем. Ты станешь моей женой, или тебя не будет в моей жизни...

- Это ультиматум? - с вызовом бросила она; его безапелляционный тон вернул ей присутствие духа.

- Это война, - жестко сказал он. - Муза, я хочу видеть тебя каждый день, хочу слышать, как скрипят половицы под твоими ногами, хочу называть тебя "моей девочкой", хочу засыпать и просыпаться с тобой.

- О, мой генерал! Я давно разучилась спать с мужчинами, - рассмеялась Муза Пегасовна.

- А мы и не будем спать, - сжал он ее ладонь, - это я тебе обещаю. А сейчас закрой глаза.

- Зачем? - не поняла Муза. - Зачем закрывать глаза, когда и так ничего не видно?

- Не бойся, моя девочка, - промолвил генерал, - девственности мы будем лишать тебя в другой обстановке.

- Вот еще! - засмеялась Муза, но глаза закрыла.

Прохладный, рассыпающийся на части предмет заполнил ее ладонь. Она открыла глаза, генерал шелкнул зажигалкой. Пламя выхватило из темноты золотое кольцо, в самом центре которого, словно черная вишня, матово переливалась жемчужина. Глядя на нее, Муза ощутила, как это бывает перед пробуждением, ирреальность происходящего. Ночь, карета, генерал, дарующий полновесное золотое кольцо с редкой жемчужиной - возможно, такое и

случается в жизни отдельно взятых женщин, но только не на постсоветском пространстве.

- Настоящее золото? - обомлела Муза. - Настоящая черная жемчужина?

Опьянев от ее радости, генералблаженно улыбался.

- Неужели это мне? Тима, неужели мне? - восклицала она, прикладывая кольцо к груди.

- Дай-ка я тебе помогу. - Генерал принял драгоценность из ее рук, приблизился вплотную.

Его пальцы дотронулись до ее шеи, когда он, пытаясь застегнуть кольцо, нежно раздвинул волосы на затылке. Это прикосновение вызвало во всем теле такую дрожь, что Муза испугалась. Собрав последние крохи благоразумия, она спросила не без гордости:

- Ты думаешь, меня можно купить?

- Я предполагал такое развитие сюжета. - Генерал, будто свечу, передал ей зажигалку. - Держи.

Снизу, из-под сиденья, он вытащил бутылку темного стекла с широким горлышком. У Музы на ладони покоилось кольцо, второй рукой она держала зажигалку, пытаясь угадать следующий эпизод сюжета. Сюжета, подсказанного генералу не без ее участия.

- Что это? - тихо спросила она.

- Царская водка, - спокойно ответил генерал, - растворяет все, особенно хорошо - золото с жемчугами.

Хлопнула отвернутая пробка. С замиранием сердца Муза смотрела, как его рука поднимает кольцо, как медленно опускает звено за звеном в бутылку. Словно воочию представляла она, как за темным стеклом, в глубине бутылки, страшная жидкость, не издав ни звука, сжирает благородный металл, а с ним и черную жемчужину. Чтобы не видеть бутылку, погубившую жемчужину, она потушила зажигалку. Вместе с пламенем что-то потухло и в ней.

- Надеюсь, я не очень подорвала областной бюджет? - после долгого молчания спросила Муза Пегасовна.

- Областной бюджет здесь ни при чем. Колье я купил на деньги, вырученные от продажи рубля Константина.

- Как ты смел? - задыхнулась Муза. - Ты предал свою тетку! Предал Лили, которая любила только тебя! Истребил подобно варвару семейную реликвию! Муза кричала, ее рука тянулась к двери.

- Почему ты мне сразу не сказал? Зачем ты повесил на меня этот груз вины? Кучер, остановить карету! Вандал! Солдафон! Насмотрелся Тьеполо? На солнце тоже можно смотреть, а можно и ослепнуть. Главное, не смотреть, а видеть суть - живопись иносказательна! Как любое произведение! Тимофей Георгиевич, видимо, вы еще не читали Муму, а то бы в городе не осталось собак, - язвительно произнесла она.

- Я думал, ты - Клеопатра, - обронил он.

- Да какая я Клеопатра! - сокрушалась Муза. - Я обычная русская баба. Просто я хотела, чтобы все было красиво.

- Обещаю, у нас все будет красиво. - Он поднял бутылку и, взболтав, опрокинул ее вниз горлышком прямо на сиденье.

Муза не успела вскочить, как замороженная она смотрела на жидкость, хлынувшую из бутылки; брызги окропили ее и генерала. Вместе с потоком из бутылки выскочило кольцо, целое и невредимое; оно целомудренно примостилось между ними. Генерал поднес бутылку к губам и выпил последние капли.

- Рекомендую, Муза, шампанское.

- И что мне делать теперь? - спросила она.

- Выходить за меня замуж, - сказал он, застегивая кольцо на ее шею.

- Я твоя, мой генерал. - Муза распахнула объятия.

На место генерала, сложившего с себя обязанности комдива, был назначен полковник Власов Алексей Викторович. После торжественного построения, на котором личный состав дивизии присягал под знаменем части на верность новому командиру, Лелик подошел к нам с Василием - мы стояли в зрительских рядах.

- Вака, пойдешь замуж за комдива? - спросил он, такой красивый в черной шинели, с золотой звездой на груди.

- Лелик, может, для начала в ресторан? - ответила я вопросом на вопрос.

- Сходим, - с готовностью согласился он, обнимая меня.

- Я с вами, - подхватил Василий. - В жизни не был в ресторане.

Лелик щелкнул его по лбу.

- Куда только мать смотрит: ребенок ни разу не был в ресторане! Когда идем?

- Сейчас, - хором ответили мы.

На лицо Лелика набежала небольшая тучка.

- Сейчас не могу, через полчаса у меня совещание, потом ночные полеты.

- Тогда завтра, - тотчас отреагировал Василий.

Не знаю, было ли Лелику неудобно передо мной, но обманывать ребенка он определенно стыдился.

- Завтра, завтра... Понимаешь, Василий, завтра тренажеры, в семнадцать - Военный Совет.

- А послеполезавтра? - с издевкой спросила я.

- Предполетная подготовка, - сквозь зубы процедил Лелик. - Ну, что ты хочешь, - взорвался он, - если у меня такая жизнь, если я не вылажу из кабины! Ты не желаешь понимать, что мне некогда!

И уже примирительно:

- Может, вы без меня в ресторан сходите?

Я хохотала на всю ивановскую, мне было смешно до колик, люди оглядывались на нас. Василий растерянно дергал меня за рукав.

- И замуж тоже без тебя? - все еще всхлипывая от приступа смеха, спросила я.

- Этого, Вака, ты никогда не дожدهшься. - Лелик провел ладонью по моему лицу. - Замуж ты пойдешь со мной.

- Не знаю, - печально сказала я, - может, мне Василий не разрешит.

- Я подумаю, - серьезно заявил Василий.

От скудной ласки мозолистой руки Лелика я едва сдерживаюсь, чтобы не разреваться. Достаточно ему дотронуться, как меня начинает лихорадить, на клеточном уровне я чувствую, как эта зараза, из-за которой мы с трудом отлипаем друг от друга, с реактивной скоростью передается и ему. Ну тогда почему у меня есть соперница - авиация, ради которой он готов жертвовать мной, а не наоборот? И что такое должно произойти, чтобы Лелик забыл о полетах и думал только обо мне? Впрочем, я, кажется, знаю: мне надо броситься под машину, и тогда его сильные руки поднимут меня; надо спровоцировать нападение, и тогда Лелик будет заботливо мазать мой лоб зеленкой; а еще лучше - очутиться на самом краю пропасти, и тогда он спасет меня. А пока я жива и здорова, пока никто за мной не охотится, Лелик будет летать, посвящая краткие перерывы между полетами - мне. Может, это и есть любовь?